

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ	<i>Тепкеев В. Т.</i> Русско-калмыцкие переговоры и шерть 1657 г.	5
	<i>Батыров В. В.</i> Брак умыканием у калмыков в первой половине XIX века	10
	<i>Сызранов А. В.</i> Раскол Духовного управления мусульман Европейской части СССР и Сибири (ДУМЕС) и образование региональных муфтиятов в постсоветской России	13
АРХЕОЛОГИЯ	<i>Очир-Горяева М. А., Кекеев Э. А.</i> Археологические раскопки поселения эпохи бронзы Ергенинское	18
	<i>Кекеев Э. А.</i> О материалах археологических раскопок из курганной группы Архара, хранящихся в фондах Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова	27
ЯЗЫКОЗНАНИЕ	<i>Трофимова С. М., Рассадин В. И.</i> О развитии форм личной и возвратной принадлежности и связи их с категорией определенности/неопределенности в бурятском языке	31
	<i>Мизиев А. М.</i> О синонимии фразеологических единиц в тюркских языках	37
	<i>Олядыкова Л. Б., Ярмаркина Г. М.</i> Графические и орфографические особенности кириллицы в скорописи деловых писем XVIII в.	40
	<i>Борлыкова Б. Х.</i> Калмыцкие исторические песни: опыт кластерного описания лексики	47
	<i>Убушиева Б. Э., Омакаева Э. У.</i> К вопросу о роли и функциях поэтических топонимов (на материале калмыцких народных песен)	53
	<i>Митриев И. М., Есенова Т. С.</i> Радость и улыбка как знаки эмоциональной сферы калмыков	56
	<i>Чемидова Д. П., Есенова Т. С.</i> Социальный и религиозный факторы в коммуникативном поведении калмыков	61
	<i>Кичикова Н. А., Ярмаркина Г. М.</i> «И друг степей калмык» как прецедентный феномен в общероссийском и калмыцком языковом сознании	65
ФОЛЬКЛОРИСТИКА	<i>Селеева Ц. Б.</i> Малые жанры фольклора монгольских народов в записи А. В. Бурдукова (к вопросу о публикации фольклорных текстов)	70
	<i>Обоюкова В. В.</i> К вопросу о формах бытования жанра тойук	75
	<i>Яданова К. В.</i> Предания теленгитов долины Эре-Чуй	79
	<i>Хусаинова Г. Р.</i> Персонажи башкирской волшебной сказки: мифологические противники героя	84
	<i>Убушиева Д. В.</i> Текстологический анализ трех вариантов калмыцкой народной песни «Шара шилин гүлзиге» / «[На] архара с золотистой горы»	88
ЭКОНОМИКА	<i>Бабич С. Г.</i> Статистическое исследование рынка частных депозитов: региональный аспект	93
	<i>Ахмадова Т. Ш.</i> Перспективы инвестиционной деятельности в регионе (на примере Чеченской Республики)	102

	<i>Хулхачиева Э. П.</i> О возможностях реализации кластерной политики в условиях перехода к инновационной экономике: зарубежный и отечественный опыт	106
	<i>Болдырева С. Б., Аксенова Т. Н.</i> Некоторые теоретические проблемы изучения этноэкономики	110
	<i>Кекеева К. А.</i> К вопросу о финансовых ресурсах как основе функционирования экономики региона	114
ЮРИСПРУДЕНЦИЯ	<i>Максимов Г. К.</i> Особенности избирательного законодательства по выборам в Государственную думу 1905–1907 гг. депутатов от кочевых народов	118
	<i>Гунаев Е. А.</i> Правовое регулирование миграционных процессов в Республике Калмыкия в начале XXI в.	122
	<i>Цебекова Г. В., Адьянов К. Д.</i> К вопросу о мерах противодействия коррупции в системе образования Российской Федерации	127
	<i>Басанов В. В., Кравцова А. Н.</i> Уголовно-правовой анализ преступлений, связанных со взрывами	130
БИОЛОГИЯ	<i>Менкнасунова Ж. В., Дорджиева В. И.</i> Сопоставление структуры побега <i>Glycyrrhiza glabra</i> L. в условиях полупустынной зоны и побережья Волги	134
	<i>Дорджиева В. И., Аюшева Е. Ч., Джапова Р. Р.</i> Анатомическое строение фотосинтезирующих органов кохии стелющейся	139
ЭКОЛОГИЯ	<i>Ташнинова Л. Н.</i> Влияние антропогенных факторов на создание парагенетических ландшафтов	143
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	147
АННОТАЦИИ	149
ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ	156

CONTENT

HISTORY	<p><i>Tepkeev V.</i> Russian-Kalmyk Negotiations and the «Shert» of 1657 5</p> <p><i>Batyrov V.</i> Marriage by Abduction among the Kalmyks in the first half of the XIX century 10</p> <p><i>Syzranov A.</i> Split in the Spiritual Board of Muslims of the European Part of the USSR and Siberia (DUMES) and the Formation of Regional Muftiyats in Post-Soviet Russia 13</p>	
ARCHAEOLOGY	<p><i>Ochir-Goriaeva M., Kekeev E.</i> Archaeological Excavations of a Settlement of the Bronze Age Ergeninskoye 18</p> <p><i>Kekeev E.</i> On Materials of the Archeological Excavations of Barrow Group Arkhara stored in the Funds of the National Museum of the Republic of Kalmykia named after N. Palmov 27</p>	
LINGUISTICS	<p><i>Trofimova S., Rassadin V.</i> About the Development of the Forms of Personal and Impersonal Possession and the Connection with the Category of Definiteness and Indefiniteness in the Buryat Language 31</p> <p><i>Miziev A.</i> On the Synonymy of Phraseological Units in the Turkic Languages 37</p> <p><i>Oliadykova L., Yarmarkina G.</i> Graphic and Orthographic Features of Cyrillic Script in Cursive Writing of the XVIII century Business Letters 40</p> <p><i>Borlykova B.</i> Kalmyk historical songs: the experience of cluster description of vocabulary 47</p> <p><i>Ubushieva B., Omakaeva E.</i> To the Question of the Role and Functions of the Poetic Toponyms (on the material of the Kalmyk folk songs) 53</p> <p><i>Mitriev I., Esenova T.</i> Joy and Smile as Signs of Emotional Sphere of the Kalmyks 56</p> <p><i>Chemidova D., Esenova T.</i> Social and Religious factors in the Communicative Behavior of the Kalmyks 61</p> <p><i>Kichikova N., Yarmarkina G.</i> “And the Steppe-Loving Kalmyk” as Precedent Phenomenon in All-Russian and Kalmyk Linguistic Consciousness 65</p>	
FOLKLORE STUDIES	<p><i>Seleeva Ts.</i> Small genres of folklore of the Mongolian peoples in the record of A. V. Burdukov (on the question of the publication of folklore texts) 70</p> <p><i>Oboyukova V.</i> To the Question of the Forms of Existence of the Genre Toyuk 75</p> <p><i>Yadanova K.</i> Legends of the Telengits of the Vally Ere-Chui 79</p> <p><i>Khusainova G.</i> The Characters of Bashkir Fairy Tale: Mythological Opponents of Hero 84</p> <p><i>Ubushieva D.</i> Textological Analysis of Three Variants of the Kalmyk Folk Song «Shara Shilin Gyulzige » / «[On] the arkhar from the Golden Mountain» 88</p>	
ECONOMICS	<p><i>Babich S.</i> Statistical Research of the Market of Retail Deposits: Regional Aspect 93</p> <p><i>Akhmadova T.</i> Prospects of Investment Activities in Region (on the example of the Chechen Republic) 102</p>	

	<i>Khulkhachieva E.</i> About the Possibilities of Realization of Cluster Policy in Conditions of Transition to Innovative Economy: Foreign and Russian Experience	106
	<i>Boldyreva S., Aksenova T.</i> Some Theoretical Problems of Studying of Ethnoeconomics	110
	<i>Kekeeva K.</i> To the Question of Financial Resources as Foundation of the Functioning of Region's Economy	114
JURISPRUDENCE	<i>Maksimov G.</i> Peculiarities of the Electoral Legislation on Elections of deputies from nomadic peoples to the State Duma of 1905–1907	118
	<i>Gunaev E.</i> Regulation of Migration Processes in the Republic of Kalmykia in the beginning of XXI century	122
	<i>Tsebekova G. Adianov K.</i> To the Question of Preventive Measures against Corruption in the Education System of the Russian Federation	127
	<i>Basanov V., Kravtsova A.</i> Criminal-legal Analysis of the Crimes Connected with Explosions	130
BIOLOGY	<i>Menknasunova Zh., Dordzhieva V.</i> Comparison of Structure of the Shoot of <i>Glycyrrhiza glabra</i> L. in a Semi-arid Zone and the Coast of Volga	134
	<i>Dordzhieva V., Ayusheva E., Dzhapova R.</i> Anatomical structure of the photosynthetic bodies of <i>Kochia prostrate</i>	139
ECOLOGY	<i>Tashninova L.</i> Influence of Anthropogenic Factors on the Creation of Paragenetic Landscapes	143
SCIENTIFIC LIFE	147
SUMMARIES	149
INFORMATION ABOUT AUTHORS	156

УДК 94(47)047
ББК 63.3(2)46

РУССКО-КАЛМЫЦКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ И ШЕРТЬ 1657 г.

В. Т. Тенкеев

В истории русско-калмыцких отношений в XVII столетии одной из важных политических дат является 1657 год. В условиях продолжавшейся Русско-польской войны 1654–1667 гг. в этот период происходили события, оказавшие влияние на русско-калмыцкие отношения. После заключения шертей в 1655 и 1656 гг. калмыкам были предоставлены определенная территория для кочевок и возможность беспошлинно торговать в волжских городах. Со своей стороны, тайши обязывались быть у русского царя «в вечном послушании», не ссылаться «с государевыми непослушники и изменники», не брать в плен царских подданных, не нападать на их промыслы и учуги. Они должны были по распоряжению русского правительства посылать свои войска, куда будет приказано, и биться с врагами, «не щадя голов своих» [Преображенская 1960: 64]. Однако в дальнейшем царское правительство было не вполне удовлетворено заключенными соглашениями.

Судя по русским источникам, после принятия на себя определенных политических обязательств в 1655 и 1656 гг. из-за продолжавшихся набегов башкир и саратовцев на пограничные калмыцкие улусы [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1657 г. Д. 1. Л. 147] калмыки не смогли достаточно активно участвовать в военной кампании России против Крыма и Речи Посполитой. В такой обстановке в связи с известиями о прибытии в калмыцкие улусы персидских и крымских послов с письменными посланиями от своих правителей¹ русско-калмыцкие переговоры были возобновлены.

В ходе подготовки подписания шерти воевода Василий Ромодановский предъявил тайшам два главных требования: выдача аманатов в Астрахань и принесение

шерти лично тайшами. В этом случае калмыкам были обещаны безопасность кочевий и свободная торговля. В. Ромодановский делал упор на те условия договора, которые не были включены в предыдущие шерти, несмотря на старания астраханских воевод.

Как правило, в подобной ситуации, когда стороны не могут прийти к взаимному соглашению, большую роль играет посредническая деятельность лиц, способных нейтрализовать острые противоречия договаривающихся сторон. В данном переговорном процессе в роли посредника выступил едисанский мирза Сююнча Абдулов, пользовавшийся доверием Дайчина. Именно он по просьбе В. Ромодановского «наговорил» приближенным людям Дайчина оказать давление на тайшу, чтобы тот согласился с требованиями воеводы. После достаточно сложных предварительных обсуждений тайши согласились дать шерть на условиях, выдвинутых В. Ромодановским. При этом о своем окончательном согласии дать аманатов Дайчин объявил через посланца в Астрахани буквально за день до шертования, т. е. 29 марта. Все это стало результатом настойчивости, проявленной воеводой. 30 марта в устье реки Кутум под Астраханью состоялся русско-калмыцкий съезд. С астраханской стороны приняли участие стрелецкий голова Алексей Дернов и участвовавший в подготовительной работе татарин Эшей Кашкарин. С калмыцкой стороны прибыли в сопровождении 1,5 тыс. человек тайши Мончак и Манжи-Ялбо, лично подписавшиеся под шертью [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1657 г. Д. 2. Л. 28; Преображенская 1960: 66–67]. Полный текст шерти 1657 г. приводим ниже:

Даем шерть великому государю, царю и великому князю Алексею Михайловичу Всеа Великия, и Малыя, и Белья России, самодержцу и обладателю, и ево государеву

¹ Например, осенью 1656 г. из Крыма к тайшам прибыли четверо послов [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1657 г. Д. 1. Л. 141, 143, 152–153].

сыну, государю благоверному царевичу и великому князю Алексею Алексеевичу Всея Великия и Малыя, и Белья России, и иным ево государским детям, которых впредь ему государю Бог даст, мы, калмыцкие тайши, я, Мончак тайша, за себя и за отца своего, Дайчина тайшу Урлюкова, да я Манжик тайша, Даян-Эрки тайши сын, за себя и за деда своего родного, Дайчина тайшу, и за дядей, и за братью свою, и за детей, и за племянников, и за всех улусных наших калмыцких людей шертуем по своей калмыцкой вере, даем шерть, поклоняся Богом своим, и целуем Бога своего Бурхана, и молитвенную книгу бичик, и чотки на том, что Дайчину тайше и нам, Мончаку и Манжику тайшам, з братею своею и з детьми, и племянники, и улусным нашим калмыцким людям быти у великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича Всея Великия и Малыя, и Белья России самодержца в вечном подданстве и в послушанье. И добра ему, великому государю, и его государевым людям хотети в правду безо всякие шатости и хитрости. И с его государевыми непослушниками и с изменники ни с кем ни о чем не ссылатися и за них не стоять. И государевых русских людей, и вечных холопей нагайских, и едисанских, и юртовских татар в улусех, и на проездех, и на промыслах нигде не побивать и в полон не имать, и не грабить, и от прежних от всех неправд отстать.

И давать нам в государеву отчину, в Астарахань, для большого утвержденья и крепости аманатов от родства и поколенья своего из двоюродных своих братьей и ис племянников калмыцкого тайшу доброго, да с ним родственных черных людей добрых же. И тем вашим калмыцким аманатом быти в государеве отчине, в Астарахани, по государеву указу. И впредь нам аманаты давать по переменам против того ж.

И к государеве отчине к Астрахани, и на иные государевы украинные городы, и на уезды, и на государевы людей, которые бывають в посылках и на проездех, и на промыслах, и в проездех, и на нагайские, и на юртовские улусы, и на конные и животные отары войною Дайчину тайше, и нам, и братье нашей, и племянником, и всем улусным нашим людям, самим нам, тайшам Манчаку и Манжику, не приходит и братей своей, и детем, и племянником, и улусных калмыцких людей, и государевых изменников мурзы и татар никою не посылать.

И государевых городов, и сел, и деревень, и учюгов не жечь и людей не побивать и в полон не имать, и не грабить, и никакова зла не делать и не мыслить по сей шерти и утверженью.

А где государь укажет быть нам, калмыцким тайшам и улусным нашим людям, калмыком на своей государеве службе с своими государевыми ратными людьми вместе, и нам, Мончаку и Манжику, и брате, и детем, и племянником, и улусным нашим людям, з государевыми изменники и с непослушники бится до смерти, не щадя голов своих. А великому государю, царю и великому князю Алексею Михайловичу Всея Великия, и Малыя, и Белья России самодержцу, и его царскому величеству, не изменять и его государевых людей не [на]подать и хитрости над ними нам, Тайшам, и брате и детем, и племянником нашим, и улусным нашим калмыком в ссылке и в соединенье не быть.

А государевых людей, русской и татарской полон, и их животы которых в прошлых годех взяли мы калмыцкие люди и с изменники татарове под Астараханью, и под Терком, и под иными государевыми городами, собрав, всех отдать в государеву отчину в Астарахань. И государевых изменников нагайских, и едисанских, и енбулуцких мурз и татар, которые в прошлых годех, изменя государю, и из под его государевы отчины, ис под Астарахани, отошли к нам, тайшам, в калмыцкие улусы, которые из них похотят собою идти в Астарахань, и Дайчину тайше, и нам тайшам, и братье нашим, и детем, и племянником, и улусным нашим людям в неволе их у себя не держать, и не грабить, и отпущать в Астарахань совсем безо всякого задержанья. И впредь к себе в улусы государевых вечных холопей нагайских, и едисанских, и юртовских мурз и татар от государевы отчины от Астрахани и от иных ево государевых городов не призывать; а будет кто собою придет, и их не принимать и отсылать их в Астарахань. И государевых людей, русских и татар полонеников, присылать нам из улусов своих всех в Астарахань.

А которых посыльщиков по государеву указу из государевы отчины из Астрахани и из иных государевых городов бояря и воеводы учнут посылать для государевых всяких дел в калмыцкие улусы к нам, Дайчину и к Мончаку, и к Манжику тайшам, и к детем, и к брате, и к племянником, и к улус-

ным нашим людем, тем присыльщиком безвестья никакова не делать и не бить их, и не бранить, и тесноты им у себя не чинить, и отпуцать их безо всякого задержанья.

А как государь, царь и великий князь Алексей Михайлович Всеа Великия, и Малыя, и Белья России, самодержеца и сын ево государев государь благоверный царевич и великий князь Алексей Алексеевич Всеа Великия, и Малыя, и Белья России укажешь нам, тайшам Дайчину, и Мончаку, и Манжику, и улусным нашим людем идти с своими государевыми ратными людьми на Крым или где его государево повеленье будет, и нам всем тайшам, и улусным нашим калмыком на Крым или где государь укажет идти безо всякого мотчанья. А как з государевыми ратными людьми на их государеву службу на Крым пойдём или на иные государевы недруги и нам, Мончаку и Манжику тайшам, и улусным нашим людем для уверенья и правды в государеву отчину в Астарахань дать аманатов прибавочных добрых из братии своей, и с племянников, и из родственных лутчих людей.

Яз, Мончак тайша Дайчинов, да Яз, Манжик тайша Даян-Эркин, шертуем великому государю, царю и великому князю Алексею Михайловичу Всеа Великия, и Малыя, и Белья России самодержцу и многих государств государю, и обладателю, Его Царскому Величеству и сыну иво государеву Государю благоверному царевичу и Великому Князю Алексею Алексеевичу Всеа Великия, и Малыя, и Белья России и иным его государевым детем, которых ему, Государю, впредь Бог даст, и даем шерть за отца своего Дайчина Тайшу, и за себя, и за братю, и за детей, и за племянников наших, и за всех улусных людей калмык на том на всем, как все шертовальной записи написано. А будет мы, тайши, и наши все улусные люди не учнем так делать, как в сей шертовальной записи написано, и шерть свою и утверженье чем нарушим, и на нас, тайшах, и на наших детех, и на улусных людех буди Божий гнев и огненный меч, и будем мы прокляты всем веде и в будущем [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1657 г. Д. 1. Л. 12–18].

При сравнении текста шерти 1657 г. с предыдущими устными и письменными шертями обнаруживается несколько существенных отличий.

Во-первых, в отличие от предыдущих договоренностей, например, от шерти

1655 г., где имела место не совсем определенная формулировка отношений «быть в вечном послушании», базировавшаяся на принципах вассалитета, новая шертная запись конкретно определила «быть в вечном подданстве и послушании».

Во-вторых, новым пунктом стало обязательство предоставлять аманатов из числа родственников, ближайших к правившей в то время семье Дайчина и Мончака.

В-третьих, впервые калмыки обязывались не иметь никаких отношений с враждебными России государствами — Османской империей и Крымским ханством. Последнее обязательство, как считает П. С. Преображенская, нельзя рассматривать в качестве попытки правительства ограничить свободу внешних сношений калмыков [Преображенская 1960: 69]. Договор только фиксировал принцип: «враг моего союзника — мой враг», — и это никак не распространялось на другие государства, находившиеся в мирных отношениях с Россией и калмыками [Тепкеев 2012: 250].

Вместе с тем, как свидетельствуют русские документы, в калмыцкие улусы все же продолжали беспрепятственно приезжать многочисленные крымские посольства, что не мешало тайшам оставаться верными русско-калмыцким договоренностям. По мнению М. Ходарковского, стороны по-разному интерпретировали заключенные соглашения [Khodarkovsky 1992: 92]. Содержание русско-калмыцких переговоров, предшествовавших подписанию шерти 1657 г., свидетельствует о том, что калмыки эту присягу рассматривали как соглашение между двумя военными союзниками. В. В. Трепавлов приходит к выводу о том, что подобный вид документа можно рассматривать как форму межгосударственных, а не внутригосударственных отношений, на период действия которого младший партнер как бы переходил под покровительство российского монарха, но не включался в число его подданных [Трепавлов 2007: 137].

В качестве аманата Мончак и Манжи-Ялбо отправили тайшу Кулачи (сына Биликты, шурина Мончака), чей улус насчитывал 400 человек. С Кулачи в аманаты поехали и двое его родственников «кереитского родства» — Булат Когуржанов и Эргель Мубулов. В Астрахани калмыцким аманатам была устроена торжественная встреча «по посольскому обычаю». Воеводы поселили калмыков не на Аманатном

дворе, где содержались другие мирзы-заложники, а на отдельном дворе, тем самым подчеркивая особенность данного события [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1657 г. Д. 1. Л. 5–7, 20]. 1 апреля Кулачи был принят астраханскими воеводами в Приказной палате. Астраханцы расспросили тайшу о здоровье, а затем привели его к шерти. Приехавших в Астрахань калмыцких послов отправили в Москву [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1657 г. Д. 1. Л. 9–10].

Калмыцкой стороне был передан удерживавшийся в Астрахани калмыцкий ясырь и выдано жалованье для тайшей. Дайчину отправили соболью шубу, украшенную серебром и жемчугами, стоимостью 60 руб., а также меховую шапку из горностаия стоимостью 20 руб. Мончаку была передана соболья шуба (55 руб.) и шапка (21 руб.). Московские власти перешли к более весомому размеру материального стимулирования калмыков. Теперь они стали получать из казны ежегодное жалованье в размере 810 руб. [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1657 г. Д. 1. Л. 7–8, 21]. В марте этого же года в районе Красного Яра по просьбе Дайчина дали шерть его родственники и приближенные люди [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1657 г. Д. 1. Л. 90, 94].

Дайчин остался доволен заключенным соглашением и отправил в Москву своих послов — Кучюка Нарушаева, Элакая Эшбердеева (оба из рода *кереит*) и ногайца Бекбаши (представителя С. Абдулова). 16 июня калмыцкие послы прибыли в Москву. 23 июня они были приняты царем. Дайчин через послов сообщил царю о шерти, заключенной его сыном и внуком под Астраханью, и на этом основании просил разрешения для калмыцких улусов кочевать летом по берегам Волги и предоставить возможность свободной торговли в приволжских городах. Тайши выразили готовность совместно участвовать с русскими в войне против Крыма [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1657 г. Д. 2. Л. 13, 42–44, 61, 103].

П. С. Преображенская обращает внимание на тот факт, что в письме к царю за 1657 г. Дайчин именуется себя «холопом», чего ранее за ним не наблюдалось. Основываясь на этом, исследовательница делает вывод, что именно 1657 год можно рассматривать как рубежный в завершении процесса добровольного вхождения калмыков в состав Российского государства [Очерки

истории Калмыцкой АССР 1967: 119]. По мнению К. Н. Максимова, принцип «государь — холоп» характеризовал саму суть самодержавной политики, и с появлением подобной официальной формулировки определился новый рубеж в отношениях России с калмыками — добровольное государственное подданство без приобретения населением, так сказать, гражданства [Максимов 2002: 62–63]. Можно предположить, что произошло принятие калмыками российского подданства, но без вступления в состав государства².

Формулировки «холопство» и «подданство» в некоторой степени требуют уточнения. Мы не знаем, насколько точен был русский перевод письма Дайчина 1657 г., на который ссылаются П. С. Преображенская и М. Л. Кичиков [Очерки истории Калмыцкой АССР 1967: 119; Кичиков 1966: 102], но в нашем распоряжении имеются полные тексты русских переводов аналогичных писем Дайчина за 1658 и 1661 гг. (а также подлинники на старописьменном монгольском и татарском языках), где отсутствуют такие термины, как «холоп» или «холопство» [Тепкеев 2012: 268, 270, 292–297]. Более того, в самом тексте шерти 1657 г. не используются подобные формулировки.

Калмыцким послам в Москве оказали радушный прием и этим же летом по царскому указу тайшам отправили жалованье: шубы, однорядки, меховые шапки и сукно. Царь также приказал вернуть хранившиеся в Астрахани останки Хо-Урлюка, Кирсана и Церена, покрыв их красным сукном. Из Москвы к местным воеводам пришел строгий указ о наказании всех тех, кто нападает на калмыков без государева ведома [РГАДА.

² В. В. Трепавлов применительно к XVI–XVIII вв. определил четыре признака принадлежности региона (народа) государству: (1) включенность территории (народа) в высшую государственную символику; (2) налогообложение в пользу единого государства; (3) распространение на данный регион действия общероссийского законодательства и подведомственность внутригосударственным инстанциям; (4) принадлежность его к одному из административных подразделений государства. Вести речь о вхождении территории в состав государства можно лишь с тех пор, как она характеризуется хотя бы тремя из перечисленных четырех критериев [Трепавлов 2007: 134].

Ф. 119. Оп. 1. 1657 г. Д. 2. Л. 65–66, 83–84, 116].

Вместе с тем, реализация нового соглашения происходила со сложностями. Так, в последующие годы выплаты жалования приостанавливались, продолжались набеги башкир и казаков на калмыцкие улусы. Все это не могло не разочаровывать тайшей в политике российских союзников, в то время как крымские посольства делали все более заманчивые предложения [Khodarkovsky 1992: 94].

Несмотря на это, калмыцкие тайши продолжали курс на укрепление союза с Россией. В этот период царским правительством решался территориальный вопрос для калмыцкого народа, определялись постоянные территории калмыцких кочевий в пределах Северного Прикаспия, шел процесс становления Калмыцкого ханства.

Источники

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

Литература

- Батмаев М. М.* Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII–XVIII вв. Элиста: АПП «Джангар», 2002. 400 с.
- Кичиков М. Л.* Исторические корни дружбы русского и калмыцкого народов. Образование Калмыцкого государства в составе России. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1966. 152 с.
- Максимов К. Н.* Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX вв.). М.: Наука, 2002. 524 с.
- Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М.: Наука, 1967. 479 с.
- Преображенская П. С.* Из истории русско-калмыцких отношений в 50–60-х годах XVIII в. // Записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Элиста: КНИИЯЛИ, 1960. Вып. 1. С. 49–83.
- Тепкеев В. Т.* Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века. Элиста: НПП «Джангар», 2012. 376 с.
- Трепавлов В. В.* «Белый царь»: образ монарха и представление о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Вост. лит., 2007. 255 с.
- Khodarkovsky M.* Where Two Worlds Met: The Russian State and The Kalmyk Nomad, 1600–1771. Ithaca, N.Y., 1992. 280 p.

УДК 392.5

ББК 63.5 (2Рос=Калм)

**БРАК УМЫКАНИЕМ У КАЛМЫКОВ В ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА***В. В. Батыров*

Брак умыканием, или заключение брака через похищение невесты, является одной из наиболее древних форм брака у народов Центральной Азии. В свадебной обрядности калмыков XIX в. можно выделить два способа заключения брака: через умыкание невесты и традиционным способом (со сватовством и последующим проведением свадьбы). Исследователь семьи и брака у калмыков Д. Д. Шалхаков отмечал, что вплоть до 20-х годов XX в. у калмыков встречались формы заключения брака, которые не требовали сватовства и свадьбы [Шалхаков 1982: 32].

Мотивом похищения часто был отказ родителей невесты выдавать дочь за сватающегося. Так, Н. А. Нефедьев писал: «...в бытность мою в улусе Харахусовском один бедный калмык, влюбленный в девушку, сосватанную уже за другого, богатого жениха, вечером, накануне того дня, в который надлежало быть свадьбе, похитил ее, когда она вблизи своей кибитки занималась собиранием аргасуна, и скрылся» [Нефедьев 1834: 120].

В исторической литературе принято считать, что основной и самой веской причиной умыкания в дореволюционный период было стремление избежать значительных материальных расходов, связанных со сватовством и свадьбой [Эрдниев 1985; Шалхаков 1982; Батмаев 2008; Шараева 2011]. Эти фиктивные похищения невест, происходившие с негласного, обоюдного согласия родителей, были, главным образом, характерны для бедных, малоимущих калмыков. Так, в 1816 г. Главный пристав калмыцкого народа Я. К. Ваценко отмечал имевшее место фиктивное похищение невест в начале XIX в. Он связывал это с тем, что «при всяком бракосочетании встречаются однако большие затруднения. Гелюнги должны сообразить день рождения обоих и назначить день брака, коих очень редко в году бывает». По мнению автора этнографических заметок, во многом именно эта причина явля-

лась причиной широкого распространения воровского бракосочетания, которое было в «большом употреблении между ими (т. е. калмыками — В. Б.)» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 161. Л. 119–119об.].

В калмыцком обществе крайне осторожно подходили к такому рубежному событию, как свадьба, в том числе из-за существовавших представлений о несоответствии будущих супругов друг другу — *харш* (несовместимость). Жених и невеста должны были подходить друг другу, в случае же несоответствия *харш*, как считалось, в семье должны были происходить различные несчастия, болезни, раздоры и прочее, вплоть до смерти одного из супругов [Душан 1976: 48]. Дата свадебной церемонии полностью зависела от буддийских астрологов-зурхачи, которые и должны были определять окончательно время проведения свадьбы, а также соответствие или несоответствие жениха и невесты. Определение даты не только занимало большое количество времени, но и требовало больших материальных трат на подарки астрологам от обеих семей.

Я. К. Ваценко дал подробное описание обряда «воровского бракосочетания», который заключался в том, что «жених, получив согласие отца невесты, посылает одно или два корыта варенаго мяса, баранины, говядины или лошади, и несколько простаго вина; потом приезжает с несколькими провожатыми к невесте, и посидя у нее малое время уезжает; а невеста, спустя несколько времени, едет верхом же с провожатыми к мужу — чем и кончится» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 161. Л. 119–119об.].

Между тем, архивные документы показывают, что в первой половине XIX в. (возможно и ранее) брак умыканием имел не только экономические причины, причем в этих случаях похищение невесты обычно проводилось без согласия девушки и ее родителей. Распространенность брака умыканием привела к тому, что частые жалобы и обращения населения Калмыцкой степи

стали причиной для разбирательства российской администрации. Так, 24 мая 1839 г. исполняющий должность помощника попечителя Малодербетовского улуса И. Черкасов подал запрос в Ламайское духовное правление¹ по поводу случаев, когда в невесты берутся девушки против воли родителей и их самих [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 22]. В запросе И. Черкасов отмечал, что «между калмыцким народом существует иногда обычай при совершении супружества брать невесту против согласия родителей и родственников и даже самой невесты набегом, а потому встречается недоумение, допускается ли таковой обычай религиозными обрядами». Особо помощника попечителя интересовал вопрос о том, «не подлежат ли уголовному суждению таковые учинившие, хотя бы завладение невестой не сопровождается боем или буйством» [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 22. Л. 1–1об.].

В своем запросе И. Черкасов счел обязанностью добавить, что, по его мнению, «весьма полезно бы было уничтожить как этот ... необоснованный вредный обычай, оставшийся в калмыцком народе с древних времен от грубости и необразованности тогда <...> калмыков, так равно и другой подобный сему». Вредность, по мнению помощника попечителя, проистекала от того, что «от них происходят оскорбление родителей тех и родственников тех увозимых девиц и ссылаемых безвинно женщин нарушения» [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 22. Л. 2об.]. А более всего И. Черкасов желал запретить «самовольную безпричинную ссылку от себя (жены. — В. Б.) ... прежде предоставления законных ... причин к тому в ламайское духовное правление и до получения на то разрешения от правления, как это бывает в народах прочих» [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 22. Л. 2об.].

Так, писал помощник попечителя², «увоз самовольно понравившейся девушки, имение ее некоторое время женою и после, может, была безвинная ссылка, порожденная каким-нибудь новым порочным желанием обладать другою». В данном случае И. Черкасов поднимал весьма значимый вопрос о непрочности и слабости брачных отношений, совершенных при по-

мощи умыкания невесты и не имевших законной силы в глазах общества. Помимо прочего, подобные браки часто порождали длительные конфликты между калмыками. Как писал И. Черкасов, похищение невесты «оскорбляет родителей обесчещенной женщины, <...> (принуждает. — В. Б.) ее самое к чему-нибудь к неприличному». Но самым худшим явлением помощник попечителя считал то, что такие браки «вдвое развращают нравственность молодых калмыков» и приводят к ослаблению «религии и законов гражданских». Здесь И. Черкасов высказал мнение, что умыкание невесты могло быть вызвано лишь сиюминутным влечением молодого человека. И этот факт, несомненно, влиял на дальнейшие перспективы семьи, созданной на такой непрочной основе, а также на общее ослабление устоев традиционного общества. Завершая рассмотрение всех последствий брака умыканием, И. Черкасов упоминал и немалые материальные потери, потому что последующие неурядицы, происходившие в калмыцком обществе (в виде судебных разбирательств), в итоге приводили к разорению «и претендателя и ответчика» [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 22. Л. 3].

В итоге Ламайское духовное правление, рассматривая обращение помощника попечителя, определило: «что если бы как <...> увезена девушка, без согласия родителей и ее самой да еще и сговоренной за кого-либо, как это иногда бывает между калмыками, то увезший ее калмык хотя бы и <...> должен подлежать за это суду». Таким образом, была введена ответственность за умыкание невесты без согласия обеих сторон, подлежащая судебному разбирательству [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 22. Л. 3].

Ранее, в 1816 г., об этом же сообщал Главный пристав калмыцкого народа Я. К. Ваценко: «супружество их (т. е. калмыков. — В. Б.) непрочное: как только муж осердится на жену, прогоняет ее, а потом берет другую» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 161. Л. 119]. На основании подобного свидетельства можно сделать вывод, что имелась материальная выгода от экономии в затратах на свадебные обряды, но, вместе с тем, брак умыканием не считался в обществе достаточно легитимным. Только «полноценная» свадьба, проведенная в соответствии с традициями, легитимизировала брак в калмыцкой родовой общности. В традиционной семейной обрядности у калмыков должен был быть совершен целый цикл обрядов, которые оформляли

¹ Ламайское духовное правление (1836–1848 гг.) — выборный орган управления буддийским духовенством у калмыков.

² К тому времени И. Черкасов стал помощником попечителя.

окончательное включение невесты в семью жениха, когда она наделялась статусом супруги. Понятно, что полный цикл обрядов при браке умыканием не проводился.

Похищение могло происходить и по другим причинам. Так, в 1839 г. опекун Харуховского улуса зайсанг Зодбо Дамбилев похитил Манку — дочь зайсангши Эркетеневского улуса вдовы Джоодже Мацаковой. 27 января 1839 г. в присутствии членов Совета Астраханского калмыцкого управления, губернского прокурора и члена Ламайского духовного правления Цюрюм Дензена произошло разбирательство, в ходе которого выяснилось, что дочь покойного Эркетеневского зайсанга Манджи Мацакова Манка не была похищена насильственно, а была увезена якобы по добровольному согласию матери [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 20. Л. 1.]. Также выяснилось, что Манка Мацакова была увезена по решению правителей Эркетеневского улуса (зайсангов Уту-Насуна и Неке), которые предложили Зодбо Дамбилеву взамен прежней его невесты, выданной за малодербетовского владельца Менко Очира Тундутова, на выбор трех зайсангских дочерей. Зодбо Дамбилев выбрал себе дочь Джоодже, которой сообщили о принятом решении правители Эркетеневского улуса [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 20. Л. 15].

Зодбо Дамбилев провел свадебные мероприятия по «калмыцкому обряду», совершенные гелюнгом по имени Кирип Мухараев [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 20. Л. 22об.]. Примечательно то, что никаких положенных подарков дочери Джоодже Мацаковой зайсанг не делал потому, что уже сделал их предыдущей своей невесте, впоследствии отданной замуж за М. О. Тундутова. Более того, Манка Мацакова до этого была сосватана за малодербетовского зайсанга Балтыка Бороманджиева, который в период сватовства преподнес в качестве подарков ее семье две лошади и деньги (400 руб.) [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 20. Л. 13].

Вмешательство правителей Эркетеневского улуса в вопросы брака подведомственного им населения, грубый произвол по отношению как к вдове Джоодже Мацаковой, так и к невесте З. Дамбилева в конечном итоге привели к конфликту и обвинению зайсанга в похищении, о котором свидетельствовало следующее: отсутствие свадебных подарков со стороны жениха, статус засватанной за другим у М. Мацаковой, отсутствие согласия на брак матери невесты и самой невесты.

Таким образом, анализ позволяет выделить две разновидности брака умыканием: первая — насильственное похищение девушки, вторая — похищение с ее согласия и с ведома родителей. На основании изучения целого ряда архивных свидетельств можно сделать вывод: распространенность брака умыканием привела к учащению жалоб и обращений населения Калмыцкой степи, которые стали причиной для разбирательства российской администрации. Это привело к тому, что в 1839 г. Ламайское духовное правление признало у калмыков похищение невесты против ее желания и желания ее родителей преступлением.

Распространение брака умыканием в XIX в., по мнению специалистов, имело экономическую подоплеку — «стремление избежать значительных материальных расходов, связанных со сватовством и свадьбой» [Шалхаков 1982: 33]. Однако, по нашему мнению, недостаточная «законность», или, вернее, недостаточное соответствие нормам оформления традиционной свадебной обрядности при браке умыканием в глазах современников стали причиной того, что такие браки могли быть непрочными и недолговечными. В калмыцкой историографии на эту особенность брака умыканием не обращали внимания, акцентируя экономическую выгоду подобной формы брака.

Источники

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 161, Ф. 42. Оп. 1. Д. 20, 22.

Литература

Батмаев М. М. Семья и брак в традициях калмыков. Элиста: Издат. дом «Герел», 2008. 256 с.

Душан У. Д. Обычаи, обряды и традиции калмыков в конце XIX — начале XX вв. // Этнографический сборник. № 1. Элиста: КНИИЯЛИ, 1976. С. 3–54.

Нефедьев Н. А. Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте Н. Нефедьевым. СПб.: Тип. К. Крайя, 1834. 314 с.

Шалхаков Д. Д. Семья и брак у калмыков (XIX — начало XX вв.). Историко-этнографическое исследование. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. 86 с.

Шараева Т. И. Обряды жизненного цикла калмыков (XIX — начало XXI вв.). Элиста: НПП «Джангар», 2011. 224 с.

Эрдниев У. Э. Калмыки: Историко-этнографические очерки. 3-е изд., перераб. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во. 1985. 282 с.

УДК 94(470)

ББК 63.3(2)

РАСКОЛ ДУХОВНОГО УПРАВЛЕНИЯ МУСУЛЬМАН ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР И СИБИРИ (ДУМЕС) И ОБРАЗОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ МУФТИЯТОВ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

А. В. Сызранов

Во второй половине 1980-х гг. в условиях «перестройки» в СССР началось так называемое «религиозное возрождение», в том числе и ислама. Летом 1989 г. в Поволжье и Башкирской АССР прошли торжества, посвященные 1100-летию принятия Волжской Булгарией ислама и 200-летию Духовного управления мусульман Европейской части СССР и Сибири (ДУМЕС). К торжествам были приурочены закладка и открытие мечетей в Уфе, Казани, Набережных Челнах и Нижнекамске. В праздновании юбилея приняли участие представитель Совета министров РСФСР, ряд региональных чиновников высшего звена, зарубежные гости, послы мусульманских стран и представители международных общественных организаций [Силантьев 2006: 32].

После распада СССР ДУМЕС, преобразованное в 1992 г. в Центральное духовное управление мусульман России (ЦДУМ), занимало доминирующие позиции среди российских мусульман. Руководитель ДУМЕС муфтий Талгат Таджуддин, избранный на этот пост еще 19 июня 1980 г., сохранил лидирующую позицию и в ЦДУМ, получив титул верховного муфтия. Управление пользовалось всемерной поддержкой со стороны государства. Казалось, положению Т. Таджуддина как безальтернативного лидера российской мусульманской общины ничто не угрожает. Однако уже в 1992 г. началось брожение в рядах ДУМЕС. Некоторые имамы стали открыто говорить о необходимости создания независимых от ДУМЕС управлений. Распад СССР ослабил позиции ДУМЕС, разделив мусульманские общины России, Украины, Белоруссии, Молдавии и Прибалтики. Летом 1992 г. все возможности сохранить стабильность в ДУМЕС оказались исчерпаны. Федеральная власть не обращала на эти процессы внимания, а региональные власти склонялись к созданию собственных автономных мусульманских структур. В августе 1992 г.

из ДУМЕС выделились Башкирское и Татарское духовные управления [Малашенко 1998: 112].

Так, 21 августа 1992 г. в Уфе состоялся учредительный съезд, инициаторами которого выступили имам-мухтасиб Уфимского мухтасибата¹ ДУМЕС Нурмухаммед Нигматуллин, ответственный секретарь ДУМЕС Нафигулла Аширов и главы Стерлитамакского, Октябрьского и Сибайского мухтасибатов. На съезде было принято решение создать национальный башкирский муфтият² — независимое ДУМ Республики Башкортостан. Тем самым был инициирован раскол ДУМЕС. Н. Нигматуллин был избран муфтием ДУМ РБ, Н. Аширов — его заместителем [Религия и общество 2002: 124–126]. В состав нового муфтията вошло большинство башкирских общин ДУМЕС и некоторое количество татарских, что придавало ему выраженную национальную окраску. 1 сентября 1992 г. ДУМ прошло регистрацию, а 8 ноября того же года провело свой второй съезд. Началась многолетняя борьба (прежде всего за приходы) между ДУМЕС и ДУМ РБ, которая велась с разной интенсивностью и переменным успехом. В 1995 г. в ведении ЦДУМ находилось 139 приходов

¹ Мухтасибат — мусульманское духовное управление среднего звена, руководившее деятельностью мусульманских «приходов» определенной местности. Мухтасибаты подчинялись Оренбургскому магометанскому духовному собранию (в дальнейшем — Центральному Духовному управлению мусульман России и европейских стран СНГ).

² Муфтият — высшая ступень религиозной организации российских мусульман, духовное управление мусульманских общин определенного региона во главе с *муфтием*. *Муфтий* — знаток шариата, дающий разъяснение его основных положений и принимающий решение по его спорным вопросам в виде особого заключения (*фатва*, или *фетва*), основываясь на принципах шариата и прецедентах.

республики, в ведении ДУМ РБ — 219. Позиции ЦДУМ были наиболее сильны в северных и северо-западных и центральных районах, в то время как на ДУМ РБ ориентировались преимущественно общины южных и восточных районов [Юнусова 1999: 291].

В Татарстане требования перевода центра ДУМЕС из Уфы в Казань либо создания независимого Духовного управления стали раздаваться уже с конца 1980-х гг. 22 августа 1992 г. в Набережных Челнах открылся учредительный съезд ДУМ Республики Татарстан, провозглашенного независимым муфтиятом. Председателем ДУМ РТ был избран имам-хатиб казанской Сенной мечети и лидер Исламского центра Татарстана Габдулла Галиуллин. Новая мусульманская структура получила признание татарстанских властей и была зарегистрирована уже 15 сентября 1992 г. [Силантьев 2008: 206–207; Якупов 2005: 67]. Первоначально в ДУМ РТ вошла лишь небольшая часть общин-«махалля» республики, однако, благодаря энергичным действиям Г. Галиуллина, новое духовное управление стало расширяться. Спустя некоторое время Т. Таджуддин был вынужден признать новообразованный татарстанский муфтият [Таджуддин признал ДУМ].

Нарастающий центробежный процесс затронул и другие регионы. О своей солидарности с инициаторами раскола заявил ряд региональных лидеров ДУМЕС. Началось создание независимых духовных управлений в Поволжье и Сибири. Оппозицию Т. Таджуддину составили молодые имамы Поволжья, Сибири, центральных регионов страны. Так, имам саратовской мечети Муккадас Бибарсов предложил разукрупнить ДУМЕС и превратить его в координационный центр с минимальным управленческим аппаратом и управленческими функциями. 31 августа 1992 г. в Саратове состоялось мухтасибатское собрание, в котором приняли участие представители мусульманских общин Саратовской, Волгоградской, Пензенской областей. Собрание провозгласило учреждение межрегионального управления (мухтасибата) вышеуказанных регионов [Юнусова 1999: 282–283].

30 сентября 1992 г. в Москве был создан «Координационный Совет глав региональных духовных управлений мусульман Европейской части бывшего СССР и Сибири». В Координационный Совет вошли: муфтий

Республики Башкортостан Н. Нигматуллин, муфтий Республики Татарстан Г. Галиуллин, глава мусульман Пермской, Кировской областей и Республики Удмуртия Наиль Сахибзяманов, глава мусульман Саратовской, Волгоградской и Пензенской областей М. Бибарсов и др. 21 октября 1992 г. в Казани прошел первый съезд новой организации, на котором Координационный Совет был переименован в Высший координационный центр духовных управлений мусульман России (ВКЦДУМР). Был принят устав и избран председатель — Г. Галиуллин, который стал именоваться Верховным муфтием России (затем — Нафигулла Аширов, бывший секретарь Т. Таджуддина). ВКЦ имел руководящие органы: Высший координационный совет, членами которого являлись региональные муфтии и руководители исламских центров, и Исполком ВКЦ. В 1998 г. ВКЦДУМР фактически вошел в состав Совета муфтиев России [Юнусова 1999: 283–285].

В последующие годы раскол российского ислама значительно расширился. В большинстве регионов с заметной долей мусульманского населения возникло по два, по три и даже по четыре альтернативных муфтията. Параллельно с этими процессами в ряде регионов шло формирование автономных салафитских общин.

В 1994 г. было создано Духовное управление мусульман центральной части России с резиденцией в Москве, возникли самостоятельные управления в Сибири, Нижнем Поволжье, Санкт-Петербурге. Духовное управление мусульман Европейской части России (ДУМЕР, Московский муфтият) — централизованная религиозная организация была зарегистрирована в Москве в Министерстве юстиции РФ 23 февраля 1994 г. под названием Духовное управление мусульман Центрально-Европейского региона России (ДУМЦЕР), а позже, 9 декабря 1998 г., на съезде мусульман Европейской части России решением глав и представителей мусульманских организаций 22 субъектов РФ была переименована в ДУМЕР (Московский муфтият). Муфтием был избран имам-мухтасиб Московского мухтасибата ДУМЕС Равиль Гайнутдин. В состав муфтията вошли мусульманские общины Москвы и Московской области, Твери, Вологды, Костромы, Курска, Владимира, Иванова, Тулы, Тамбова, Орла, Смоленска и др. В структуре ДУМЕР были созданы: между-

народный отдел, отдел по науке и связям с общественными организациями, отдел связи с региональными религиозными организациями и государственными службами РФ и др. [Ахметова 2008: 71].

2 июля 1996 г. на встрече ряда региональных муфтиев, созванной председателем ДУМЦЕР Р. Гайнутдином, было принято решение о создании Совета муфтиев России (СМР). Соучредителями СМР выступили ДУМЦЕР, ДУМ Поволжья, ДУМ Республики Татарстан, ДУМ Сибири, ДУМ Оренбургской области — Бугурусланский муфтият и др. Влияние новой структуры распространилось на большинство регионов центральной России, а также на другие регионы (Карелию, Хакасию, Алтай, Приморский и Хабаровский края, Курганскую, Саратовскую, Нижегородскую, Вологодскую, Тюменскую и др. области) [Силантьев 2008: 41; Ахметова 2013: 288].

Таким образом, исламское возрождение в СССР началось одновременно с прогрессирующим расколом их мусульманских обществ. Разделения между мусульманами обусловлены личной неприязнью, этническими противоречиями, финансовыми спорами, религиозными разногласиями и политическими взглядами.

Предпосылки раскола, как считает современный российский исламовед А. Б. Юнусова, заключались в следующем: 1) дробление некогда единого мусульманского центра соответствовало юридической и экономической самостоятельности религиозных организаций в регионах. Начался передел восстанавливаемой мусульманской собственности, который вылился в противоборство мусульманских лидеров; 2) борьба за власть в среде высшего духовенства, спроецированная на межнациональные отношения, привела к образованию национальных управлений в республиках. Каждая суверенная республика добивалась от центральной власти разграничения полномочий, обростала новыми управленческими структурами, стремилась к сосредоточению власти и в области духовной; 3) противоречия между новым поколением имамов и муфтием Т. Таджудином. В отдельных регионах в основе ориентации мусульманских общин лежали личные симпатии и антипатии имамов к тому или иному мусульманскому лидеру, а кое-где и клановые, родственные связи [Юнусова 1999: 286–288].

В январе 1991 г. на базе тогда еще малочисленных общин Саратовской области был образован Саратовский мухтасибат ДУМЕС, лидером которого стал амбициозный имам М. Бибарсов. К этому времени он уже выглядел самодостаточным мусульманским деятелем, энергия которого искала свой выход не только в религиозной, но и в политической деятельности [Семенов 2007: 69]. В сентябре 1992 г. М. Бибарсов объявил о создании независимого от ДУМЕС межрегионального ДУМ Саратовской, Пензенской и Волгоградской областей, впоследствии переименованного в ДУМ Среднего Поволжья. 7 октября 1992 г. новая централизованная структура прошла регистрацию, а 15 августа 1993 г. вошла в ВКЦДУМР [Силантьев 2008: 258].

29 октября 1994 г. на I съезде мусульман Поволжья М. Бибарсов заявил о расширении зоны своей юрисдикции и преобразовал ДУМ Среднего Поволжья в ДУМ Поволжья (ДУМП). Теперь он претендовал на управление всеми мусульманскими общинами от Астрахани до Ульяновска, вследствие чего присвоил себе почетный титул «Имам Поволжья». ДУМП обозначило зоной своего влияния Саратовскую, Пензенскую, Волгоградскую, Астраханскую, Ульяновскую и Самарскую области, а также Чувашию, Мордовию и Калмыкию [Семенов 2007: 70–71]. К этому времени, однако, в большинстве перечисленных регионов уже существовали свои централизованные структуры, потому реальное влияние ДУМП ограничилось только Саратовской областью.

В январе 1991 г. в Астраханской области был создан Астраханский мухтасибат ДУМЕС, который возглавил имам Центральной мечети № 1 («Ваххабия») Назымбек Ильязов. Весной 1994 г. мухтасибат был преобразован в муфтият [Викторин 2008: 46–47; Силантьев 2006: 305; Силантьев 2008: 351–352]. Официально он стал называться «Духовное управление мусульман Астраханской области» (ДУМАО) или «Региональное духовное управление мусульман Астраханской области» (РДУМ АО), а после государственной регистрации 6 июня 1999 г. получил наименование «Астраханское региональное духовное управление мусульман» (АРДУМ). Муфтият возглавил Н. Ильязов. АРДУМ остался в зоне юрисдикции ЦДУМ — исторического преемника ОМДС, которому подчинялись мусульман-

ские «приходы» Астраханской губернии до революции.

В середине 1990-х – первой половине 2000-х гг. в АРДУМ периодически возникали сложные ситуации, которые могли привести к расколу. Некоторые общины стремились к выходу из состава духовного управления и переходу под управление других ДУМов. Так, в середине 1990-х гг. среди части астраханских имамов начала формироваться внутренняя оппозиция муфтию, которую возглавил имам областной мечети № 15 с. Старая Кучергановка Растям Кенжалиев. Оппозиция стала выражать недоверие астраханскому муфтию и заявила о своем желании перейти под юрисдикцию саратовского ДУМП. Лишь по «техническим» причинам «мятежные» общины не смогли выйти из юрисдикции Астраханского муфтията [Викторни 2008: 49–50; Силантьев 2006: 305–306; Силантьев 2008: 352]. В 1997 г. свое негативное отношение к руководству муфтията проявляли руководители правобережных (по отношению к р. Волга) общин (в частности с. Солянка) [Социально-экономическое развитие 1997: 33]. В 2001 г. о возможности выхода из ведения АРДУМ открыто заявляли представители астраханской мечети № 2 (Ногайская мечеть), мечети № 32 (мечеть г. Нариманов), мечети с. Старая Кучергановка и др. [Информационно-аналитический бюллетень 2001: 16].

В марте 2005 г. в с. Бахтемир Астраханской области был арестован Мансур Шангареев, брат муфтиев Исмаила Шангареева (глава так называемого «Бугурусланского муфтията» в составе СМР) и Тагира Шангареева (председатель ДУМ Ульяновской области «Ассоциация мечетей» в составе СМР) [Наздрачева 2005]. М. Шангареев развернул в регионе активную деятельность по расколу астраханской уммы и дискредитации руководства АРДУМ. 26 декабря Шангареев был признан виновным в незаконном хранении оружия, боеприпасов и наркотиков, разжигании религиозной розни и осужден на три года лишения свободы [Силантьев 2008: 353].

В июне 2004 г. в мечети № 15 (с. Старая Кучергановка) произошел открытый конфликт между астраханским муфтием Н. Ильязовым и сторонниками имама Р. Кенжалиева, выражавшего желание перейти под юрисдикцию ДУМЕР [Астрахань: в пригородной мечети]. В результа-

те столкновений в мечети и последующих силовых действий муфтия его сторонников в начале 2005 г. Р. Кенжалиев был снят с должности имама [Астраханский имам оставил мечеть].

В конце концов Астраханскому муфтияту все же удалось избежать раскола, во многом благодаря поддержке местных властей и руководства ЦДУМ.

Существенным отличием религиозной политики российской администрации от ее советских предшественников явился отказ от единого контролирующего органа общегосударственного масштаба. С одной стороны, существовала заинтересованность власти в единстве мусульманского сообщества России, так как государству было проще иметь дело с единой общественной структурой, с другой же — консолидированность мусульманского сообщества могла возыметь и обратный эффект. Будучи едиными, мусульмане могли бы действовать более самостоятельно, формулировать собственные религиозные интересы и претензии. Поэтому власть не поддержала идею создания единого центра мусульманских организаций. В течение 1990 – начала 2000-х гг. шла длительная борьба за близость к Кремлю между двумя основными лидерами российских мусульман — Т. Таджуддином и Р. Гайнутдином. Несмотря на разную степень личных симпатий к муфтиям, власть осознала тот факт, что определить самого главного российского муфтия невозможно, хотя бы в силу различий между кавказской и поволжской татаро-башкирской общинами. Нецелесообразно было и воссоздание единой структуры среди татарских и башкирских мусульман с одним единственным главой. Российское государство сочло более уместным проводить политику, равную по отношению к мусульманским центрам [Малашенко; Тульский].

Результатом объединительных усилий Кремля стало подписание 20 мая 2004 г. совместного заявления Р. Гайнутдина, Т. Таджуддина и Исмаила Бердиева (председателя Координационного центра мусульман Северного Кавказа) о создании «Объединенного совета духовных управлений мусульман России по противодействию экстремизму и терроризму», в котором они выразили «решительную поддержку и всемерное содействие усилиям государства и Президента РФ В. В. Путина». Впервые за всю историю мусульманского

раскола лидеры трех основных группировок российских мусульман объединились в общий Совет. И хотя эффективность от деятельности Совета была минимальна, сам факт его существования знаменовал окончание публичного противостояния между российскими муфтиями и признание полицентрии в руководстве мусульманского сообщества РФ [Малашенко].

Литература

- Астрахань*: в пригородной мечети произошла драка прихожан // Кавказский узел. [электронный ресурс] // URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/58614/> (дата обращения: 30.09.2013).
- Астраханский* имам оставил мечеть «под дулом пистолета» // Астраханский регион — южный форпост России [электронный ресурс] // URL: <http://www.astrakhan.net/?ai=8234> (дата обращения: 30.09.2013).
- Ахметова Д. Ф.* Духовное управление мусульман европейской части России // Ислам в Москве: энциклопедический словарь / сост. и отв. ред. Д. З. Хайретдинов. М.: Издат. дом «Медина», 2008. С. 71.
- Ахметова Д. Ф.* Совет муфтиев России // Ислам в Поволжье: энциклопедический словарь / сост. и отв. редактор Д. З. Хайретдинов. М.: Издат. дом «Медина», 2013. С. 288–289.
- Викторин В. М.* Ислам в Астраханском регионе. М.: Логос, 2008. 54 с.
- Информационно-аналитический бюллетень* (общественно-политическая ситуация в Астраханской области). Вып. № 2 (14). Астрахань: Упр. по работе с обращениями граждан и национально-культурными органами, 2001. 20 с.
- Малашенко А. В.* Государство и ислам в постсоветской России // Институт религии и политики [электронный ресурс] // URL: <http://i-r-p.ru/page/stream-exchange/index-13339.html> (дата обращения: 30.09.2013).
- Малашенко А. В.* Исламское возрождение в современной России. М.: Московский центр Карнеги, 1998. 224 с.
- Наздрачева Л.* Мошенник оказался радикальным исламистом // Комсомолец Каспия. № 25. 2005. 30 марта.
- Религия и общество. Очерки религиозной жизни современной России* / под ред. С. Б. Филатова. М.: Летний сад, 2002. 486 с.
- Силантьев Р. А.* Новейшая история исламского сообщества России. М.: Инф.-издат. продюсерская компания «ИХТИОС», 2006. 632 с.
- Силантьев Р. А.* Ислам в современной России. Энциклопедия. М.: Алгоритм, 2008. 576 с.
- Семенов В. В.* Мусульмане в общественной жизни Саратовской области // Ислам на Юге России: Сб. ст. Астрахань: Аф ФГОУ ВПО ВАГС, 2007. С. 67–76.
- Социально-экономическое развитие Астраханской области в 1997 г.* Официальный доклад Администрации Астраханской области. Астрахань: Департамент инф., изд-ва, полиграфии и связи, 1997. 171 с.
- Таджуддин* признал ДУМ Татарстана // Город Казань. 1992. 8 сентября.
- Тульский М.* Взаимоотношения мусульманских организаций России с федеральной и региональной властью // Информационно-аналитический центр «Сова» [электронный ресурс] // URL: <http://www.sova-center.ru/religion/publications/secularism-limits/2005/01/d3406/> (дата обращения: 30.09.2013).
- Юнусова А. Б.* Ислам в Башкортостане. Уфа: Уфим. полиграфкомбинат, 1999. 352 с.
- Якупов В. М.* Ислам в Татарстане в 90-е годы. Казань: Изд-во «Иман», 2005. 114 с.

УДК 903.42
ББК 63.4 (2Рос=Калм)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЕРГЕНИНСКОЕ

М. А. Очир-Горяева, Э. А. Кекеев

В мае–июне 2012 г. на территории Республики Калмыкия были проведены первые стационарные раскопки поселения Ергенинское широкими площадями. Работа проходила в два этапа. Первый этап раскопок был проведен в мае–июне 2012 г., когда было вскрыто 107 м² культурного слоя. Второй этап раскопок пришелся на август–сентябрь 2013 г., когда было вскрыто 300 м² культурного слоя. Статья посвящена описанию результатов первого этапа археологических раскопок поселения раннего бронзового века Ергенинское у с. Ергенинское Кетченеровского района Республики Калмыкия.

Археологические раскопки поселения «Ергенинское» велись членами совместной экспедиции Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук и Археологического Ландесамта Земли Шлезвиг-Гольштейн (Германия). В работе экспедиции принимали участие сотрудники Археологического Ландесамта Земли Шлезвиг-Гольштейн Айко Зиглофф, Аннете Гулдин, старший научный сотрудник КИГИ РАН М. А. Очир-Горяева, младший научный сотрудник КИГИ РАН Э. А. Кекеев, волонтер профессор Клаус Вилль (Технический университет, г. Берлин). В качестве рабочих трудились жители с. Ергенинское Н. и В. Волковы и их отец В. Волков, студенты Калмыцкого государственного университета, приехавшие домой на каникулы, им помогали учащиеся местной школы.

Поселение «Ергенинское» находится в 2,5 км к западу от села Ергенинское на берегу речки Кек Булук. Оно было открыто в 2002 г. экспедицией под руководством М. А. Очир-Горяевой по наличию подъемного материала [Очир-Горяева 2003]. В 2008 г. был проведен облет местности на

легкомоторном самолете. Облет позволил конкретнее изучить окрестности. До начала раскопок была проведена большая подготовительная работа. В 2010 г. была проведена тахеометрическая съемка поселения, создана ГИС система «Поселение Ергенинское» и заложено шесть разведочных шурфов. Во всех шурфах были найдены кости животных и фрагменты керамики [Очир-Горяева 2011а]. Фрагмент трубчатой кости овцы (пункт 23) был отправлен для радиоуглеродного датирования в Лабораторию Лейбница для определения возраста и исследования изотопов при Кристиан-Альбрехт университете г. Килля (Германия), и в результате проведенного анализа получена дата — XXIX–XXVII вв. до н. э. [RadiocarbonAgeBR 4200±22; OneSigmaRange: cal BC 2883–2864; 2806–2760 (Probability 68,3 %); TwoSigmaRange: cal BC 2891–2853; 2812–2744; 2726–26696 (95,4 %)]. Дата XXIX–XXVII вв. до н. э. соответствует периоду существования ямной культуры раннего бронзового века в восточноевропейских степях.

В 2011 г. впервые в истории археологии Республики Калмыкия на поселении Ергенинское были проведены геофизические исследования заведующим отделом геофизической разведки Баварского Ландесамта доктором Йоргом Фассбиндером (г. Мюнхен). Согласно заключению доктора Й. Фассбиндера, на магнитограмме поселения Ергенинское прослеживаются регулярные, частично линейные поселенческие структуры. Их размеры, повторяемость и количество позволяют предположить, что таким образом на магнитограмме отразились следы жилищ. В нескольких местах прослеживаются следы очагов по более темным

аномалиям на магнитном поле. Печи, однозначные абрисы домов и столбовые ямки не распознаются [Очир-Горяева и др. 2011б].

Таким образом, комплексные исследования на поселении подготовили основательную базу для следующего этапа археологических исследований, которые связаны со вскрытием большими площадями культурного слоя поселения Ергенинское раннего бронзового века.

Вскрытие культурного слоя

Общий анализ данных, а также сбор подъемного материала позволяют предположить, что площадь изучаемого поселения составляет примерно 4 га. Топографический план на данный момент составлен для центральной части площади поселения (2,7 га). Магниторазведкой была охвачена территория в 6400 м² (0,64 га). Опираясь на результаты комплексного предварительного изучения поселения Ергенинское, археологи приняли решение начать с наиболее хорошо прослеживаемого на магнитном поле участка и расширять площадь раскопов последовательно, вскрывая культурный слой. В северо-западной части площади поселения, на которой была проведена магниторазведка, наблюдалась аномалия подпрямоугольной в плане формы со скругленными углами. Было решено заложить раскопы с полным захватом северного края этой аномалии. Заложено два раскопа размером 5х6 м, два раскопа 5х5 м и 2,2х10 м. Общая площадь раскопов составила 107 м². На этом этапе исследования была поставлена цель вскрыть культурный слой в одном месте, не распыляясь по разным участкам. В дальнейшем запланированы раскопки для последовательного расширения уже вскрытых участков во всех направлениях, то есть продолжение исследования методом сплошного вскрытия культурного слоя поселения.

Методика исследований

Место закладки раскопов выбиралось с использованием результатов магниторазведки. За отметку 0 был выбран один из фиксунктов топографического плана — фиксункт Z, расположенный на уровне 46,23 м от уровня мирового океана. Фиксункты были установлены с расчетом на

продолжительное использование, и поэтому после проведения магниторазведки вместо деревянных кольев были установлены металлические штыри, подземная часть которых была зацементирована. Поверхность раскопов нивелировалась до начала раскопок по квадратам, через каждый метр. По углам раскопов были забиты колы и натянут строительный шнур. По периметру раскопа через каждый метр был установлен штырь (длинные отвертки с цветными пластмассовыми ручками). Северный край каждого раскопа обозначался цифрой от 0 до 5 м, а западный край обозначался буквенными литерами латинского алфавита от А до D. Таким образом, квадрат имел буквенное и цифровое обозначение. Раскопки проводились ручным методом с фиксацией и нивелировкой планов на трех-четырёх уровнях. В зависимости от плотности грунта для прокопки использовались лопаты и мастерки. Зачистка уровней производилась только мастерками. Находки фиксировались по квадратам и по уровням. В связи с неожиданной поломкой тахеометра первый этап раскопок в мае–июне 2012 г. был проведен с фиксацией по нивелиру фирмы «Лейка», по традиционной для раскопок поселений методике.

Для каждого уровня заводилась таблица, названная нами *регистр*, в которой по вертикали указаны были все 25 квадратов каждого раскопа, а по горизонтали заносились обозначения находок в виде условных значков: с — керамика, к — кость, ко — кость обожженная, s — камень, f — флинт-кремель (орудия и отщепы). В каждом раскопе был назначен ответственный, который вел этот регистр.

Глубины замерялись с помощью нивелира фирмы «Лейка», как уже указывалось, от условного «0» (46,23 м от уровня мирового океана). Скопления керамики, костей и других находок фиксировались отдельно и названы нами *комплекс*. Столбовые ямки фотографировались до вскрытия, после чего они разрезались поперек на всю глубину, чтобы убедиться, что это не суловина. Профили всех стенок каждого раскопа зачищались и фиксировались на всю глубину. Разборка профилей между раскопами производилась после завершения раскопов. При разборке, производив-

шейся мастерками, весь грунт просеивался. По раскопам грунт просеивался не весь, а выборочно, по мере возможности. Одновременно в работе были два самодельных сита с рабочей площадью 1x1 м, сделанных по образцу носилок. Сита ставились на строительные козлы. Сделано это было для того, чтобы обеспечить возможность переноса сита с места на место, с учетом направления ветра и местоположения раскопа. Во время раскопок мы накопили опыт разных методов просеивания земли: очень тщательный — по квадратам, более общий — по уровням в каждом раскопе. Первоначально пытались просеивать землю одновременно с раскопками, позднее перешли к просеву помеченных бирками отвалов. Практически установлено, что просеивание земли очень замедляет процесс работы. Даже если в работе оба сита одновременно, то через них невозможно успеть просеять землю одного раскопа 5x5 м. При одновременном просеивании наблюдался простой рабочих в раскопе, так как они были вынуждены ждать, когда им принесут с просеивания освобожденные емкости (тазы), в которых выносилась земля из раскопов. При этом должны быть оптимально организованы расположение сита и вынос земли из раскопа, с учетом направления ветра. В ходе просеивания находки обнаруживались весьма редко. Работа трудная и, самое главное, в условиях сухой полупустынной степи — невероятно пыльная. Кроме того, практически установлено, что школьники на просеве работают малоэффективно, их надо тщательно инструктировать, они не распознают находки и часто их пропускают. Эффективнее работали взрослые, которые также хорошо работали на раскопе. Поэтому мы укладывали выкид из каждого раскопа по уровням, помечали их бирками. Помеченные выкиды просеивались постепенно при благоприятных условиях: отсутствии ветра и наличии свободных рук взрослых рабочих.

Зачерчивание профилей раскопов и планов на каждом уровне сделано в масштабе 1:20, а зарисовка столбовых ямок в масштабе 1:10. Для каждого уровня кости собирались в отдельный пакет. После раскопок каждый пакет с костями высыпался

на сито, и несколько человек одновременно щеточками очищали каждую кость отдельно, остатки земли просеивались сквозь сито. После этого все кости были взвешены, и определен их вес по раскопам и уровням. Находки (керамика, кремль, изделия, камни) упаковывались отдельно. После промывки и фотографирования все находки заносились в коллекционную опись. Фрагменты керамики с орнаментом, венчики, донышки, ручки и другие изделия были зарисованы и сфотографированы. Кремневые отщепы — только сфотографированы.

Полевые чертежи, изготовленные на миллиметровой бумаге, были засканированы и перечерчены в программе Autocad-2002. Составление полевых чертежей, промывка находок, упаковка, шифровка проводились в рамках традиционной археологической методики.

Стратиграфические наблюдения

Поселение Ергенинское расположено на низком мысе северного берега речки Шар Элсн, протекающей в одной из балок Ергенинской возвышенности. Речка местами напоминает больше ручей, в заводях достигает глубины до 1,5 м, но в основном растекается в виде неширокого (до 10 м) глубиной до 0,5 м русла. Тем не менее речка Шар Элсн никогда не пересыхает летом.

Мыс, на котором находится древнее поселение, покрыт вегетацией только в его северной части. Южная часть мыса оголена и покрыта легким слоем засоленности. По всей видимости, мыс заливается весной водой или, по крайней мере, сильно увлажняется стоком талых вод с окружающих мыс склонов Ергенинской возвышенности. Поэтому грунтовые соли поднимаются и остаются на поверхности. Данное обстоятельство не способствует пресноводной вегетации. На южной части мыса местами растут кусты солянки. Вегетация северной части мыса не отличается интенсивностью, но представлена типичным для степи набором: ковыль, полынь и т. д.

Профили всех пяти раскопов имеют одинаковую стратиграфию. Вегетационный слой представлен не во всех профилях. Там, где он имеется, он достигает мощности 5–7 см, местами до 10 см. Под вегетацион-

ным слоем идет слой темно-серой супеси, мощностью до 40 см. Почти во всех профилях (как в разведочных шурфах, так и в раскопах) этот слой темной супеси имеет четко выраженную, как ножом проведенную, линию посередине, которая разделяет слой серой супеси на два слоя. Верхний слой отличается вкраплениями белого цвета, т. е. кальцинирован. В некоторых местах кальцинированность интенсивная, вкрапления четкие и крупные. В других местах она едва намечается в виде редких мелких вкраплений. В том, что слой серой супеси сверху кальцинирован, а внизу — чистый, без вкраплений, нет ничего необычного для археологических памятников волго-маньчских степей. В верхние слои всегда поднимается соль из глубины грунта и остается там в виде кальцинированных вкраплений, либо верхние слои почвы, постоянно увлажняясь тальми водами, вбирают в себя соль этих талых весенних вод, когда вода выпаривается при резком наступлении жары. Необычным в профилях поселения Ергинское является четкая линия разделения между кальцинированной верхней частью и нижней чистой частью слоя серой супеси. Еще одним специфичным моментом является то, что линия разделения кальцинированной и однородной части слоя серой супеси повышается волнообразно и опускается, переходя в более пологие волны, либо идет в виде ровной линии параллельно остальным слоям. Резкая линия разделения прослеживается и на других участках степи в понижениях, но она там совершенно ровная. И только на территории поселения она имеет фигурно изогнутый характер. Причины изломанности линии разделения остались пока неизвестны, так как запланированный приезд почвоведов из университета г. Килль по организационным причинам откладывается на год. Нами были взяты образцы почв по колонкам. Они находятся в настоящее время на анализе в лаборатории партнера по проекту — Археологического Ландесамта в г. Шлезвиг. Создается впечатление, что нижняя часть слоя серой супеси отличается большей плотностью, которая не пропускает вниз кальцинированные вкрапления. Надо сказать, что нижняя часть супеси является переходной зоной между супесью

и плотным желтым лессом, по структуре и цвету имеет местами явно смешанный с нижним лессом характер. При свежей зачистке видно, что нижняя часть супеси имеет глинистый цвет, но, подсыхая, она приобретает цвет серой супеси. По структуре оба слоя, кальцинированный и некальцинированный, не имеют принципиального различия. Граница между двумя слоями имеет нерегулярный волнообразный абрис не только по вертикали, но и по горизонтали. Это хорошо прослеживалось при снятии тонкими слоями профиля между раскопом 1 и 6. Мы склонны полагать, что неровный абрис разделения двух частей слоя имеет антропогенную причину. Но это всего лишь рабочая гипотеза.

Ниже однородного слоя серой супеси начинается во всех профилях слой плотного желтого лесса, отличающегося необычайной плотностью, затрудняющей его прокопку. Даже попытка воткнуть шило в этот лесс вызывает затруднение. Кости и находки продолжали встречаться в плотном слое желтого лесса с такой же интенсивностью, что и выше. Создается впечатление, что культурный слой начинается практически с современной поверхности и имеет мощность по крайней мере 0,6 м. Поскольку наиболее глубокие массовые находки располагались на глубине 0,85 м от «0», то этот уровень отмечен в виде риски на всех чертежах профилей. Полагаем, что регулярный культурный слой на этом уровне заканчивается. Учитывая то, что уже при вскрытии вегетационного слоя было обнаружено столько же костей, что и в более нижних уровнях, а также сделан ряд характерных находок, можно предполагать, что культурный слой обнажается эрозией почвы и находится практически на дневной поверхности. Интенсивность находок по уровням отличалась незначительно, перерыв в расположении находок не зафиксирован. Исходя из этого сделан вывод, что культурный слой начинается с дневной поверхности и доходит до глубины — 85 от «0», т. е. мощность культурного слоя колеблется между 0,6 и 0,8 м. Имеется возможность рассматривать поселение как двуслойное ввиду залегания культурного слоя в двух почвенных слоях — серой супеси и желтом лессе. Но ввиду

начальной стадии изучения памятника все предположения остаются в области гипотез.

Расположение раскопов

Раскопы расположены в виде прямоугольника, вытянутого по линии СВ–ЮЗ. Такая ориентация длинными сторонами отражает ориентацию прослеженной на магнитном поле аномалии размерами 10x12 м. На месте этой аномалии было запланировано разбить четыре раскопа размерами 5x5 м, исходя из предположения, что они позволят вскрыть всю площадь аномалии на магнитном поле (рис. 1). Первыми были разбиты два северных раскопа №№ 1 и 2, рядом друг с другом. Их исследование показало, что подземные реальные размеры аномалии, которую мы планировали охватить, в действительности как минимум на пару метров больше, чем наши замеры на магнитном поле. Поэтому было решено между раскопами №№ 1 и 2 разбить дополнительный раскоп, чтобы два южных раскопа №№ 4 и 5 могли захватить полностью эту аномалию. Так появился раскоп № 6 между двумя северными и двумя южными раскопами, размерами 2,2x10 м. Раскоп точно таких же размеров был запланирован с северной стороны двух северных раскопов — раскоп № 3. Но в связи с непрогнозированной интенсивностью культурного слоя и нетипичной для июня жарой исследование раскопов №№ 3 и 4 перенесено на следующий год, так как исследование 107 м² потребовало большой работы. После анализа результатов раскопок характер изучения этого, во многом уникального, памятника будет более плодотворным.

Таким образом, вскрыто 4 раскопа общей площадью 107 м² (рис. 1). Далее приводится описание скоплений костей и находок, которые определены нами как комплексы, и важных показателей наличия жилищ — столбовых ямок во всех четырех раскопах. В раскопе № 1 в плотном слое желтого лесса на глубине 66 см от «0» найден фрагмент диоритового топора (квадрат А2) (рис. 2). В квадрате В2 на глубине 64 см от «0» в этом же слое плотной желтой глины найден желвак кремненного камня.

В раскопе № 2 после зачистки дна раскопа на уровне 4 установлено, что земля вдоль

восточного профиля и в северо-восточном углу значительно мягче, чем в центре раскопа. Находки также концентрировались в этом же северо-восточном углу, особенно кости животных. В западной части раскопа, на его дне, удалось проследить несколько темных пятен от шести столбовых ямок. Они были выявлены в самом твердом слое желтого лесса в северо-западном углу (ямки №№ 5 и 6) и в центре раскопа: в квадрате С1 (ямки №№ 2 и 4), в квадрате Д2 (ямка № 1) и в квадрате Д3 (ямка № 3). На плане кажется, что они расположены попарно, образуя полукруг, направленный вершиной на юго-запад. Все столбовые ямки имеют примерно одинаковый диаметр — от 8 до 10 см. Глубина их различается, иногда очень существенно:

- ямка № 1. Расположена в квадрате Д2. Диаметр — 10 см. Глубина — 11 см;
- ямка № 2. Расположена в квадрате С1. Диаметр — 9 см. Глубина — 8 см;
- ямка № 3. Расположена в квадрате Д3. Диаметр — 10 см. Глубина — 84 см;
- ямка № 4. Расположена в квадрате С1. Диаметр — 10 см. Глубина — 43 см;
- ямка № 5. Расположена в квадрате А1. Диаметр — 10 см. Глубина — 4 см;
- ямка № 6. Расположена в квадрате А2. Диаметр — 8 см. Глубина — 5 см.

В раскопе № 5 на втором уровне, между квадратами В2 и А2, было обнаружено скопление керамики — фрагменты лепного горшка. Оно было обозначено как **комплекс № 1**. Чуть выше по глубине находится головка трубчатой кости животного, рядом фрагмент трубчатой кости. Обе кости отрублены, т. е. являются «кухонными отходами». С северной стороны — еще две косточки. В скоплении керамики найдены 9 фрагментов, на глубине 62 см от «0». При снятии находок под ними были обнаружены дальнейшие находки: 3 фрагмента лепного глиняного толстостенного сосуда со следами лощения с внутренней стороны, тесто грубое с примесями, толщина стенок — 10 мм, размеры — 30x35 мм; 4 фрагмента лепной красноглиняной керамики, черепок в изломе черный, размерами от 20x25 до 30x35 мм; 10 фрагментов лепной черноглиняной керамики, в изломе черная, размерами от 5x5 до 10x20 мм; фрагмент кремня,

размером 12x12 мм; фрагмент кремня низкого качества, размером 30x50 мм.

В раскопе № 5 на третьем уровне на границе квадратов А3 и В3 обнаружен **комплекс № 2**. Он представляет собой два пятна красного цвета. Первое пятно круглой формы обнаружено на глубине 61 см от «0». Пятно — это земля, окрашенная охрой, диаметром 60 см; выглядит как след корзины или круглого мешка, наполненного охрой. Окрашенность охрой прослеживалась на глубину 18 см. Это пятно обозначено на чертеже литерой А. У восточной стены раскопа в квадрате В5 выявлено еще одно пятно охры диаметром 50 см, красного цвета. До глубины 30 см в земле прослежены интенсивные крапинки охры. Окрашенный слой в глубину имеет форму конуса. Взяты образцы глины с охрой. Второе пятно обозначено литерой В.

В раскопе № 5 на третьем уровне у восточной стены, у самого края квадрата В5, почти на границе квадрата С5, на глубине 60 см от «0» найдены два фрагмента керамики с орнаментом в виде сот, еще один такой же — в стене. Керамика черноглиняная. Это скопление определено как **комплекс № 3**.

Комплекс № 4 обнаружен в раскопе № 5 — на третьем уровне в квадрате В4 обнаружено шесть фрагментов черноглиняной керамики без орнамента, все плохой сохранности, а рядом — кости животных. При снятии находок найдены: 2 фрагмента обожженной кости; кость трубчатая, сломанная впродоль, длина — 55–75 мм, ширина — 15x25 мм; 15 фрагментов лепной черноглиняной керамики, в изломе черной, размерами от 10x10 мм до 35x40 мм; 6 фрагментов лепной красноглиняной керамики, в изломе черной, размерами от 5x5 мм до 10x15 мм.

Скопление находок в раскопе 5 на третьем уровне на глубине 66 см от «0» в квадрате В2 определено нами как **комплекс № 5**. Он включает крупный фрагмент черноглиняной керамики, кусочек охры, камень в виде кремневой породы или слюды размерами 20x30x45 мм и обожженную кость на глубине 69 см от «0». При снятии находок под ними были найдены: 4 фрагмента лепной, черной в изломе керамики, размерами от 10x10 мм до 20x25 мм; 5 фрагментов лепной красноглиняной керамики, в изломе черной, размерами от 5x5 мм до 25x30 мм.

В раскопе № 5 на последнем уровне все находки сконцентрировались широкой полосой по диагонали раскопа с юго-запада на северо-восток. Совершенно пустыми оказались северо-западный и юго-восточный углы раскопа. Фрагменты керамики встречены 6 раз, кости животных — 7 раз. В области находок были зафиксированы пятна от столбовых ямок, тянувшихся по центру широкой полосы с находками. Столбовые ямки №№ 1, 3–5 идут в одну линию на расстоянии 1,40 м, 0,9 м, 0,8 м друг от друга. Ямка № 2 находится юго-восточнее, между ямками №№ 1 и 3. Их размеры:

- столбовая ямка № 1 — диаметр 10 см, глубина 4 см;
- столбовая ямка № 2 — диаметр 8,8 см, глубина 10 см;
- столбовая ямка № 3 — диаметр 9,2 см, глубина 8 см;
- столбовая ямка № 4 — диаметр 10 см, глубина 18 см;
- столбовая ямка № 5 — диаметр 10 см, глубина 8 см.

В раскопе № 6 на уровне 3 количество всех находок не столь многочисленно. Керамика найдена всего один раз в квадрате А7. Вес костей, собранных на этом уровне, составлял 200 г. Вес костей **комплекса № 2** — 300 г, вес костей **комплекса № 3** — 600 г. Общий вес костей животных уровня 3 составил 1100 г. На уровне 3 были обнаружены, зачищены и изучены три комплекса (1–3), представляющие собой скопления костей животных, и два комплекса, определенные нами как **комплексы №№ 4–5**, представляющие собой композиции из шаровидного камня-песчаника, положенного рядом с плоскими камнями-плитками.

Комплекс № 1 представляет собой скопление из нескольких расслоившихся длинных костей животных, явно сложенных в кучку. Кости находились в слое плотного желтого лесса на глубине 60 см от «0».

Комплекс № 2 представляет собой положенную по линии север–юг нижнюю челюсть лошади или другого крупного животного. Кости были очень плохой сохранности, расслоившиеся, и, самое главное, они были покрыты прочным и толстым слоем засоленности или патины, что затрудняло их фотофиксацию. Вполне возможно, что

некогда это был череп животного и его кости могли истлеть ввиду их меньшей массивности. Судя по расположению нижней челюсти, морда была направлена на север. Кости нижней челюсти находились в верхней части лесса на глубине 50 см от «0».

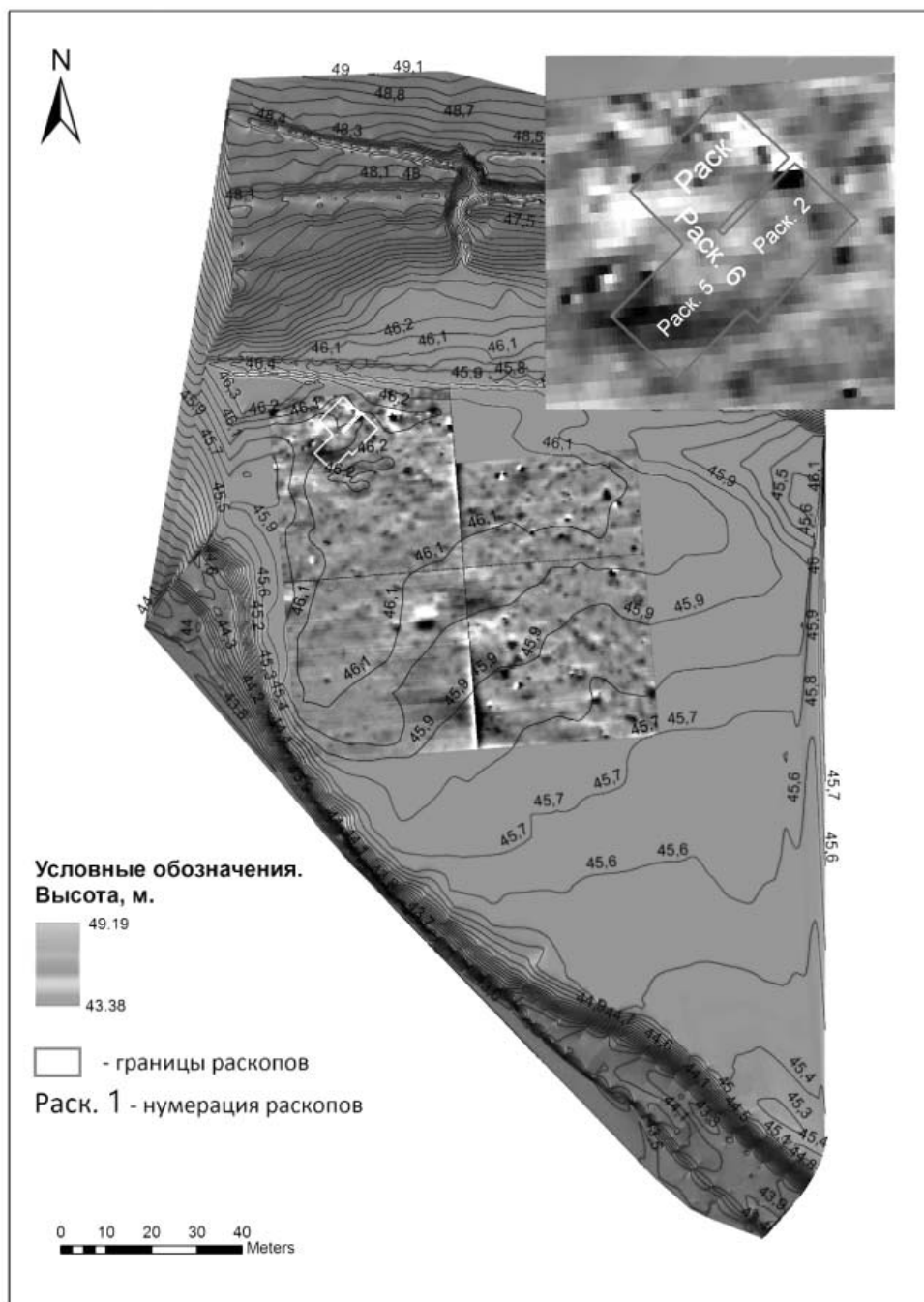
Комплекс № 3 представляет собой обширное скопление большого количества костей животных и фрагментов керамики, расположенных в виде сплошной массы на площади более чем 2 м². Скопление находилось в восточной половине раскопа в квадратах А8 и В8. Глубина залегания варьирует от 51 см до 71 см от «0». Создается впечатление, что это хаотично разбросанные кости, среди которых оказались и фрагменты керамики.

Комплекс № 4 представляет собой композицию из одного шаровидного камня-песчаника и лежащих на северо-восток в 50 см от него двух плоских камней-плиток. Диаметр шарика — 8,5 см, размеры плитки 10х9 см, толщина — 2,3 см, размеры второй плитки 8х5 см, толщина — 2 см.

Комплекс № 5 представляет собой такой же шарик-песчаник, лежавший рядом с тремя плоскими камнями-плитками на глубине 60 см от «0». Шарик лежал в северо-восточном направлении от камней, в 10 см от них. Его диаметр — 10 см, размеры плитки, на которую был поставлен шарик, — 6 см. Назначение обеих композиций из каменного шарика и плиток пока не установлено. Обе композиции располагались друг против друга и находились примерно на одной глубине с фрагментами диоритового топора и кремневого желвака из раскопа № 1 [Очир-Горяева 2013].

Заключение

Впервые в истории археологических исследований в Республике Калмыкия в 2012 г. были проведены широкими площадями археологические раскопки поселения бронзового века с сохранившимся культурным слоем. Культурный слой поселения начинается практически на уровне современного вегетационного слоя и доходит до глубины 80 см. Всего на площади 107 м² было зафиксировано 335 фрагментов керамики и 89 кремневых изделий и отщепов, а также 32,4 кг костей животных. Все кости животных раздроблены и расколоты для получения костного мозга, т. е. являются «кухонными отходами». Показательны находки фрагментов пряслиц, что указывает на использование древними жителями изучаемого поселения ткацких станков. Сделан ряд находок, показательных для культурно-хронологического определения: к примеру, диоритовый топор, являющийся очень редким и ценным орудием труда. Форма и материал, из которого изготовлен топор, являются характерными для ямной археологической культуры. Костяные изделия в виде трубчатых костей с обработанными концами, фрагменты керамики с веревочным орнаментом, а также фрагмент венчика реповидного сосуда характерны для катакомбной культуры. В двух раскопах (№№ 2 и 5) обнаружены столбовые ямки, указывающие на существование стен жилищ, укрепленных двумя рядами столбов, вбитых глубоко в почву. Исходя из этого, сделан вывод о функционировании поселения Ергенинское на заключительном этапе раннего бронзового века.

*Рис. 1. Ергенинское-2012.
 Топографический план, магнитограмма и расположение раскопов №№ 1, 2, 5, 6*

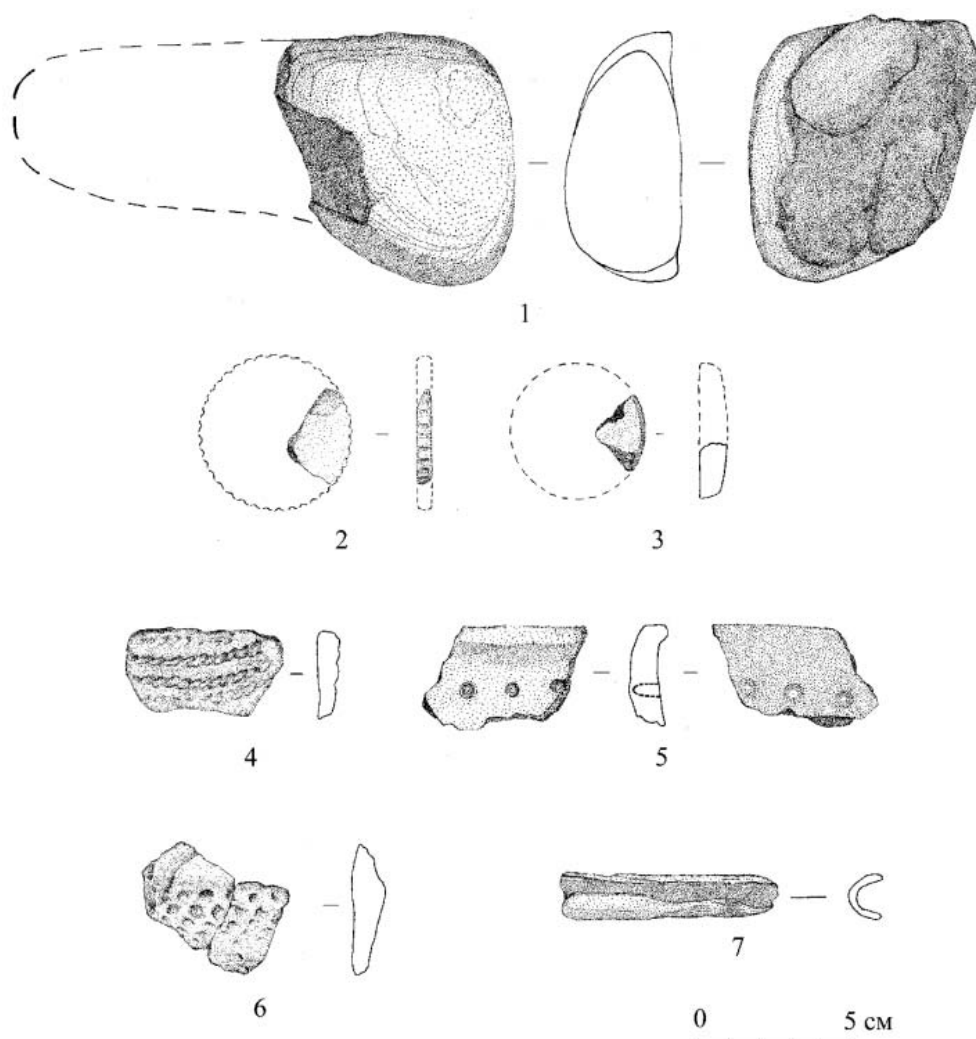

Рис. 2. Ергенинское–2012. Образцы находок

1 — фрагмент диоритового топора (раскоп № 1, уровень 3); 2, 3 — фрагменты глиняного пряслица (2 — раскоп № 2, уровень 3, 3 — раскоп № 2, уровень 3); 4–6 — фрагменты орнаментированного глиняного сосуда (4 — раскоп № 1, уровень 0; 5 — раскоп № 5, отвал; 6 — раскоп № 5, уровень 3); 7 — фрагмент изделия из кости (раскоп № 1, уровень 2).

Источники и литература

Очир-Горяева М. А. Отчет об археологических исследованиях на территории Республики Калмыкия в 2002 г. Элиста, 2003. 149 с. // Научный архив Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН.

Очир-Горяева М. А. Отчет об археологических исследованиях на территории Республики Калмыкия в 2010 г. Элиста, 2011. 151 с. // Научный архив Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН.

Очир-Горяева М. А., Кекеев Э. А., Карнап-Борнхейм К., Фассбиндер Й. Комплексные исследования на поселении Ергенинское // Гуманитарная наука юга России: международное и региональное взаимодействие. Мат-лы Международ. науч. конф. (20–23 сентября 2011 г.). Ч. II. Элиста: КИГИ РАН, 2011. С. 81–85.

Очир-Горяева М. А. Отчет об археологических исследованиях на территории Республики Калмыкия в 2012 г. Элиста, 2013. 127 с. // Научный архив Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН.

УДК 902.2
ББК 63.4 (2Рос=Калм)

О МАТЕРИАЛАХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК ИЗ КУРГАННОЙ ГРУППЫ АРХАРА, ХРАНЯЩИХСЯ В ФОНДАХ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ ИМ. Н. Н. ПАЛЬМОВА

Э. А. Кекеев

В 1961 г. археологическая экспедиция Калмыцкого республиканского музея им. профессора Н. Н. Пальмова и Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ныне — КИГИ РАН) совместно с Саратовским государственным университетом положила начало исследованиям курганов Лолинского могильника, расположенного в 20 км к юго-востоку от г. Элисты. В могильнике насчитывалось свыше 150 курганов среднего и небольшого размеров. В центре группы расположены два больших кургана высотой до 8 м, диаметром до 75 м. В первый год работы было исследовано 16 курганов.

В 1962–1963 гг. экспедиция продолжила раскопки Лолинского могильника, в котором дополнительно было исследовано 7 курганов (№№ 18–24). В эти же годы были произведены раскопки курганной группы, расположенной в урочище Архара, в 1,5 км к северо-востоку от Лолинского могильника и являющейся, по существу, его продолжением. В группе насчитывалось не менее 70 курганов, в том числе три кургана высотой до 5 м при диаметре до 50 м. В этой группе исследовано 38 курганов, в том числе два наиболее крупных (№№ 28 и 31).

В дальнейшем эта группа именуется как Архаринский могильник. Всего в течение двух полевых сезонов (1962–1963 гг.) в районе санатория Лола в указанных группах раскопано 63 кургана, в которых исследовано 158 разновременных погребений [Синицын, Эрдниев 1966: 3–5].

Настоящая статья включена в рамки работы по сбору и обработке данных об археологических коллекциях, хранящихся в фондах Национального музея Республики Калмыкия. Ранее нами были опубликованы статьи о находках курганной группы Лола I и II раскопок 1961–1963 гг. [Кекеев 2009] и курганной группы Восточный Маныч раскопок 1965 г [Кекеев 2011].

Обращаясь к характеристике исследованных погребений могильника Архара, отметим, что по ритуалу, могильному инвентарю и стратиграфическим данным все они подразделяются на 3 хронологически разновременные группы; из 93 погребений 65 относятся к эпохе бронзы; 16 погребений — к скифо-сарматской культуре и 11 погребений — к периоду поздних кочевников XI–XIV вв. Количественное соотношение разновременных погребений показывает, что значительная часть их относится к катакомбной культуре бронзового века.

Таблица 1. Курганный могильник Архара. Общее количество курганов, погребений и их культурно-хронологическая принадлежность [Очир-Горяева 2008: 76–77]

Год раскопок	Автор	Могильник	Курганов	Погребений	Бронзовый век	Бронзовый век			Ранний железный век	Средние века	Не определено
						Ямная культура	Катакомбная культура	Позднекатакомбная культура			
1962	Синицын И. В., Эрдниев У. Э.	Архара (курганы №№ 1–18)	18	50	35	11	22	2	10	4	1
1963	Синицын И. В., Эрдниев У. Э.	Архара (курганы №№ 19–38)	20	43	30	13	14	3	6	7	0
		Итого	38	93	65	24	36	5	16	11	1

Полное преобладание погребений эпохи бронзы над погребениями остальных эпох (ранний железный век, эпоха средневековья) наблюдается на всей территории волго-маньчских степей. Например, среди памятников, раскопанных с 1929 по 1997 гг. на территории Республики Калмыкия, 2 510 погребений датированы эпохой бронзы, в то время как общее количество их составляет 3 885. Судя по этим данным, Кумо-Маньчская впадина была наиболее интенсивно заселена в бронзовом веке. К этому историческому периоду относятся ямная и катакомбные культуры 65 погребений из 93 (70 %). Меньшим количеством представлены погребения кочевников: ранний железный век — 16 погребений (17 %)

и погребения средневековья — 11 (12 %). Культурно-хронологическая принадлежность всех погребений, кроме одного, определена. Этот факт хорошо соотносится с закономерностью, уже отмеченной в литературе. Самый низкий процент погребений без определения наблюдается в курганных группах, где преобладают комплексы бронзового века. Поза погребенного и инвентарь позволяют легко датировать их. Совсем по-другому обстоит дело с кочевническими погребениями (раннего железного века и средневековья), среди которых чаще встречаются безынвентарные погребения в насыпи. Отсутствие инвентаря и стратиграфических данных не позволяет датировать такие погребения [Очир-Горьева 2008: 144].

Таблица 2. *Погребальный инвентарь. Курганная группа Архара*

Тип находки	Количество находок по публикации, штук	Количество единиц хранения в фондохранилище, штук	%
Сосуд глиняный	70	25	35,7
Курильница глиняная	4	2	50
Шило бронзовое	8	2	25
Нож бронзовый	1	1	100
Другие изделия из бронзы: подвески, наконечники стрел и др.	19	8	50
Булавка костяная	2	0	0
Кольцо костяное	4	2	50
Другие изделия из кости: трубочки, проколки и др.	9	1	11,1
Каменные орудия труда: песты, выпрямители древков стрел и др.	9	4	44,4
Нож, меч, клинок железный	5	0	0
Другие изделия из железа: элементы обмундирования, наконечники стрел и др.	5	2	40
Бусы бронзовые, пастовые, стеклянные и др.	7	5	71,4
Итого:	142	42	29,6

Из 142 находок в фондах Национального музея хранятся 42 единицы, что составляет почти 30 %. Приведем краткое описание коллекций с учетом группировки по типу материала изготовления предмета.

Из 74 глиняных изделий в музее находятся 27 предметов. В эту категорию попали все глиняные сосуды различной формы, размера, цвета. Кроме них, сюда отнесены глиняные курильницы (2 находки из 4). Глиняные сосуды в основном принадлежат к бронзовому веку, их размеры — от 4 до 25 см. Цвет определялся качеством обжига, керамическая посуда бронзового века имеет большой диа-

пазон цветов — от ярко-оранжевого до угольно-черного.

Находки предметов, изготовленных из бронзы, представлены бронзовым ножом (1), бронзовыми шильями (2 из 8), а также рядом мелких находок: подвесками, наконечниками стрел (8 единиц хранения из 19).

Далее рассмотрим находки, изготовленные из кости. Среди них — отсутствующая в фондах музея костяная булавка и 2 из 4 костяных колец. Из остальных костяных находок в фондах также хранится предмет, изготовленный из трубчатой кости.

В группе находок каменных пестов и каменных орудий труда из 9 только 4 находки

хранятся в фондах музея. Каменные песты достаточно массивного размера (до 20 см) изготовлены из камня-ракушечника.

Следующая группа находок — предметы, изготовленные из железа. К сожалению, из 5 железных ножей в фондах нет ни одного. Сам тип находок представлен двумя единицами хранения: железное кресало и железные удила. Обе находки относятся к золотоордынскому времени.

Бусы из различных материалов представлены в количестве более 2 000 бусин, а по количеству единиц хранения данный тип находок представлен из семи пятью единицами. Бусы имеют большой диапазон цвета, формы и материала изготовления. Перечислим некоторые цвета: белый, голубоватый, желтоватый, темно-синий, черный. По форме — шаровидные, цилиндрические, плоские. По материалу — камень, паста, сердолик, стекло, бронза.

В целом состояние находок определено как хорошее, чему способствуют благоприятные для хранения находок условия, созданные в фондах (отдельные помещения для археологических коллекций, оборудованные полками, с поддержанием постоянной температуры). На данном этапе необходима дальнейшая оценка фондов по остальным могильникам. Нами продолжается сбор информации, необходимой для выяснения полной картины: сколько находок сохранилось на сегодняшний день, каково их состояние и как проводится работа по созданию каталога находок: фотографирование, зарисовка и т. д.

Находки из раскопок Архаринского могильника были переданы в три музея: Калмыцкий республиканский краеведческий музей им. Н. Н. Пальмова, Краеведческий музей г. Саратова и Государственный исторический музей (г. Москва).

Важнейшей находкой, обнаруженной в курганной группе Архара, является энеолитический скипетр, который широко известен в научном сообществе как скипетр «Архара». Курган № 27, в котором было обнаружено каменное навершие, находился примерно в центре могильника. Диаметр насыпи составлял 15 м, высота — 0,65 м. В кургане обнаружено 3 погребения, сосредоточенные в центральной части.

Навершие находилось в погребении № 1, с правой стороны черепа погребенного: каменный предмет плоской формы, округленный в нижней части и с конусовид-

ным закруглением на другом конце; сбоку, на верхнем конце, своеобразный выступ конусовидной формы; ниже выступа обе стороны по краю орнаментированы опоясывающим валиком и двойным желобком, таким же валиком и желобками, но горизонтально расположенными. Погребенный был мужчиной, лежал на спине, головой на восток. Ноги согнуты так, что бедра и берцовые кости были плотно прижаты к животу и груди, руки покоились на животе, под ногами, а кисти — на тазовых костях. С левой стороны, ближе к тазу, находилась лопаточная кость коровы. Кости скелета и дно могилы по всей площади густо засыпаны красной краской — охрой. Над скелетом слой краски местами достигал 4–5 см [Синицын 1966: 94–95].

О навершии «Архара» У. Э. Эрдниев писал, что в целом предмет изображает голову лошади, возможно верхового коня, дикие предки которого обитали в степях Нижней Волги еще в эпоху среднего палеолита (рис. 1). Данная находка имеет большое значение и в области изучения социальных отношений народа, оставившего данный памятник. Он может служить доказательством процесса имущественного и социального расслоения. Это был знак власти племенного или родового вождя [Эрдниев 1982: 80].

На сегодняшний день насчитывается около 40 подобных объектов. Каменные навершия находили на Балканах, Карпато-Подунавье, Северном Причерноморье, Подонье, Среднем и Нижнем Поволжье и Кавказе.

Среди ученых существуют разные точки зрения по поводу каменных наверший: о месте их происхождения, о пути распространения на столь большой территории и др. В исследованиях каменных наверший выделяются три основные проблемы:

- 1) проблема датировки начальных этапов социальной стратификации скотоводческих обществ Восточной Европы и возникновения вожеств (навершие — символ власти);
- 2) проблема места, времени одомашнивания лошади и начала ее использования для верховой езды (навершие — изображения взнузданной лошади);
- 3) проблема экспансии степных обществ на запад в среду древнеземледельческих цивилизаций Карпато-Придунавья и Балкан (распространение наверший — результат экспансии).

В настоящее время на вершине является экспонатом зала энеолита Государственного исторического музея (г. Москва). Кроме него, в зале выставлены несколько находок из раскопок У. Э. Эрдниева и И. В. Сини-

цына: глиняные сосуды, каменные орудия, характеризующие образ жизни и хозяйства населения бронзового века в степях Нижнего Поволжья.

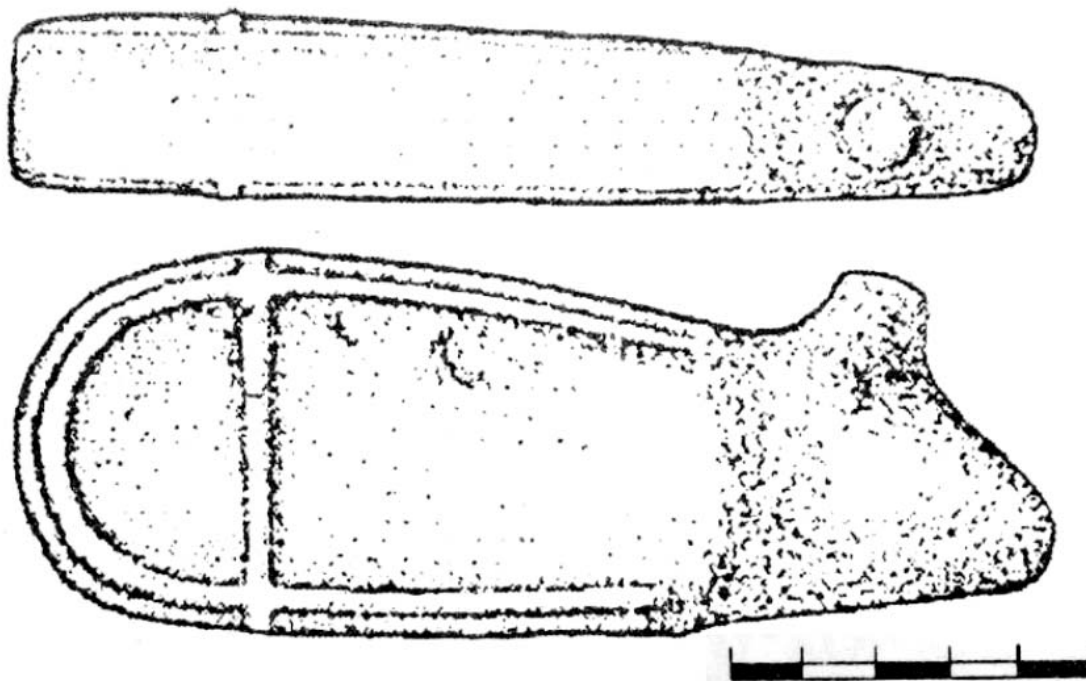

Рис. 1. Скипетр из кургана № 27 Архаринского могильника

Литература

Кекеев Э. А. О материалах археологических раскопок могильных групп Лола I и II, хранящихся в фондах Национального музея Республики Калмыкия (1961–1963 гг.) // Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее. Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства (г. Элиста, 13–18 сентября 2009). Ч. 1. Элиста: НПП «Джангар», 2009. С. 165–174.

Кекеев Э. А. Анализ археологического материала раскопок курганной группы «Восточный Маныч» // Вестник Калмыцкого институ-

та гуманитарных исследований РАН. 2011. № 1. С. 70–75.

Очир-Горяева М. А. Археологические памятники волго-маньчских степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.) / вступ. ст. А. С. Скрипкин, Г. Парцингер. Элиста: Издат. дом «Герел», 2008. 298 с.

Синицын И. В., Эрдниев У. Э. Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР (по раскопкам 1962–1963 гг.) // Труды КНИИЯЛИ, Калмыцкий республиканский краеведческий музей. Вып. 2. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1966. 186 с: ил.

Эрдниев У. Э. Археологические памятники южных Ергеней. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. 118 с.

УДК 81`367.626.2
ББК 81.2 (2Рос=Буря)

**О РАЗВИТИИ ФОРМ ЛИЧНОЙ И ВОЗВРАТНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ
И СВЯЗИ ИХ С КАТЕГОРИЕЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ/НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ
В БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ**

С. М. Трофимова, В. И. Рассадин

Как известно, в бурятском языке представлены формы личной и возвратной (безличной) принадлежности, которые имеют специальные аффиксы, а грамматическая категория принадлежности по своему значению распадается на личную и возвратно-безличную. Личная принадлежность выражает принадлежность предмета обладателю, различаемому по лицам и числам.

Ед. ч.

- 1-е л. *гэр минь* 'моя юрта'
- 2-е л. *гэр чинь* 'твоя юрта'
- 3-е л. *гэр нь* 'его (ее) юрта'

В притяжательных частицах сохраняется более древняя форма: *минь*, *чинь*, *маань*, *таань* внешне напоминают форму родительного падежа соответствующих личных местоимений *би* 'я', *чи* 'ты', **ба* 'мы', *та* 'вы' — ср., например, *миний гэр* 'моя юрта', *чиний гэр* 'твоя юрта', *манай гэр* 'наша юрта', *танай гэр* 'ваша юрта'.

Что касается бурятского аффикса принадлежности 3-го лица *-нь*, который пишется слитно с основой, например, бур. *гэрнь* 'его, их дом', то эта частица и аффикс образовались из сочетания *-ни* или *-ний* у словоформы род. п. **ини* ~ *иний* 'его, ее' от древнего личного местоимения **и* 'он, она' по общей модели с монгольской формой *минь* 'мой', *чинь* 'твой': подобно тому, как от формы родительного падежа *миний*, *чиний* образовались притяжательные частицы *минь*, *чинь* с палатальным звуком *нь* в абсолютном конце слова, а от формы *ний* (или *ни*) образовался аффикс-частица *-нь*, который как звук является палатальным. Притяжательная частица-аффикс 3-го лица *-нь* из *-ни*, бесспорно, имеет генетическую связь с тунгусо-маньчжурским аффиксом 3-го лица единственного числа *-н*, *-ни* —

В современном бурятском языке для передачи формы личной принадлежности существуют специальные постпозитивные показатели, которые представляют шестичленный ряд личных форм с постпозиционными частицами притяжания *минь* 'мой', *маань* 'наш', *чинь* 'твой', *таань* 'ваш', *нь* 'его', 'ее', 'их':

Мн. ч.

- гэр маань* 'наша юрта'
- гэр таань* 'ваша юрта'
- гэр нь* 'их юрта'

например, эвенкийский *гидан*, удегейский *гидани*, нанайский *гедани* 'его копье'. То, что орольская форма типа *угдань* 'его лодка' произошла от формы *угдани* (в том же значении), не вызывает сомнения. Следует полагать, что бур. *хадань* 'его гора' восходит к форме типа *хада-ни* ~ *хад-ни*. Другими словами, бурятский аффикс-частица *-нь* восходит к аффиксу *-ни*.

Таким образом, бурятский аффикс *-нь* нельзя рассматривать как простой элемент, так как он является сложным образованием и в его составе есть скрытый элемент *-и*. То же самое можно сказать и об элементе *-нь* в составе халха-монгольских притяжательных частиц *минь* 'мой', *чинь* 'твой', *маань* 'наш', *таань* 'ваш', которые являются краткой формой от притяжательных местоимений *мини(й)*, *чини(й)*, *мани*, *тани*.

Следует отметить, что притяжательная частица-аффикс 3-го лица *-нь* восходит к древнему показателю определенности *-н/-ни*. Частица-аффикс *-нь* в монгольском языке закономерно употребляется и в функции определенного формального показателя в тех случаях, когда речь идет об определенном, уже упомянутом предмете. Примеры:

монг. *Туулай унэг хоёр байжээ, туулай нь ногоо иддэг, унэг тахиа хулгайдаг билээ* 'Заяц и лиса вдвоем жили, заяц-то траву жевал, лиса-то кур воровала'. Можно сказать, что в данном примере элемент *-нь* с точностью соответствует определенному артиклю в некоторых европейских языках.

Укажем еще на одну характерную особенность бурятской притяжательной частицы *-нь*, связанную со значением определенности. Если основы с аффиксом принадлежности 3-го лица *-нь* ставятся в винительном определенном падеже как объект, то аффикс винительного падежа *-г* опускается, так как

Ед. ч. Основа на гласный

- 1-е л. *ахам(ни)* 'мой брат'
- 2-е л. *ахаш(ни)* 'твой брат'
- 3-е л. *ахань* 'его (ее) брат'

Мн. ч. Основа на гласный

- 1-е л. *ахамнай* 'наш брат'
- 2-е л. *ахатнай* 'ваш брат'
- 3-е л. *ахань* 'их брат'

Основа, оканчивающаяся на согласный, имеет две параллельно употребляемые формы принадлежности 1-го и 2-го лица единственного числа, например, бур. *ахам* и *ахамни* 'мой брат', *эсэгэшни* 'твой отец'. Это происходит от того, что форма типа *ахам* воспринимается как согласная основа, и поэтому к этой основе наращивается аффикс принадлежности 1-го лица *-ни* для основ на согласный, например, *мални* 'мой скот', *гарни* 'моя рука' и т. п. Но форма типа *ахамни*, в отличие от *ахам*, имеет более конкретное значение.

В формах слов *-м* лично-притяжательная частица типа *ахам* 'мой брат', *эсэгэм* 'мой отец' восходит к **минь* и *-б* лично-предикативная частица в *ахаб* 'я брат', *эсэгэб* 'я отец' — к **би*. Данные формы следует считать древними. Они являются общими с формой принадлежности 1-го лица единственного числа в бурятском языке. Семантический сдвиг здесь, по всей вероятности, произошел позже, после перехода звука *-б* в сонорный звук *-м*.

Если мы признаем, что всякая фонема является смыслоразличительным и форморазличительным средством, то мы должны быть последовательными и в этом вопросе. Для такой интерпретации происхождения форм принадлежности 1-го лица единственного числа имеется и другое основание. Так,

-нь уже указывает на определенность. Ср. *муур* «кошка» и *муурынь* 'его кошку' вместо ожидаемого *муурыг нь*; *эх* 'мать' и *эхий нь* 'его (ее) мать' вместо ожидаемого *эхийгнь*. Исчезновение элемента *-г* в бурятской форме нельзя рассматривать как фонетическое явление в языке. Это, скорее всего, связано с морфологической категорией определенности.

Рассмотрим ниже более подробно систему форм личной принадлежности на примере бурятского языка, в котором форма личной принадлежности имеет следующие аффиксы:

Ед. ч. Основа на согласный

- гэрни* 'мой дом'
- гэршни* 'твой дом'
- гэрнь* 'его (ее) дом'

Мн. число Основа на согласный

- гэрнай* 'наш дом'
- гэртнай* 'ваш дом'
- гэрнь* 'их дом'

например, в бурятском языке аффикс усеченной (краткой) формы принадлежности 2-го лица единственного числа *-ш* у основ, оканчивающихся на гласный, в то же время является и аффиксом сказуемости, например, бур. *багш* 'учитель' и *багшааш* 'ты учитель', *хурагшаб* 'я ученик' и *хурагшааш* 'ты ученик'.

Форма принадлежности 1-го лица единственного и множественного числа основы, оканчивающейся на устойчивый *-н* и неустойчивый *-н*, образовалась по общей модели, но путем опущения конечного элемента *-н*, например, бур. *морин* 'конь' и *моримни* 'мой конь', *моримнай* 'наш конь', *зон* 'народ' и *зомнай* 'наш народ'.

Авторы «Грамматики бурятского языка» [1962] считают, что в приведенных формах конечный звук *-н* переходит в звук *-м*. С этим мнением теперь вряд ли можно согласиться, так как природу конечного неустойчивого элемента *-н* в монгольских языках можно будет считать выясненной на основе теории определенности, характерной для монгольских языков. Для подтверждения своего мнения приведем суждение Дж. Киекбаева: «...в нанайской форме принадлежности 3-го лица единственного числа конечный носовой элемент *-н* опускается, например, *морин* (произносится *мори-н*) 'лошадь' и *мори-ни* 'его лошадь' вместо

морин-ни. Здесь также не может быть речи о переходе носового звука *-н* в звук *-н*, поскольку элементы *-н*, *-н* являются самостоятельными показателями определенности» [Киекбаев 1996: 302]. Кроме того, в бурятском языке конечный элемент *-н* опускается в ряде других форм, в частности при образовании формы множественного числа, например, *морин* 'конь' и *морид* 'кони', так как множественность всегда обозначает абстрактность. Поэтому элемент *-н*, выражающий конкретность и единичность, в форме множественного числа закономерно опускается. То же самое происходит в форме винительного определенного падежа: элемент *-н* опускается, поскольку в бурятском языке аффикс винительного падежа также указывает на определенность, как во всех языках урало-алтайской семьи.

По мнению авторов «Грамматики бурятского языка» [1962], частицы личного притяжания 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа *-мни*, *-шни* и *-мой*, *-тнай* восходят к соответствующим изменениям *минши* 'мой', *шинши* 'твой', *манай* 'наш', *танай* 'ваш'.

Как уже говорилось, теорию местоименного происхождения аффиксов принадлежности надо теперь считать устаревшей. На самом деле личные местоимения исторически сами образовались от древних показателей определенности, которые служили первоначально аффиксами принадлежности. Ц. Б. Цыдендамбаев [1979] отмечает «самостоятельный, независимый от местоимений характер личных частиц в бурятском языке». Лично-притяжательные частицы в бурятском языке употребляются параллельно с формами родительного падежа соответствующих местоимений. Примеры: *Минши багшамни* 'Мой учитель-мой', *Танай нютагтнай* 'Ваш родной край-ваш'.

В бурятском языке форма принадлежности всех лиц связана с аффиксами *-ни* и *-на*, которые, соответственно, состоят из элементов *-н-и*, *-н-а*. Аффикс *-ни* наращивался к более древней основе определенности на *-м*, *-ш* у основ, оканчивающихся на гласный, например, *ахамни* 'мой брат' и *ахашини* 'твой брат'. К основам, оканчивающимся на согласный, показатель *-ни* во 2-м лице единственного числа наращивался непосредственно, например, *гарни* 'моя рука', *мални* 'мой скот'. Говоря иными словами, *-ни* в форме типа *гарни* 'моя рука' в бурятском языке воспринимается как личное место-

имение 1-го лица для косвенных падежей, кроме родительного. Но так как косвенные падежи связаны с абстрактностью, аффикс *-ни* принял форму *-на*, например, *намда* 'мне, ко мне, у меня'. То же самое произошло и в форме принадлежности 1-го и 2-го лица множественного числа: так как форма принадлежности множественного числа связана с абстрактностью или с типом неопределенной множественности, то аффикс *-ни* принимает форму *-на*. Впоследствии для конкретизации значения принадлежности к аффиксу *-на* присоединяется элемент *-й*, вследствие чего образуется аффикс *-най*, например, *гэрнай* 'наш дом', *гарнай* 'наша рука' или же *ахамнай* 'наш брат'. Поэтому следует полагать, что сложный элемент *-ай* закономерно является и аффиксом родительного падежа со значением принадлежности для некоторых основ единственного числа и всех основ множественного числа, например, *ханан* 'мысль, дума' и родительный падеж *ханаанаи* 'мысли', 'думы', *номууд* 'книги' и *номуудай* 'книг'.

Таким образом, в бурятском языке формы принадлежности 1-го и 2-го лица множественного числа и родительного падежа во множественном числе имеют общее происхождение, как в тюркских языках.

Что касается формы принадлежности 2-го лица множественного числа, то она образовалась от основы определенности на *-т* путем присоединения того же аффикса *-най*, например, *ахатнай* «ваш брат», *багшатнай* 'ваш учитель', *гэртнай* 'ваш дом'. Основа на *-т* в свою очередь является формой сказуемости того же лица и числа для одушевленных предметов, лиц, например, *багшат* 'вы учитель', 'вы учителя', *хурагшат* 'вы ученики'. Основообразующий элемент *-т* в приведенных примерах является общеурало-алтайским показателем множественного числа. Поэтому элемент *-т* образовал основу для формы принадлежности 2-го лица множественного числа и от неодушевленных предметов типа *гэртнай* 'ваш дом', где основа *гэрт* не может употребляться в значении сказуемости 'вы дом'.

Таким образом, в бурятской форме принадлежности 1-го и 2-го лица множественного числа элемент *-и* в составе аффикса *-ни*, который указывает на определенное и конкретное лицо и при множественном числе предмета обладания, например, *гэрнууд* 'дома', *морид* 'кони', *гэрнуудни* 'мои дома' и *моридни* 'мои кони', но *гэрнууднай* 'наши

дома' и *мориднай* 'наши кони' — *гэрнүүдни* 'мои дома' и *моридни* 'мои кони', но *гэрнүүднай* 'наши дома' и *мориднай* 'наши кони'.

В составе аффиксов *-ни*, *-най* в формах типа *гэрни* 'мой дом', *гэрнай* 'наш дом', *моридни* 'мои кони' и *мориднай* 'наши кони' исторически никогда не было элемента *-м*. Поэтому возведение аффиксов *-ни*, *-най* к местоимениям *мини* 'мой' и *манай* 'наш' не соответствует действительности. Здесь можно говорить только о генетической связи аффиксов *-ни*, *-най* с элементами *-ни* и *-най* в составе местоимений *мини* и *манай*, не включая основ местоимений *ми-* и *-ма* в состав аффиксов *-ни* и *-най*.

Ед. ч.

- 1-е л. *герм* 'мой дом'
- 2-е л. *герчн* 'твой дом'
- 3-е л. *гернь* 'его (ее) дом'

Ср. калм. *дегтр* 'книга', *дегтрм* 'моя книга', *дегтрчн* 'твоя книга', *дегтрнь* 'его (их) книга'.

В приведенных формах аффиксы принадлежности *-м*, *-чн*, *-мдн*, *-тн*, *-нь* также связаны с формой родительного падежа местоимений *би* 'я' — *мину* // **мины* → **мини* → 'мой'; *чи* 'ты' — *чину* // **чины* → **чини* 'твой'; **и* 'он, она' — *ину* // **ины* → **ини* 'его, ее; их'; **ба* 'мы' → *ману* // **маны* → **мани* // *манай* 'наш'; *та* 'вы' — *тану* // **таны* → **тани* // *танай* 'ваш'. Как видно из приведенных примеров, в составе аффиксов принадлежности 1-го и 2-го лица множественного числа *-мдн* или *-дн*, *-тн* вообще отсутствует элемент *-ай*. Это не связано с редукцией *-ай*. Элемента *-ай* в составе этих аффиксов не было, и они могли без данного элемента придавать основе значение принадлежности. Например, в дагурском языке форма принадлежности образовывалась по модели монгольского языка, например, *варкал минь* 'моя одежда', *варкал чинь* 'твоя одежда', *варкал мань* 'наша одежда', *варкал тань* 'ваша (их) одежда'.

Ц. Б. Цыдендамбаев пишет в связи с этим: «В монгольском письменном языке выразители категории личного притяжания находятся еще на стадии выделения: они по своей форме не отличаются от родительного падежа соответствующих личных местоимений, но занимают фиксированное постпозитивное положение по отношению

Следует заметить, что на урало-алтайском уровне эти показатели имеют аналогии в аффиксе *-на* в марийской форме принадлежности типа *портна* 'наш дом' и в финском аффиксе *-ni*, выражающем личную принадлежность 1-го лица единственного числа, например, *kirja* 'книга' — *kirjani* 'моя книга', 'мои книги'.

Аффиксы личного притяжания могут употребляться также с субстантивированными прилагательными, числительными и местоимениями. Что касается форм принадлежности в калмыцком языке и в монгольских языках Китая и их диалектах, то они имеют свою специфику, отличную от бурятского языка:

Мн. ч.

- 1-е л. *гермдн* 'наш дом'
- 2-е л. *гертн* 'ваш дом'
- 3-е л. *гернь* 'их дом'

к имени, а изредка также пишутся несколько иначе, чем местоимения в родительном падеже» [Цыдендамбаев 1979: 74].

В монгольских языках широко распространены формы безличной принадлежности со значением «свой», «своя», «свое», «свои», указывающие на принадлежность чего-либо субъекту высказывания независимо от различия его по лицам. Безличная форма принадлежности противопоставляется личной, которая выражает значения «мой», «твой», «его», «наш», «ваш», «их». Безличная (или возвратная) принадлежность обозначает отнесенность объекта к обладателю, в силу чего она выражается именами в форме косвенных падежей. В монгольских языках это универсальная и чрезвычайно употребительная форма. Хотя во многих работах по грамматике монгольских языков выделяются личные и безличные формы принадлежности, грамматическая категория принадлежности в этих языках остается недостаточно изученной.

В существующих описательных грамматиках стало общим местом положение о том, что особые безлично-притяжательные частицы выражают принадлежность предмета субъекту предложения, присоединяются не только к именам существительным, но и к другим субстантивированным частям речи во всех падежах, кроме именительного.

В русском монголоведении впервые обратил внимание на притяжательные частицы А. А. Бобровников: «...монголы и калмыки... показывают еще отношение понятий, встречающихся в предложении, к субъекту предложения, для чего к частицам падежей придаются еще особенные частицы, по значению притяжательные» [Бобровников 1849: 101]. В монголоведческих работах [Грамматика бурятского языка 1962; Грамматика калмыцкого языка 1983; Санжеев 1953; 1964] и специальных исследованиях по отдельным монгольским языкам [Цыдендамбаев 1979; Трофимова 2001] вопрос о категории принадлежности освещался неоднократно. С. Л. Чареков в своей статье «О безлично-притяжательных формах имени в монгольских языках» проводит анализ употребления безлично-притяжательных суффиксов в бурятском, калмыцком и современном монгольском языках и пытается отграничить суффиксы безличного притяжания от омонимичных форм, имеющих иное грамматическое значение [Чареков 1975]. Следует считать, что форма безлично-возвратной принадлежности образовалась по однотипной модели, то есть с помощью одних и тех же формантов. Монгольская форма безличной принадлежности не имеет специального аффикса для единственного и множественного числа. Форма возвратно-безличной принадлежности в монгольских языках характерна только для косвенных падежей.

Аффиксом возвратно-безличной принадлежности во всех случаях является элемент *-а, -э* с фонетическими вариантами *-о/-е*, согласно закону губной аттракции. Данный элемент присоединяется к основе имени, в случае неопределенного падежа, либо после иных падежных форм, согласно правилам сингармонизма, и произносится долго, вследствие чего в этих языках принято писать *-оо/-ээ/-оо/-өө*: монг. *ах* 'брат', *ахаа* 'брата-своего', *гэр* 'дом', *гэрээ* 'дома-своего', *ном* 'книга', *ном-оо* 'книгу-свою'. Между формой родительного падежа (*-ий/-ийн, -ы/-ын, -н*) и безлично-возвратным аффиксом вставляется так называемый соединительный согласный *-г, -х*, вследствие чего форма возвратно-безличной принадлежности имеет в бурятском языке следующую форму: *-нгаа, -нгээ, -гаа, -гоо, -ийаа, -йоо* (орфографически: *-яа, -еэ, ёо*), в монгольском языке: *-нхаа, -нхээ, -хаа, -хээ*.

Сложные аффиксы возвратно-безличной принадлежности *-гаа, -гээ, -нгаа, -нгээ* соответственно состоят из двух и трех элементов *-г-аа, -г-ээ, -н-г-аа, -н-г-ээ, х-аа, -н-х-аа*. Однако собственно аффиксом возвратно-безличной принадлежности, бесспорно, является *-а, -э* (орфографически *-аа, -ээ*). Что касается элементов *-н* или *-нг/-нх*, то они образовали вторичную основу определенности от падежных форм по общей модели.

Форма возвратно-безличной принадлежности в монгольских языках выражает принадлежность предмета действующему лицу или лицам без указания на определенное лицо. Поэтому принадлежность предмета тому или иному лицу в единственном или множественном числе можно определить, только исходя из подлежащего, например, бур. *Тэрэ гэрхээн гараба*. 'Он вышел из своего дома', где 'дом' принадлежит субъекту, выраженному местоимением 3-го лица единственного числа; бур. *Тэдэ гэрхээн гарабад*. 'Они вышли из своего дома' или *Ши гэрхээн гарабаги*. 'Ты вышел из своего дома', где объект принадлежит 2-му лицу единственного числа или 3-му лицу множественного числа. Еще примеры: *Тэрэ ахадаа бэшэг бэшэбэ* 'Он писал (написал) письмо своему брату'; *Ши ахадаа бэшэг бэшэбэши* 'Ты писал (написал) письмо своему брату'. Форма принадлежности *-а, -э (-аа, -ээ)* по своему значению в монгольском и бурятском языках выражает абстрактное понятие и находит свое выражение в категории неопределенности и типе неопределенной множественности.

Следует отметить абстрактность формы принадлежности на *-а, -э* в урало-алтайских языках, характерную для личных местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа. В современном калмыцком языке показателями безлично-возвратного притяжания являются *-ан, -эн* в винительном, дательном-местном, совместном и соединительном падежах, *-нь, -ннь* в родительном падеже, *-н* в исходном, орудном и направительном падежах. Для соединительного падежа показателем безлично-возвратного притяжания является *-ан, -эн, -рн*. К немаркированной основе имени безлично-возвратные показатели присоединяются обычно после падежной формы, за исключением винительного неоформленного падежа. Основа I маркированным показателем множественности принимает показатель притяжания после падежной формы. При наличии нескольких

основ, являющихся однородными членами предложения, в современном монгольском и бурятском языках чаще безлично-возвратный показатель присоединяется к последнему члену, так как значение показателя принадлежности распространяется на каждый член. В калмыцком языке возможно оформление каждого члена одновременно. В современном монгольском и бурятском языках показатель принадлежности может следовать после основы или после послелого, управляющего основой.

Как известно, принадлежность субъекту предложения может быть выражена в монгольских языках притяжательным местоимением: монг. *өөрийн*, бур. *өөрын*, калм. *эврэ*, которые в свою очередь могут принимать безлично-притяжательные показатели, приобретая следующую форму: монг. *өөрийнхөө*, калм. *эврэннь*, бур. *өөрынгөө*, сохраняя при этом то же значение 'свой'. Примеры: монг. *Тэр эмэгтэй өөрийнхөө морьтой танилыг угтахаар гарлаа* 'Она своего всадника знакомого встречать пошла'; бур. *Аба өөрынгөө гурбан хүүбүүдые нэрлээһэн* 'Отец своих трех сыновей назвал'; калм. *Би эврэннь орман олж авбув* 'Я нашел свое место'.

Таким образом, категория принадлежности — именная категория, форма которой образуется по модели: основа + личный показатель. Значение категории принадлежности есть сложный образ двух предметов, которые связаны отношением принадлеж-

ности. Коммуникативное предназначение — передавать всевозможные отношения между двумя объектами.

Литература

- Бобровников А. А.* Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань: Университ. тип., 1849. 400 с.
- Грамматика бурятского языка.* Фонетика и морфология. М.: Изд-во Вост. лит., 1962. 326 с.
- Грамматика калмыцкого языка.* Фонетика и морфология. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. 336 с.
- Киекбаев Дж. Г.* Основы исторической грамматики урало-алтайских языков. Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1996. 346 с.
- Санжеев Г. Д.* Сравнительная грамматика монгольских языков. М.: Изд-во Вост. лит., 1953. т. 1. 240 с.
- Санжеев Г. Д.* Старописьменный монгольский язык. М.: Изд-во Вост. лит., 1964. 89 с.
- Трофимова С. М.* Именные части речи в монгольских языках. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2001. 336 с.
- Цыдендамбаев Ц. Б.* Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. М.: Наука, 1979. 148 с.
- Чариков С. Л.* О безлично-притяжательных формах имени в монгольских языках // Исследования по грамматике языков народов СССР. М.: Наука, 1975. С. 155–176.

О СИНОНИМИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

А. М. Мизиев

В исследованиях, посвященных фразеологии, еще не выработано единое мнение по определению фразеологических синонимов. По мнению одних исследователей, синонимичными являются фразеологические единицы (далее — ФЕ), близкие [Диброва 2001: 399] или предельно близкие по значению, по мнению же других, такие единицы имеют близкие или тождественные значения [Фомина 1990: 331].

Разногласия в толковании фразеологических синонимов исходят из разногласий в толковании лексических синонимов. Существуют различные определения синонимов: как слов, имеющих «тождественное значение, близкое значение» [Будагов 1965: 62], «тождественное или близкое значения» [Винокур 1959]. Как для лексических, так и для фразеологических синонимов мы считаем адекватным определение, согласно которому эти единицы бывают тождественными и близкими по значению.

Фразеологические синонимы, обладая интегральными семами, различаются дифференциальными признаками: семантикой, типами и сочетаемостью.

Семантические типы фразеологических синонимов, как и лексических, бывают равнозначными, идеографическими, стилистическими и стилевыми.

К равнозначным фразеологическим синонимам, которых в любом языке очень мало, относятся ФЕ, полностью совпадающие по значению и взаимозаменяемые в любом контексте, например, в карачаево-балкарском языке: *тили тартылды* — *тили тутулду* 'язык отнялся', *башы бедишге кьалды* — *башы бедишлик болду* 'он подавился' и др.: *Башы бедишге кьалганын ангылай болмаз дейме* (Залиханланы Ж.) 'Кажется, он не понял, что опозорился' — [Омар Халимге:] *Санга ышана кетип, эшикни жапдым, башым бедишлик болду* (Токьумаланы Ж.) '[Омар Халиму:] Надеялся на тебя и испортил дело, опозорился'.

Идеографические синонимы имеют различительные признаки содержательно-

го или образного характера и разную внутреннюю форму: *атамы заманындан бери 'издавна'* — *ёмюрден бери* 'испокон века (веков)', *ёмюр-ёмюрге* 'на веки веков' — *ёмюрден ахыргъа* 'пожизненно, навечно', — *дуниягъа аты айтылгъан* 'прославленный на весь мир' — *аты чыкьгъан* 'прославленный' и др.: *Угъай, угъай, кьайры жангы юй болады! Атамы заманындан бери сюеледи* (Кациланы Х.) 'Нет, нет, откуда это новый дом, стоит давно (букв. «со времен моего отца») — *Ёмюрден бери тюкенчи болуп ишлеген адамны уа, айхай, барды сатыудан ангылауу!* (Кациланы Х.) 'Конечно, знает толк в торговле человек, испокон века работающий торговцем!'.

Стилистические синонимы обладают дифференцирующими коннотациями: *жаны чыкьды* — *жан алды* — *жан берди* (нейтр.) — *сал басхычха минди* (негативная экспрессивность) при общем значении «умер»: *Байны кёлю ачылгъынчы, жарлыны жаны чыгъар* (посл.) 'Пока господин проявит великодушие, бедняк жизни лишится'; *Жашы ёлюп табылгъандан сора мычымай Айтек да сал басхычха минди* (Кьудайланы Х.) 'После того, как его сына нашли мертвым, Айтек тоже покинул жизнь'; *Кёплени ыразы этип кетгенге керти дуниягъа* (Гуртуланы Э.) 'Ты умер (букв. «ушел в истинный мир»), угождая многим людям'.

Фразеологические синонимы могут отличаться друг от друга стилем речи или находиться вне стилей литературного языка, т. е. относиться к просторечию: *кьара тууар богъун басмагъанды* 'не имеет опыта, не соображает', *бокъдан ийис ангыламагъан* (груб., прост.) 'не соображает', *итлени суугъа сюр* (разг.); *аузуна чибин кьозлайт* 'бездельничать' и др.: *Иши болмагъан итлени суугъа сюрюр* (погов.) 'У кого нет работы, тот лодыря гоняет'; [Хадис:] *Менден сара жокьму сунасыз ауузларына чибин кьозлатханла?!* (Гадийланы И.) '[Хадис:] Вы думаете, что только я гоняю лодыря?!'.

Структурные типы фразеологических синонимов различаются по своей принадлежности к той или иной структуре и по наличию/отсутствию вариативных форм.

ФЕ первой разновидности бывают одноструктурными и разноструктурными. Среди них выделяются:

1) однокомпонентные, у которых совпадает один компонент: *кѣз аллында кѣрюнеди — кѣз аллындан кетмейди* 'стоит перед глазами', *жанын аямай — жанын артха салмай* 'не щадя своей жизни, смело, отважно' и др.: [Юзейир:] *Журтугъуз ючюн жаныгъызын аямай сермешгенсиз* (Тёппеланы А.) '[Юзейир:] Вы боролись за свою отчизну смело' — *Ата журтну ючюн, жанын артха салмай кюрешген жигитни юсюнден андан да иги жазаргъа боллукъ эди* (Хапаланы Д.) 'О герое, сражавшемся, не щадя своей жизни, можно было писать еще лучше';

2) одномодельные, т. е. имеющие одинаковую структуру, один вид связи между компонентами: *ахы кетди — жаны кетди* (сущ. притяж. формы 3-го лица + гл.) 'он сильно испугался', *бир жолгъа — бир урумгъа* (числит. + сущ. в дат.п.) 'сразу, разом', *таза жюрекли — тюз ниетли* (прил. + сущ.) 'честный' и др.: *Ахым кетди, мен къачдым* (Ахматланы А.) 'Я сильно испугался, убежал' — *Ол сабийни къапхан ит меники болгъанын билип къоядыла деп, жаным кетди* (Текуланы Ж.) 'Я сильно испугался, как бы они не узнали, что собака, укусившая ребенка, моя';

3) сходномодельные: *къаны къайнады — къаны къартыкъгъа сыйынмайды* (гл. + зависимое сущ.) 'выходит из себя', *кѣп мычымай — узакъгъа созмай* (форма гл. + зависимое нар.) 'вскоре' и др.: *Кѣп мычымай къонакълагъа аш-суу салдыла* (Текуланы Ж.) 'Вскоре гостям подали еду' — *Ол ишни узакъгъа созмай этерге керек эди* (Тёппеланы А.) 'Это дело надо было сделать, не откладывая в долгий ящик'.

Разноструктурных синонимических вариантов намного больше одноструктурных. Они построены по разным моделям: *къарапкъарагъынчы — тюу деген сагъатха* (деепр. + деепр. и межд. + прич. + сущ. в род. п.) 'в мгновение ока', *чакъдан бир — анда-мында* (сущ. в исх. п. + числ. и нар. + нар.) 'изредка', *хомпачха мин — сал бол* (сущ. в дат. п. + гл. и сущ. в им. п. + вспом. гл.) 'умереть', *Аллах билсин — ким биледи* (сущ. в им. п. + гл. буд. вр. и мест. + гл. наст. вр.) 'бог весть,

бог знает', *жаны-къаны бла — жан атып* (сущ. в род. п. + послел. и сущ. в им. п. + деепр.) 'всеми фибрами души' и др.: [Олий Наурузгъа:] *Сен а мени хомпачха минерими сакълап тура кѣреме!* (Кациланы Х.) '[Олий Наурузу:] Оказывается, ты ждешь моей смерти!' — *Сал болдула кѣп жигит жашла* (Къулийланы Къ.) 'Погибло много храбрых парней'.

Структурные типы фразеологических синонимов определяются и наличием/отсутствием вариантных форм. Большинство фразеологических синонимов не имеет вариантов: *кѣлюн кѣтюр* 'поднять кому-либо настроение', *акъ атха миндир* 'хвалить (очень)', *хуржуну жукъа* 'бедный, неимущий', *хайт деген* 'зрелый, достигший расцвета, мастерства' и др.

Вариантность фразеологических синонимов в карачаево-балкарском языке доходит до четырех, т. е. один из компонентов ФЕ выступает в четырех разновидностях: *арт этегин аллына къапла (айландыр, бур, эт) — арт этегин (артын) ал эт* 'давать жару, давать духу, давать жизни'. Большинство фразеологических синонимов двухвариантны: *ичи тюшген (кетген) эчкича (эчкилей) — жилин жутхан (эмген) макъача (макъалай) — ийне ашагъан (жутхан) итча (ит кибик)* 'исхудалый' и др.: [Къонакъ:] *Аллай арыкъ эр кишини уа бир да кѣрмеген эдим, ийне жутхан итча!* (Токъумаланы Ж.) '[Конак:] Никогда не видел я такого худого мужчину — как собака, проглотившая иголку!' — [Сафар:] *Аны [Салихатны] уа неси ариуду, жилин эмген макъалай!* (Гуртуланы Э.) '[Сафар:] А что в ней [Салихат] красивого — как выжатый лимон!'.

В данном языке немало и синкретично-вариантных ФЕ-синонимов, т. е. таких, где один (реже два) из синонимов не обладает вариантом, а другой или другие имеют его: *айтып айтмазча (айталмазча) — айтып болмазча* 'умопомрачительно, несказанно, невыразимо', *башы сагъышха къалды — башын сагъыш (оюм, къайгъы) бийледи (басды, къысды, алды)* 'голова его забита' и др.: *Омар а, башы сагъышха къалып, не этерге билмей айланады* (Токъумаланы Ж.) 'Голова Омара забита, и [он] ходит, не зная, что делать' — [Азамат:] *Хамзатны башын сагъыш бийлегенди* (Тёппеланы А.) '[Азамат:] Голова Хамзата забита'.

Одной из проблем фразеологической синонимии не только в тюркологии, но и в общем языкознании является ограничение

ее от фразеологической вариантности. Об этом свидетельствуют толковые и фразеологические словари, в которых очень много примеров неразличения указанных явлений. Например, фразеологические синонимы-дублиеты (или полные синонимы) расцениваются как варианты ФЕ: казах. *басын базаргъа салды (басы саудагъа тўсті) биш итү* ‘преувеличивать, присочинять в рассказе’; узбек. *торс ёрилиб кетгудай булду* или *юраги торс ёрилиб кетай деяпти* ‘душа ушла в пятки’.

Немало и случаев рассмотрения вариантов ФЕ как фразеологических синонимов: узбек. *елкага миниб олмок — буйнига миниб олмок* ‘сесть на шею’; татар. *акылга тула тўгел — акыгъа тўгэрек тўгнл* ‘придурковатый, недалекий’; карач.-балк. *алгышда айтыл — алгышха айтыл* ‘славиться’ и др.

Сравнивая фразеологические синонимы-дублиеты и фразеологические варианты, можно убедиться в том, что оба являются взаимозаменяемыми в любых контекстах, ср.: карач.-балк. *ал сатыр — ал тизгин* ‘передовая позиция (линия)’; казах. *акыл айт — акыл бер* ‘советовать, давать совет (наставления)’; татар. *бэхэт йолызы — бэхэт кояшы* ‘звезда счастья’ и карач.-балк. *башы бедишиге кьалды / башы бедишликге кьалды* ‘он опозорился’; казах. *шек-кьарнын акьторды / иши-кьарнын акьтарды* ‘выкладывать душу’; татар. *ай-вайга карамыйча / ай-вайга карамастан* ‘несмотря на сопротивление’; узбек. *гап тегизмокъ / гап тездирмокъ* ‘подводить, делать (поступать) так, чтобы кому-либо попало’ и др. Следовательно, взаимозаменяемость в любых контекстах не является особенностью только фразеологических вариантов, она присуща и фразеологическим синонимам, хотя и в значительно меньшей мере.

Анализ ФЕ, включенных в толковые и фразеологические словари тюркских языков, показывает, что составители к фразеологическим вариантам относят и такие ФЕ, которые не имеют варьирующих компонентов, но имеют синонимичные компоненты: *алгъашкьы адым / биринши адым* ‘первые

шаги’ (*алгъашкьы* ‘первоначальный’ — *биринши* ‘первый’); татар. *буш калдырмау / буш куймау* ‘не оставаться в долгу’ (*куймау — калдырмау* ‘не оставлять’); узбек. *бурун сукъмокъ, бурун тутмокъ* ‘совать нос’ (*сукъмокъ-тикмокъ* ‘совать’); карач.-балк. *ашха батмайды / хантха батмады* ‘у него плохой аппетит’ (*аш — хант* ‘пища, еда, кушанье’) и др. Это противоречит тому общеизвестному факту, что синонимами являются и слова, имеющие идентичные значения.

Ряд исследователей фразеологии вариантными считает и ФЕ, варьируемые компоненты которых имеют разные значения, но входят в одно семантическое поле [Гузев 1984: 132], например, карач.-балк. *жаны ауруйду — жюреги ауруйду* ‘душа его болит’ (*жан* ‘душа’ — *жюрек* ‘сердце’), *кёлюне тий* и *жанына тий* ‘обижать кого’ (*кёл* ‘настроение’ — *жан* ‘душа’) и др.

С нашей точки зрения, ни ФЕ, имеющие синонимические компоненты, ни ФЕ, компоненты которых объединяются в одно семантическое поле, не имеют вариантных компонентов, ни лексических, ни грамматических, ни фонетических, поэтому они являются не вариантными, а синонимичными ФЕ.

Литература

- Будагов Р. А. Проблемы развития языка. М.: Л.: Наука, 1965. 72 с.
- Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию // Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959. С. 419–442.
- Гузев Ж. М. Границы и объем фразеологии и ее отражение в толковых словарях // Гузев Ж. М. Проблематика словника толковых словарей тюркских языков. Нальчик: Эльбрус, 1984. С. 102–139.
- Диброва Е. И. Фразеология // Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц. В двух частях. Ч. I. М.: Издат. центр «Академия», 2001. С. 358–425.
- Фомина М. И. Фразеология // Фомина М. И. Современный русский язык. Лексикология. М.: Высш. шк., 1990. С. 304–373.

УДК 811.161.1

ББК 81.2 (2Рос=Калм)

**ГРАФИЧЕСКИЕ И ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КИРИЛЛИЦЫ
В СКОРОПИСИ ДЕЛОВЫХ ПИСЕМ XVIII в.****Л. Б. Олядыкова, Г. М. Ярмаркина*

Алфавиты, письмо, письменность – важные составные части истории языка и культуры. История русского письма – это история его возникновения и эволюции на протяжении многих столетий, а также выяснение причин этой эволюции [Лёвочкин 2003: 15]. И. В. Лёвочкин, отмечая, что «... письмо очень сложно и содержательно на каждом этапе своего развития, ...», считает, что «... изучение письма должно сочетать в себе как его исторический анализ, так и конкретное описание на определенном временном срезе в контексте современных ему явлений» [Лёвочкин 2003: 11].

Источниками данной статьи служат 40 русских переводов калмыцких деловых писем 1713 и 1719 гг., хранящихся в Национальном архиве Республики Калмыкия (далее – НА РК). Письма и их переводы являются подлинными рукописными текстами, созданными в XVIII в. Рукописные тексты русских переводов отличаются от современных текстов по своему письму и языку.

Использованное в указанных источниках письмо является старым, вышедшим из употребления: русские переводы писем хана Аюки и его современников написаны на скорописи XVIII в. Анализируемые тексты представляют собой датированные (известно, что письма хана Аюки датировались по дням их поступления в канцелярию для перевода) и локализованные документы, потому они ценны как исторический источник.

Так как эти документы относятся к государственным посланиям, они скреплены печатями, на которых написаны имя и титул или только имя владельца печати. Например: *У ли[s]та пѣчатъ аюки хана* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 5]; *У ли[s]та пѣчатъ Ча[б]даржапова* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 2] (здесь и далее в квадратных скобки заключаются выносные буквы в

примерах и ссылки на источник, из которого взят иллюстративный материал). Печать, письмо на печати также являются ценным источником изучения деловой письменности в диахронии.

Целью настоящей работы является конкретное описание графических и орфографических особенностей скорописи XVIII в. в контексте языковых явлений того времени.

Известно, что до начала XVIII в. в русском письме использовалась буквенная цифирь — буквы азбуки использовались как цифры. В анализируемом материале буквенная цифирь используется в каждом из 40 переводов для указания даты. Словесно-цифровой способ обозначения даты, использованный в переводах писем хана Аюки и его современников и считающийся полным ее оформлением, допускается в современной официально-деловой письменной речи, но с учетом характера документа и в последовательности — указание дня, месяца, года. Дата создания переводов указывается до текста письма в последовательности — обозначение года, указание месяца и дня. В переводах [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 58; НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 62/ л. 62 об.] не обозначены дни: место для числа осталось незаполненным. См.: ✕ *АЩГІ [г] августа в[ъ] [де]* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 58], ✕ *АЩГІ [г] октября в[ъ] [де]* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 62/ л. 62 об.]. Конечная буква [г], являющаяся выносной, обозначает окончание числительного, [де] — сокращенное «день».

По правилам буквы, обозначающие цифры, должны были выделяться точками и титлами, а тысячи — при помощи специального знака ✕, который ставился внизу буквы. Знак, обозначающий тысячи, используется во всех анализируемых текстах, в то время как правила обозначения цифр при помощи точек и титла соблюдаются не полностью

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект «Русские переводы деловых писем калмыцких ханов и их современников: тексты и исследования» (№ 12-04-00355а).

или не соблюдаются вовсе. Так, в примерах: **АЩГІ [г] августа в[ъ] ·Кθ·[де]* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 51]; **АЩГІ [г] октя[б]ря в[ъ] ·в·[де]* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 69]; **АЩГІ [г] октября в[ъ] ·Е·[де]* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 71/ 71 об.]; **АЩГІ [г] октября в[ъ] ·ка·[де]* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 76/ 76 об.]; **АЩГІ [г] нояб[р]я в[ъ] ·а·[де]* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 79] – отсутствуют точки в обозначениях года и титла – в обозначениях дней. В примерах: **АЩГІ [г] генваря в[ъ] ГІ [де]* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 2], **АЩГІ [г] генваря в[ъ] III [де]* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 5], **АЩГІ [г] августа в[ъ] І [де]* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 45/ 45 об.], **АЩГІ [г] нояб[р]я в[ъ] ЕІ [де]* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 81], **АЩГІ [г] нояб[р]я в[ъ] К [де]* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 87] – отсутствуют точки и титла в обозначениях дней. В нашем материале имеется единичный пример, в котором отсутствуют точки и титла в обоих обозначениях: **АЩГІ [г] генваря в[ъ] КЕ [де]* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 11].

Отступления от правил, во-первых, были характерны для скорописного письма, во-вторых, могут быть объяснены еще и тем, что рассматриваемые тексты были созданы после петровской реформы русской азбуки 1708–1710 гг. Петровской реформой были введены арабские цифры, отменены титла. Как видно, титла не поставлены во всех обозначениях цифр, помечающих дату написания переводов.

Несмотря на отмену Петром I буквенной цифири, обозначением цифр буквами в данных письмах еще пользуются, так как оно по-прежнему было характерно для начала XVIII в. Так, в заключительной части писем количество сопровождающих посланника лиц указывается при помощи буквенного обозначения цифр.

В пяти письмах указывается число 4: **Д̣· члѣка* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 71/ 71 об.], [НА РК. Ф.И. 36. Оп. 1, Д. 1, Л. 9], [НА РК. Ф.И. 36. Оп. 1, Д. 1, Л. 9 об.]. Приведем пример из перевода [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 71/71 об.]: *Посы[л]щикъ Бектеми[r] стоварыщи Д̣· члѣка*. В четырех письмах указывается число 5: *Посы[л]щикъ мо' лоза[н] стоварыщи ·Е̣· члѣкъ* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 5], см. еще переводы [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 11], [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 51], [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 58]. По два раза приведены числа 7, 10, 3: **З̣· члѣкъ* [НА

РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 2], [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 81]; **І· члѣкъ* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 43], [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 69], **Г̣· члѣка* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 79], [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 87]. Для переводов писем, относящихся к 1719 году, число, обозначенное буквой, встретилось один раз: **Ш̣ члѣкъ* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 6. Л. 133]. В остальных случаях используется словесное обозначение количества сопровождающих: *посы[л]щикъ мо' даши до[н] ду[к] стоварыщи пять члѣкъ* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 6. Л. 130].

Во всех примерах, кроме двух, буквы, обозначавшие цифры, переданы по правилам – выделены точками и снабжены титлами. Буква в числовом значении точками не выделена, а находится под титлом в переводах [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 81]: *Здорогою послано З̣ члѣкъ* и [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 6. Л. 133]: **Ш̣ члѣкъ*.

В статье «Формула йэжэ цахаан хан в языке писем хана Аюки и его современников 1714-1723 гг» Л. Б. Олядыкова пишет: «письма имеют определенный формуляр – набор устойчивых формул, посредством которых передается какое-либо сообщение, <...> по содержанию письма состоят, на наш взгляд, из трех следующих частей: вводная, центральная и заключительная. Для вводной и заключительной частей характерны определенные формулы» [Олядыкова 2012: 85]. Сообщение имени посланника и указание количества сопровождающих его лиц являются устойчивой формулой. Из 40 проанализированных переводных текстов 1713 и 1719 гг. данная формула отсутствует в трех письмах 1713 года [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 45/ 45 об.], [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 62/ л. 62 об.], [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 76/ л. 76 оборот] и в 7 письмах 1719 года [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 6. Л. 23], [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 6. Л. 45], [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 6. Л. 49/ Л. 49 об.], [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 6. Л. 64], [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 6. Л. 67], [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 6. Л. 72], [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 6. Л. 83].

В переводах четырех писем сообщается только имя посланника: *Словесно' прика[з] спосы[л]шико[м] моимъ Сасаемъ* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 45/ 45 об.], *посы[л]щикъ мой талокъ* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 6. Л. 43], *посы[л]щикъ мо[и] ламачапъ* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 6. Л. 60], *посы[л]щикъ мо[и] элчи туда* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 6. Л. 75/ 76 об./ 76].

Есть примеры, когда имя посланника и количество сопровождающих не названы: *спосы[л]щикомъ моимъ словесно[и] прика[з] есть* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 6. Л. 29].

Обратимся к примерам обозначения цифр в центральной части писем. Из 16 писем 1713 г. (в текстах 1719 г. таких примеров не встретилось) цифры обозначены буквами в трех. Приведем эти примеры: *икита'ско' Црь ... ише[t] кнамъ посласво-ево съ:Л' члвкѣ* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 11]; *...во 'в[м] пи[с]ме* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 45/45 оборот], *... иприказа[л] а[л]лакаю да[t] отюгеню н рубле[в]* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 76/ л. 76 об.]. В последнем примере цифра выделена только титлом. Остальные числительные передаются словами: *пе[r]вья мои речи..., три[t]цать тысячь пришло куба[н]скогво во'ско..., Изво'ска ушли четыре члвка наде-сяти лошедя[x]...* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 43], *идеть нана[с] куба[н]ское во'ско ня[t]деся[t] тысячь..., Прикажи по стави[t] натре[x] урочища[x] ... караулы крепкия...* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 45/45 об.], *два члвка хиви[н]це[в], уобоихъ листо[в]* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 45/45 об.], *десе[t] ве[д]рѣ вина десеть ве[д]дрѣ чихирю ...,* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 58], *шесть со[t] члвкѣ во[и]ска еду[t] назаставу ... Головны[x] люде уво[и]ска шесть члвкѣ четыре члвка му[r]зы* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 62/ л. 62 об.], *Прикажи о[i]бои[x] птиць сыска[t] ипри[с]ла[t]* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 62/ л. 62 об.], *Совсехъ четыре[x] сторо[н] какие ве-сти буду[t] чини ко[м]не ведение; взяли ... увашы[x] люде мои люди два[t]цать четыре кожи кра[с]ны[x] деся[t] ко[н] цовѣ бязи* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 71/71 об.], *Совсехъ четыре[x] сторон[ъ] какие ведомости есть прикажи ведомость дать Вышео[з]на ченно[му] дороге* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 81], *Дасни[м] бы бы[л] издву брато[в] миха[и]ла или бори[с] Керейтовы* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 87] и др.

«Со всех четырех сторон» – это перевод устойчивого выражения калмыцкого языка дөрбөн зүгээсэ, являющегося в письмах Аюки хана и его современников компонентом формулы вести [Олядыкова 2012: 87].

Исследуемый материал показывает, что русская официально-деловая письменная речь имеет многовековые традиции. Так, в русских переводах писем хана Аюки и его

современников используются сокращенные слова. Сокращенно писались общеизвестные слова, над сокращениями ставился особый знак – титло – еще в русском уставном письме X–XIII вв. Приведем примеры сокращенных слов из писем XVIII в.: *кнзь; 'З' члвкѣ* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 2], *инне, 'Е' члвкѣ* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 5], *Црь (2 раза), съ:Л' члвки, уГдря ншего, кдрю ншему;* в этом же тексте те же сокращения приводятся без титла: *Ншь, I нне, 'Е' члвкѣ* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 11], *нне, четыре члвка, 'Г' члвкѣ* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 43], *мл[с]ть, два члвка, к... Г[с]дрю* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 45/45 об.], *анне, 'Е' члвкѣ* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 51], *О[t] ... Г[с]дря, вше[и] (2 раза), 'Е' члвкѣ* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 58] (в этом же тексте приведены сокращения без титла: *мл[с]ти (2 раза)*), [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 58], *шесть со[t] члвкѣ, шесть члвкѣ, четыре члвка* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 62/ л. 62 об.], *'Г' члвкѣ* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 69], *нне, моего члвка (2 раза), наше[му] члвкѣ, 'Д' члвка* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 71/71 оборот], *уГ[с]дря, сна (2 раза), снѣ, Г[с]дрю,* и без титла – *мл[с]ти (2 раза)* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 76/ л. 76 об.], *'Г' члвка* и без титла – *мл[с]ть (2 раза)* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 79], *члвкѣ (2 рза), З' члвкѣ* . [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 81], *Сирѣина, члвка, члвкѣ, 'Г' члвкѣ* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 87]. В сокращенной форме были использованы слова князь, человек, ныне, царь, государь, наш, милость, ваша, сын, Царицын в формах различных падежей и чисел. Слово *день* в обозначении даты находится над строкой – [де] во всех анализируемых письмах.

Как показывают приведенные примеры, сокращались часто встречающиеся в тексте слова. Эти же слова являются распространенными. Слова сокращаются с выносными над строкой буквами, без выносных букв, находятся под титлами, хотя петровской реформой 1708–1710 гг. титла были отменены.

Применение выносных (т. е. расположенных над строкой) букв являлось характерной чертой русской скорописи XVI–XVII вв. В скоропись XVI–XVII вв. выносные буквы перешли из полуустава и ранней скорописи. Для русских переводов писем хана Аюки и его современников также характерно наличие выносных букв. Например, в переводе [НА РК. Ф. 36.

Оп. 1. Д. 1. Л. 5] нам встретилось 47 выносных букв. В словах *ха[н]*, *зде[с]*, *здоро[в]*, *до[н]ские*, *ка[л]мыцкие*, *ведомо[с]ти* и др. вынесена наверх одна буква; иногда в одном слове ставится над строкой несколько букв: *вка[л]мыцки[x]*, *по[д]нимаю[т]ца*, *вгото[в]но[с]ти*. В текстах данных переводов вверх вынесены буквы, находившиеся в конце слова или слога: *перевод[д]*, *кня[з]*, *улуса[x]*, *ува[с]*, *ичто[б]*, *проти[в]*, *куба[н]цы*, *анадо[б]но[де]* и др. (см. также предыдущие примеры). Эти буквы обозначены без титла. В скорописи анализируемых писем выносными являются *б*, *в*, *д*, *ж*, *з*, *и*, *к*, *л*, *н*, *р*, *с*, *т*, *х*, *у* (*у* выносится обычно на конце слова в сочетаниях с согласным: *мое[му]*).

В текстах писем отмечаются лигатуры *от* и *ив*. Лигатура *от* является традиционной для русского письма. В анализируемых текстах она встречается с буквами «он» и «омега»: *о[т]*, *ω[т]* – выносная буква *т* пишется над *о* или *ω*: *о[т]дари[л]* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 11], *о[т]нове[д]* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 87], *о[т]да[л]* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 81], *о[т]са[н]жапа* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 6. Л. 43] и др. Вариант лигатуры с буквой «омега» в нашем материале более редок и встретился только в переводах 1713 г.: *ω[т]няли* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 2].

Связное написание *ив* встречается в словах *Иван*, *Иванович* чаще в переводах 1719 г.: *Ивановича* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 6. Л. 72]; *Ивань* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 6. Л. 8/12], [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 6. Л. 23] и др., всего 11 случаев из 24. В текстах 1713 г. такая лигатура отмечена 3 раза: *Ив ум[б]*; *И[с]великою*; *Ива[м]* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 2].

Известно, что *ъ* на конце слов продолжала использоваться вплоть до 1917 г. Однако уже в XVIII веке целесообразность ее использования вызвала научные споры. На ее исключении в позиции конца слова в XVIII в. настаивали В. Е. Аодуров, В. К. Третьяковский; о ненужности *ъ* на конце слов говорил М. В. Ломоносов [Григорьева 2004: 135]. Во всех анализируемых письмах *ъ* на конце слов имеется: *какъ*; *Посы[л]щикъ*; *своимъ* и др. [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 2]. Не используется *ъ* на конце слова только после выносных букв: *здоров[в]*; *о свои[x]* *ну[ж]да[x]*; *прише[л]*; *прика[з]* и др. [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 2]. Выносные буквы в скорописи являлись знаками сокращения *ъ* и *ь*. В середи-

не слова: *търи* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 6. Л. 20].

Буква «ять» встречается в анализируемых текстах, хотя ее начертание несколько изменяется со временем – буква прописывается не очень четко, имеет опущенное вниз плечо, иногда напоминает букву *в*. Кроме того, отметим нерегулярность «ять» в одних и тех же словах в разных переводах на месте «ять» пишется *е*. Ср. *п[б]чать* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 2] и *печать* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 43]; *в приезд[б]* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 6. Л. 20] и *в приезде* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 6. Л. 23]. В переводах 1713 года «ять» встречается, например, в словах и словоформах *кдал[б]ло[ме]* *б[б]хать*; *Ив ум[б]*; *комн[б]*, *д[б]ло зд[б]лали*, *п[б]чать* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 2]; *и[б]ха[в]* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 5]. В переводах 1719 года – в словах *нын[б]* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 6. Л. 8/12], *в приезд[б]*, *на[в]стр[б]чу*, *вскор[б]*, *Але[б]*, *четырь[б]* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 6. Л. 20], *мн[б]* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 6. Л. 43] и др.

В XVIII веке в оценках роли буквы «ять» существовали различные мнения. Например, В. К. Третьяковский допускал исключение «ять», В. Е. Аодуров считал буквы «ять» и *е* разными. По Ломоносову, звуки, обозначаемые буквами *е* и «ять», не различаются в обычном произношении, но в чтении требуют произносить их по-разному [Ломоносов 1952: 49]. В конце XIX – начале XX вв. сторонников за исключение *ять* было много. Буква «ять» была упразднена реформой 1917–1918 гг.

В письмах используются буквы *и* (восьмеричное), *і* (десятеричное), которая употребляется как с одной, так и с двумя точками. Приведем примеры: *йуве[з]ли*, *о[і]буи[x]* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 62/ л.62 об.], *пропа[л]*, *ISво[л]* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 69], *ISato*, *ИВашие*, *і вышео[з]наченного* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 71/ 71 об.], *Ив*, *И[с]великою*, *Ива[м]* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 2], *иіскрыму*, [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 11], *Ивы* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 45/ 45 об.], *йвше[и]*, *Ивсякого* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 58], *Ивто[м]*, *Изво[ска]* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 43]. Вероятно, эти две буквы употреблены как равнозначные и могут заменять друг друга.

Особые правила употребления трех букв — *и* (восьмеричного), *і* (десятеричного), а также «ижицы» — были установ-

лены после всех перемен с азбукой с возникновением трех букв для обозначения одного звука [и]. Эти правила отличны от употребления букв *и* (восьмеричное), *I* (десятеричное) в рассматриваемых письмах [Григорьева 2004: 135]. По реформе 1738 г. было утверждено написание *i* с одной точкой вместо двух и упорядочено ее употребление. Буква *I* (*i*) была упразднена реформой 1917–1918 гг.

В поданной на утверждение Петру I новой русской азбуке царь вычеркнул буквы, не употребляющиеся в русском языке, в числе которых была и буква «омега». В анализируемых текстах буква «омега» частотна, несмотря на ее отмену в ходе петровской реформы орфографии. «Омега» встречается в переводах как 1713 г., так и 1719 г.: *ω[t]няли* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 2], *перевω[д]*, *они* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 11], *куба[н]скогω*, *ведомωсть* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 43], *сорочинскогω* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 79]; *тогω* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 6. Л. 53/ Л. 53 об.], *чтω[б]* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 6. Л. 58], *недо[б]рω'* (и в этом же письме – *недо[б]ро[и]*), *евω* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 6. Л. 64] и др.

В 1735 г. распоряжением Академии наук были исключены две буквы: буква *s* («зело»), которая еще в древности в результате фонетических изменений совпала по звуковому значению с буквой *з* («земля»), и буква «кси» [Григорьева 2004: 134]. Буква «зело» в варианте *s* также используется в графике переводов: *сдopo[в]*, *сdpa[в]* *ствуеть* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 51], *ISvo[л]* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 69], *набусане*, ср: *набуза[н]*, *ISato*, *насаставу*, *сско[р]бью*, *хосяину*, *вовсятка[х]* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 71/ 71 об.], *прикаса[л]* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 81]. В анализируемых текстах буквы «зело» и «земля», на наш взгляд, употребляются без различий между собой, заменяя друг друга.

В анализируемых переводах писем 1713 г. нет буквы *й*. На её месте есть обозначение *'*: *мо'* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 43], *астараха[н]ско'* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 45/ 45 об.] и др. Однако уже в переводах 1719 г. буква *й* в единичных случаях встречается: *мой* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 6. Л. 43]. Официально же буква «и-краткое» была введена распоряжением Академии наук позднее [Григорьева 2004: 134].

Петровской реформой были введены буква *э* и вместо буквы «юс малый» буква *я*. Тексты показывают единичное использование «юса малого» в ранних письмах 1713 г. [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 11], в остальных письмах используется буква *я* в графике того периода (*a* с крючком наверху) и йотованное *a*.

Как показывают тексты 1713, 1719 гг., в первой половине XVIII в. сохраняется еще связь скорописи с традициями XVII в. (См. графику букв *a*, *я*, использование упраздненных букв «ер», «ять», *i*-десятеричное, «зело», «кси», «от», «омега»). Буквы «зело», «кси» утрачиваются в XIX в., буква «ять» в XIX в. продолжает использоваться, но по специальным правилам.

Хотя правила прописных букв устанавливаются в скорописи XIX в., в анализируемых текстах с прописной буквы написаны слова Государь, Царь: *Г[с]дря* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 58].

В середине и второй половине XVIII в. в скорописи происходят дальнейшие изменения, которые отражены в деловых текстах указанных периодов (эти тексты нами в данной работе не рассматриваются).

Для образцов скорописи исследуемого материала характерны: 1) значительная вариативность написания букв и стремление к унификации; 2) сокращение слов; 3) определенная система использования выносных букв; 4) признаки деления текста на слова и фразы; 5) лигатуры; 6) приближение графики большинства букв к современной.

В письмах XVIII в. встречаются знаки — точка и запятая. Точкой в этих текстах выделяются цифры и редко — отдельные фразы, точка или запятая ставилась в конце фраз. В XVIII в. еще не было развитой системы знаков препинания, такая система создается в первой половине XIX в. Новая русская азбука, претерпевшая изменения в реформу Петра I и в последующие годы, была узаконена Российским собранием при Академии наук в 1758 г. Эта азбука предназначалась для издания светских книг.

Рассмотренные в настоящей статье деловые тексты были созданы задолго до вступления в действие новой русской азбуки и потому характеризуются целым рядом графических особенностей, относящихся больше к периоду до реформы Петра I.

Переводы писем хана Аюки и его современников дают представление о некоторых особенностях орфографии того периода. В

нашем материале немало примеров слитного написания слов в тексте, в том числе предлогов со словами: *со[в]семи* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 45/ 45 об.], *а[р]бузо[в] идынь* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 58], *исо[в]се[х] четыре[х] сторонъ* [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 6. Л. 3] и др.

В орфографии анализируемых текстов отражаются следующие особенности обычного разговорного произношения пишущих: 1) мягкое произношение [ч], [шʹ]: *хочю, на балчюге, тысячь, И[л]ичь, овоцю*; 2) твердый [р] в предложно-падежной форме *стоварыщи*; 3) регрессивная ассимиляция звуков по мягкости: *преж'него*; 4) регрессивная ассимиляция звуков по звонкости-глухости: *здругова, здорогою; во[т]ки, и[с]тобо[л]ска, иіскрыму, вло[т]ках, бутто*; 5) произношение буквосочетания «чн» как [шн]: *пиени[ш]ной*; 6) произношение [в] на месте [г] в окончаниях прилагательных и местоимений: *здругова, ево, своево, но моего*; 7) в речи, вероятно, произносился двойной твердый [ц] на месте сочетания [тс] на стыке окончаний глаголов с постфиксом –ся, переданный на письме как тц: *поднимаю[т]ца, непослуша[т]ца, возвращаюца, молитца, недоведетца*; 8) переход *и* в *ы* на стыке слов, когда предыдущее слово заканчивается на твердый согласный: *ивыкибирскомъ*. В словоформах на *лошедя[х]*, *десе[т]* отражено фонетическое изменение фонемы [а] в безударных позициях. В словоформах *каменданту, яблакъ* – возможно, отражение аканья.

В прилагательных им. п. ед. ч. наряду с окончанием –ый встречается окончание –ой: *балабан старой которой; астраханской кня[з]*, а в формах множественного числа прилагательных и порядковых числительных –ья/ -ия: *первья речи, караулы крепкия*.

В русских переводах калмыцких писем встречаются варианты написания калмыцких собственных имен: *Чабдержап, Чабдержаб и Чабдаржар; Лузан и Лозан; Билютка и Билютко*.

В единичных случаях отмечается отражение произношения [шʹ] вместо [ч] (не исключаем, однако, что такое написание используется согласно письменной традиции): *хощеть*.

Отмечаются словоформы в *астаракхани, астаракханской кня[з]*, *об этом, по притчинным места[м]*, в которых также отражены некоторые особенности устной речи.

Все приведенные написания отображают сложность орфографической ситуации XVIII в.: писцы или переводчики на письме передавали свое произношение, так как в XVIII в. только начинались поиски основных принципов русской орфографии. Среди ученых и деятелей культуры XVIII в. (В. Е. Адогуров, В. К. Трелиаковский, М. В. Ломоносов) не было единого мнения о русском правописании. Причиной сложной орфографической ситуации XVIII в. явилось отсутствие основополагающих принципов русской орфографии, норм правописания, специальной нормативной орфографической литературы.

Источники

- Перевод письма Джал [Национальный архив Республики Калмыкия (далее — НА РК). Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 2].
- Перевод письма хана Аюки [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 5].
- Перевод письма Чагдоржаба [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 11].
- Перевод письма Чагдоржаба [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 43].
- Перевод письма Чагдоржаба [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 45/ 45 об.].
- Перевод письма Чагдоржаба [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 51].
- Перевод письма Джал [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 58].
- Перевод писем Чагдоржаба [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 62/ л.62 об.].
- Перевод письма Чагдоржаба [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 65].
- Перевод письма хана Аюки [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 69].
- Перевод письма Чагдоржаба [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 71/ 71 об.].
- Перевод письма хана Аюки [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 76/ л.76 об.].
- Перевод письма Джал. [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 79].
- Перевод письма Чагдоржаба [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 81].
- Перевод письма Чагдоржаба [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 87].
- Перевод письма хана Аюки [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 6. Л. 3].
- Перевод письма хана Аюки [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 6. Л. 8/12].
- Перевод письма хана Аюки [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 6. Л. 15/ Л. 16].

- Перевод письма Чагдоржаба [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 6. Л. 20].
- Перевод письма Дасанга [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 6. Л. 23].
- Перевод письма Чагдоржаба [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 6. Л. 29].
- Перевод письма Чагдоржаба [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 6. Л. 37].
- Перевод письма Санжапа [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 6. Л. 43].
- Перевод письма хана Аюки [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 6. Л. 45].
- Перевод письма хана Аюки [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 6. Л. 49/ Л. 49 об.].
- Перевод письма Чагдоржаба [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 6. Л. 53/ Л. 53 об.].
- Перевод письма хана Аюки [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 6. Л. 58].
- Перевод письма Дасанга [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 6. Л. 60].
- Перевод письма Доржи [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 6. Л. 64].
- Перевод письма хана Аюки [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 6. Л. 67].
- Перевод письма Чагдоржаба [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 6. Л. 70/70 об.].
- Перевод письма хана Аюки [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 6. Л. 72].
- Перевод письма хана Аюки [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 6. Л. 75/ 76 об./ 76].
- Перевод письма Чагдоржаба [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 6. Л. 83].
- Перевод письма хана Аюки [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 6. Л. 90].
- Перевод письма Чагдоржаба [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 6. Л. 104].
- Перевод письма Чагдоржаба [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 6. Л. 110/111].
- Перевод письма хана Аюки [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 6. Л. 113/113 об.].
- Перевод письма Чагдоржаба [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 6. Л. 130].
- Перевод письма хана Аюки [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 6. Л. 133].

Литература

- Григорьева Т. М.* Русский язык: Орфоэпия. Графика. Орфография. История и современность. М.: Издат. центр «Академия», 2004. 256 с.
- Лёвочкин И. В.* Основы русской палеографии. М.: Кругъ, 2003. 176 с.
- Ломоносов М. В.* Российская грамматика // *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений. В 11 т. Т. 7. Труды по филологии (1739–1758 гг.). М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. 996 с.
- Олядыкова Л. Б.* Формула *йэкэ цаһаан хан* в языке писем хана Аюки и его современников (1714–1723 гг.) // Вестник Калмыцкого университета. № 4 (16). 2012. С. 84–89.

УДК 811.512.37
ББК 81.2 (2Рос=Калм)

КАЛМЫЦКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ: ОПЫТ КЛАСТЕРНОГО ОПИСАНИЯ ЛЕКСИКИ*

Б. Х. Борлыкова

Традиция письменной и звуковой фиксации песенного фольклора калмыков, в том числе исторических песен, была заложена трудами известных ученых, путешественников, музыкантов прошлых веков: П. С. Палласа [1776], Н. Н. Страхова [1804], И. В. Добровольского [1816], Г. Балинта [1871–1872], А. Д. Руднева [1904, 1908], Г. Й. Рамстедта [1903, 1904], А. М. Листопада [1902–1903], В. Д. Беневского [1921], А. В. Бурдукова [1937, 1939] и др.

П. С. Паллас первым опубликовал шесть калмыцких песен в переводе на немецкий язык в «Собрании исторических сведений о монгольских народностях» («Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften»).

Научное изучение калмыцких исторических песен началось только во второй половине XX в. Калмыцкие песни, в том числе исторические, с искусствоведческой точки зрения описаны Г. А. Дорджиевой [2000], Ван Гао Чао [2008], В. К. Шивляновой [Листопадов 1998], но этими исследователями рассматривалась в основном музыкальная сторона народной песни. Вербальная составляющая стала объектом изучения таких ученых, как Б. Б. Оконов [1989], Е. Э. Хабунова [1998], И. В. Кульганек [2001], Н. Ц. Биткеев [2005], Т. Г. Басангова [2011], Б. Х. Борлыкова [2013], Д. В. Убушиева [2013] и др., но в фольклористических работах филологический анализ по вполне понятным причинам не был ориентирован на выявление языковой специфики песенного жанра. Разработка собственно лингвистических проблем, связанных с изучением калмыцкой народной песни, находится сегодня в стадии становления.

Так, за последнее десятилетие был опубликован ряд статей, посвященных проблемам изучения песенного текста в этнолингвистическом плане [Убушиева, Омакаева 2010; Омакаева 2011; Омакаева, Борлыкова 2012]. Этнолингвистический подход позво-

ляет отразить взаимодействие языковых и этнокультурных факторов, дает возможность по-новому взглянуть на песенный лексикон. Это касается прежде всего классификации лексики, специфики семантической структуры песенного слова. Роль слова в песне не менее важна, чем музыки, что отражено в диссертационном исследовании Б. Э. Убушиевой, которое выполнено в русле когнитивно-семантического описания языка калмыцких народных песен с применением метода доминантного анализа лексики [Убушиева 2013].

В данной статье для выявления национально-культурного своеобразия историко-песенной лексики впервые в калмыцкой лингвофольклористике используется идея кластеров и кластерного анализа.

Под термином *кластер* (англ. cluster ‘кисть, рой’) понимается объединение языковых элементов, обладающих некоторыми общими признаками [Комлев 1995: 57]. Кластерное описание лексики русских народных песен представлено в трудах А. Т. Хроленко [1981], С. В. Супряги [1999; 2001], М. А. Бобуновой [2004] и др.

Материалом для кластерного анализа послужили тексты, записанные И. В. Добровольским [1816], А. М. Листопадным [1902], Г. Й. Рамстедтом [1904], Н. Очировым [1909].

Основная наша задача — выявить на основе лексического анализа текстов имена существительные, входящие в состав таких кластеров, как *социофакт* «социальное и семейное положение, профессия, род занятий, межличностный статус», *натурфакт* (природный объект), *артефакт* (любой материальный объект культуры) и *ментифакт* (духовный продукт), с указанием контекста и определением значимости, удельного веса каждого из (суб)кластеров в песенной картине мира. Результаты исследования представлены в таблице:

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Мир калмыцкой народной песни в оригинале и переводе: кластерное описание лексикона» (№ 13-04-00436а).

Кластеры	Существительные	Примеры
социофакт а) термины родства и родственных отношений	<i>көвүн</i> ‘сын’	Эркм Ямн <i>көвүтә</i> дөрглсэр аашна (МТН, 8 строка)
б) возрастные номинации человека	<i>көвүн</i> ‘мальчик, парень’	Эрктнә <i>көвүн</i> Мазн баатр (МТН, 7 строка) Таалтаһар өсгсн <i>көвүдиг</i> (ТШЧ, 3 строка) Көөрк бичкн <i>көвүднь</i> (ТШЧ, 24 строка) Көөрк бичкн <i>көвүдиг</i> (ТШЧ, 25 строка) Эвр бичкн <i>көвүдиг</i> (ТШЧ, 29 строка)
в) названия народов, этнических и субэтнических групп, а также родов (этнонимы)	<i>пранцуз</i> , <i>парницуз</i> ‘француз’ <i>орс</i> ‘русский’ <i>эрктн</i> ‘эркетени’ <i>торһуд</i> ‘торгуты’ <i>хар маңһд</i> ‘ногайцы’ <i>иштг маңһд</i> ‘башкиры’	Сөм хамарта <i>пранцуз</i> (МБ, 1 строка) Тавн түмн <i>пранцузиг</i> (МБ, 7 строка) Мунхн болгсн <i>пранцузнь</i> (МБ, 9 строка) Оһтр хар <i>парницузла</i> (МУБ, 9 строка) Сөм хамарта <i>парницузла</i> (МУБ, 13 строка) <i>Орсиг</i> харсч чавчлдв (МУБ, 10 строка) <i>Эрктнә</i> көвүн Мазн баатр (МТН, 7 строка) <i>Торһудын</i> нойн Мазн баатр дөрглсэр аашна (МТН, 10 строка) <i>Торһуд</i> нойн Жаһани (ХСМ, 12 строка) <i>Хар маңһд</i> хавтана, (МТН 2, 19 строка) <i>Иштг маңһд</i> хавтана (МТН 2, 21 строка)
г) названия профессий и занятий, титулов и званий, чинов и других социальных статусов	<i>нойн</i> ‘нойон’ <i>богд</i> ‘богдо’ <i>тәәш</i> ‘тайши’ <i>сәәдүд</i> ‘знать’ <i>цегр</i> ‘воин; войско’	Мана <i>нойн</i> Жүжи Москва темцәд мордна (МБ, 4 строка) Мана <i>нойн</i> хээрхн (МБ, 11 строка) Мана <i>нойн</i> Жамб тәәш (МУБ, 3 строка) Мана <i>нойн</i> Мазн баатр (МТН, 3 строка) Бухин шил күзүтә зә <i>нойдуд</i> (МТН, 4 строка) Бодңгин соя шүдтә зә <i>нойдуд</i> (МТН, 6 строка) Буурин зогдр сахлта зә <i>нойдуд</i> (МТН, 5 строка) <i>Торһудын нойн</i> Мазн баатр дөрглсэр аашна (МТН, 10 строка) <i>Торһуд нойн</i> Жаһани (ХСМ, 12 строка) <i>Богдад</i> күрч гекий (МБ, 13 строка) Мана нойн Жамб <i>тәәш</i> (МУБ, 3 строка) Күмни деед Жамб <i>тәәш</i> (МУБ, 7 строка) Маниг залгч <i>тәәшиг</i> (МУБ, 19 строка) Москуһин <i>сәәдүдлә</i> теңцнә (МУБ, 4 строка) Керменин <i>сәәдүдлә</i> танилта (КХМ, 4 строка) Күцс <i>цеггүдән</i> белдәд (МУБ, 6 строка) Миңһн <i>цеггәрн</i> дәврүләд (МУБ, 18 строка)

<p>д) личные имена (антропонимы)</p>	<p><i>Мазн</i></p> <p><i>Эркм Ямн</i></p> <p><i>Матвей</i> <i>Жүжси</i></p> <p><i>Жамб</i></p> <p><i>Жаһани</i></p>	<p>Мана нойн <i>Мазн</i> баатр (МТН, 3 строка) Эрктнэ көвүн <i>Мазн</i> баатр (МТН, 7 строка) Торхудын нойн <i>Мазн</i> баатр дөрглсэр аашна (МТН, 10 строка) <i>Эркм Ямн</i> көвүтэ дөрглсэр аашна (МТН, 8 строка) <i>Матвей</i> инрлин нээрт (МНТ, 3 строка) Мана нойн <i>Жүжси</i> Москва темцэд мордна. (МБ, 4 строка) Мана нойн <i>Жамб</i> тээш (МУБ, 3 строка) Күмни деед <i>Жамб</i> тээш (МУБ, 7 строка) Күмни һагцн <i>Жаһани</i> (ХСМ, 7 строка) Торхуд нойн <i>Жаһани</i> (ХСМ, 12 строка) Нойлдг <i>Жаһани</i> сангдна. (ХСМ, 17 строка)</p>
<p>е) наименования статусов межличностных отношений</p>	<p><i>иньгүд</i> ‘друзья’</p>	<p>Хамг <i>иньгүд</i> сангдна (ТШЧ, 12 строка) Хамг <i>иньгүд</i> сангдхларн (ТШЧ, 13 строка)</p>
<p>натурфакт а) наименования природных явлений и объектов</p>	<p><i>теңгр</i> ‘небо’</p>	<p>Көк <i>теңгр</i> өршэх болтха (ТШЧ, 26 строка)</p>
<p>б) наименования мест и пространственных объектов</p>	<p><i>тагт</i> ‘мост’</p> <p><i>орн-нутг</i> ‘страна, государство’</p> <p><i>шивэ</i> ‘крепость’</p> <p><i>толһа</i> ‘курган’</p> <p><i>нур</i> ‘озеро’</p> <p><i>нутг</i> ‘родина, владение’</p>	<p><i>Тагтын</i> амнд күрнэл. (МБ, 6 строка) <i>Тактын</i> амнд чапчия (МБ, 8 строка) <i>Орн-нутгин</i> сэкүсн (МУБ, 11 строка)</p> <p>Модлин ик <i>шивэг</i> (МУБ, 17 строка) <i>Толһа</i> болһнар шиңшнэ (ХСМ, 10 строка) <i>Нур</i> төгэлэд һархнь (ХСМ, 14 строка) <i>Нутг</i> дэврэд һархнь (ХСМ, 16 строка)</p>
<p>в) топонимы (ойконимы)</p>	<p><i>Москва</i> (<i>Москва балһсн</i>), <i>Моску</i> ‘Москва’</p> <p><i>Модлин</i> ‘Модлин’ <i>Эддрхн</i> ‘Астрахань’</p>	<p>Мана нойн <i>Жүжи Москва</i> темцэд мордна (МБ, 4 строка) <i>Москва балһс</i> иднэл (МБ, 10 строка) <i>Москуһин</i> сээдүдлэ темцнэ (МУБ, 4 строка) <i>Модлин</i> ик шивэг (МУБ, 17 строка) <i>Эддрхни</i> сурһулин көвүдиг (ТШЧ, 19 строка)</p>
<p>г) соматизмы</p>	<p><i>хамр</i> ‘нос’</p> <p><i>урл</i> ‘губы’ <i>чикн</i> ‘уши’ <i>күзүн</i> ‘шея’</p> <p><i>сахл</i> ‘борода’</p> <p><i>шүдн</i> ‘зубы’</p> <p><i>бий</i> ‘тело’ <i>үй</i> ‘сустав’</p>	<p>Сөм <i>хамрта</i> пранцуз (МБ, первая строка) Сөм <i>хамрта</i> парнцузла (МУБ, 13 строка) Мөңгн <i>урлта</i> борнь (МУБ, 1 строка) Марлин <i>чикн</i> адута (МТН, 2 строка) Бухин шил <i>күзүтэ</i> зэ нойдуд (МТН, 4 строка) Буурин зогдр <i>сахлта</i> зэ нойдуд (МТН, 5 строка) Бодңгин соя <i>шүдтэ</i> зэ нойдуд (МТН, 6 строка) Цаңһа <i>бийнь</i> сулдна (ТШЧ, 8 строка) <i>Үйе</i> болһнайн сулдна (ТШЧ, 18 строка)</p>

д) фаунистические термины (названия животных и птиц)	<p><i>марл</i> ‘марал’ <i>бух</i> ‘бык’ <i>буур</i> ‘верблюд-самец’ <i>бодң</i> ‘дикий кабан, вепрь’ <i>адун</i> ‘табун лошадей’ <i>торм темән</i> ‘двухлетний верблюжонок’ <i>мөрн</i> ‘лошадь’ <i>богирһа</i> ‘воробей’ <i>торһа</i> ‘жаворонок’ <i>нуһсн</i> ‘утка’ <i>шовун</i> ‘птица’</p>	<p><i>Марлин</i> чикн адута (МТН, 2 строка) <i>Бухин</i> шил күзүтэ зэ нойдуд (МТН, 4 строка) <i>Буурин</i> зогдр сахлта зэ нойдуд (МТН, 5 строка) <i>Бодңгин</i> соя шүдтэ зэ нойдуд (МТН, 6 строка) <i>Марлин</i> чикн адута (МТН, 2 строка) <i>Торм темән</i> ханзта (МТН 2, 14 строка) <i>Хар</i> саарл <i>мөрн</i> (ХСМ, 1 строка) <i>Толавт</i> цоохр <i>мөрн</i> (ХСМ, 9 строка) <i>Богирһа</i> мет нисий (МБ, 14 строка) <i>Торһа</i> төөлг ногтта (МТН, 9 строка) <i>Нуһсн</i> шовун жиргнэ (ХСМ, 15 строка) <i>Нуһсн шовун</i> жиргнэ (ХСМ, 15 строка)</p>
е) темпоральная лексика (обозначения времени и временных периодов)	<p><i>өрүн</i> ‘утро’ <i>цагт</i> ‘время’ <i>хавр</i> ‘весна’ <i>үвл</i> ‘зима’ <i>сө</i> ‘ночь’</p>	<p><i>Өрүн</i> болһн күңкнэ (ТШЧ, 28 строка) <i>Цасн</i> хээлхин <i>цагт</i> (ТШЧ, 5 строка) <i>Хавр</i> болхин алднд (ТШЧ, 9 строка) <i>Үвл</i> болхин алднд (ТШЧ, 15 строка) <i>Харһу сөөднь</i> харлна (ХСМ, 2 строка)</p>
ж) названия мер длины	<p><i>сөм</i> ‘пядь’ (расстояние между раздвинутыми большим и указательным пальцами с подогнутыми двумя суставами)</p>	<p><i>Сөм</i> хамарта пранцуз (МБ, 1 строка) <i>Сөм</i> хамрта парнцузла (МУБ, 13 строка)</p>
ментифакт а) названия абстрактных понятий, обозначающих процесс	<p><i>эмн</i> ‘жизнь’ <i>сурһуль</i> ‘учёба’</p>	<p><i>Эмнәннь</i> арһд чавчлдна (МУБ, 16 строка) <i>Үздг сурһуль</i> дасыя (ТШЧ, 16 строка) <i>Үздг сурһулиг</i> дасхларн (ТШЧ, 17 строка)</p>
б) религионимы	<p><i>сәкүсн</i> ‘божество-хранитель’ <i>бурхн</i> ‘божество’</p>	<p><i>Орн-нутгин сәкүсн</i> (МУБ, 11 строка) <i>Өршәдг бурхд өршәх</i> болтха (ТШЧ, 30 строка)</p>
в) теонимы	<p><i>Окн Теңгр</i> <i>Манз Ширән гегән</i></p>	<p><i>Окн Теңгр</i> өршәтхэ (МУБ, 12 строка) <i>Манз Ширән гегән</i> эәлтхэ (МУБ, 20 строка)</p>
артефакт	<p><i>эмәл</i> ‘седло’ <i>кө-хуйг</i> ‘панцирь’ <i>ногт</i> ‘недоуздок’ <i>төөлг</i> ‘железное кольцо’ <i>ханз</i> ‘курительная трубка’ <i>чонжэ</i> ‘церковь’ <i>шил</i> ‘купол’ <i>цаһан идән</i> ‘молочная пицца’ <i>гер</i> ‘дом’ <i>хоңх</i> ‘колокол’</p>	<p><i>Мөңгсн эмәлднь зокаста</i> (МУБ, 2 строка) <i>Кө-хуйган</i> батлж (МУБ, 5 строка) <i>Торһа</i> төөлг ногтта (МТН, 9 строка) <i>Торһа төөлг</i> ногтта (МТН, 9 строка) <i>Торм темән ханзта</i> (МТН 2, 14 строка) <i>Тавн шилтэ чонжнь</i> (ТШЧ, 1 строка) <i>Тасрха өндр чонжэ</i> (ТШЧ, 2 строка) <i>Өндр цаһан чонжэ</i> (ТШЧ, 27 строка) <i>Тавн шилтэ</i> чонжнь (ТШЧ, 1 строка) <i>Цаһан идән</i> сангдна (ТШЧ, 6 строка) <i>Цаһан идән</i> сангдхин алднд (ТШЧ, 7 строка) <i>Көк ширтэ гернь</i> (ТШЧ, 23 строка) <i>Күрл мөңгн хоңхнь</i> (ХСМ, 5 строка)</p>

Существительные, выявленные в текстах калмыцких исторических песен, распределились по четырем основным кластерам неравномерно (далее при лексемах в скобках указывается количество словоупотреблений).

Так, в кластере «социофакт» в субкластере «термины родства и родственных отношений» оказалась одна лексема: *көвүн* (1) 'сын'. Что касается лексем данной части речи, связанных с возрастными характеристиками героя песни, то здесь встречается также одна лексема: *көвүн* (5) 'мальчик, парень'. В субкластер «названия народов, этнических и субэтнических групп, а также родов (этнонимы)» вошли названия четырех народов: *пранцуз*, *парнцюз* (5) 'француз', *орс* (1) 'русский', *хар маңһд* (1) 'ногайцы', *иштг маңһд* (1) 'башкиры'; название субэтноса: *торһуд* (1) 'торгуты', название рода: *эрктн* (1) 'эркетени'. В субкластере «названия профессий и занятий, титулов и званий, чинов и других социальных статусов» отмечено пять лексем: *нойн* (9) 'нойон', *богд* (1) 'богдо', *тәәш* (3) 'тайши', *сәәдүд* (2) 'знать', *цег* (1) 'воин; войско'. Лексема 'нойн' встретилась в трех песнях «Маштг бор», «Мөңгн урлта борнь», «Ман тоха нутгта». В субкластере «наименования статусов межличностных отношений» встретилось шесть собственных имен: *Мазн* (3), *Эркм Ямн* (1), *Матвей* (1), *Жүжү* (1), *Жамб* (1), *Жаһани* (3). К наименованиям статусов межличностных отношений относим лишь одну лексему *иньгүд* (2) 'друзья'.

Кластер «натурфакт» образован из семи субкластеров. Так, в первом субкластере «наименования природных явлений и объектов» отмечена одна лексема *теңер* 'небо' (1). В субкластере «наименования мест и пространственных объектов» встретилось семь лексем: *тагт* (2) 'мост', *орн-нутг* (1) 'страна, государство', *шивэ* (1) 'крепость', *толһа* (1) 'курган', *нур* (1) 'озеро', *нутг* (1) 'родина, владение'. Самым распространенным топонимом в лексике рассматриваемых нами калмыцких песен является топоним *Москва* (*Москва балһсн*), *Моску* 'Москва': Мана нойн Жүжү *Москва* темцэд мордна / *Москва балһс* иднэл / *Москуһин* сәәдүдлә темцнэ. Менее частотными являются топонимы *Модлин* (1) 'Модлин', *Әдрхн* (1) 'Астрахань'. Нами зафиксировано восемь лексем, относящиеся к субкластеру «сома-

тизмы»: *хамр* 'нос', *урл* 'губы', *чикн* 'уши', *кузун* 'шея', *сахл* 'борода', *шүдн* 'зубы', *бий* 'тело', *үй* 'сустав'. Фаунистические термины (названия животных и птиц) представлены в лексике калмыцких песен десятью лексемами: *марл* (1) 'марал', *бух* (1) 'бык', *буур* (1) 'верблюд-самец', *бодң* (1) 'дикий кабан, вепрь', *адун* (1) 'табун лошадей', *торм темән* (1) 'двухлетний верблюжонок', *мөрн* (2) 'лошадь', *богшрһа* (1) 'воробей', *торһа* (1) 'жаворонок', *нуһсн* (1) 'утка', *шовун* (1) 'птица'. Субкластер «темпоральная лексика» (обозначения времени и временных периодов): *өрүн* 'утро' (1), *цаг* (1) 'время', *хавр* (1) 'весна', *үвл* (1) 'зима', *сө* (1) 'ночь'. В субкластере «названия мер длины» встретилась одна лексема *сөм* (2) 'пядь' (расстояние между раздвинутыми большим и указательным пальцами).

Кластер «ментифакт» представлен шестью лексемами: *амн* (1) 'жизнь', *сурһуль* (2) 'учёба', *сәкүсн* (1) 'божество-хранитель', *бурхн* (1) 'божество', *Окн Теңер* (1), *Манз Ширән гегән* (1).

В кластер «артефакт» входят такие лексемы, как *эмэл* (1) 'седло', *кө-хуйг* (1) 'панцирь', *ногт* (1) 'недоуздок', *төөлг* (1) 'железное кольцо', *һанз* (1) 'курительная трубка', *чонж* (3) 'церковь', *шил* (1) 'купол', *цаһан идән* (2) 'молочная пища', *гер* (1) 'дом'.

Анализ показал, что наиболее объемными являются кластеры «социофакт» (7 субкластеров, 29 лексем) и «натурфакт» (6 субкластеров, 20 лексем). К малочисленным следует отнести 2 кластера: «артефакт» (3 субкластера, 10 лексем) и «ментифакт» (6 лексем).

Таким образом, кластерный подход к изучению языка исторической песни позволяет выявить ядерную и периферийную лексику, показать связи каждой из входящих в кластер лексем. Кластер представлен в виде системы взаимосвязанных субкластеров, составляющих целостную характеристику определенного фрагмента песенной картины мира.

Представляется перспективным выявление лексических кластеров в песенных текстах других субжанров и их сопоставление с аналогичными кластерами как внутри песенного жанра, так и в сравнении с другими фольклорными жанрами в целом.

Источники

- МТН — Ман тоха нутгта // Очиров Н. О. Живая старина. Сост. Бичеев Б. А. Элиста: НПП «Джангар», 2006. С. 150, 346.
- МТН 2 — Ман тоха нутгта // Очиров Н. О. Живая старина. Сост. Бичеев Б. А. Элиста: НПП «Джангар», 2006. С. 252.
- МБ — Маштг бор // Добровольский И. В. Азиатский музыкальный журнал. Астрахань, 1816. 25 октября. № 1. С. 3.
- МУБ — Мөнгн урлта борнь // Очиров Н. О. Живая старина. Сост. Бичеев Б. А. Элиста: НПП «Джангар», 2006. С. 152–153.
- ХСМ — Хар саарл мөрн // Ramstedt G.J. Kalmükische Lieder. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen seura, 1962. P. 48–49.
- МhT — Манцин хурвн толһаднь // Листопадов А. М. Калмыцкие песни, записанные в Денисовской станице Сальского округа в ноябре 1902 г. / Публикация В. К. Шивляновой // Из истории русской фольклористики. Вып. 4–5. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 555.
- ТШЧ — Тавн шилтэ чонжнь // Ramstedt G.J. Kalmükische Lieder. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen seura, 1962. P. 42–45.

Литература

- Бобунова М. А. Фольклорная лексикография: становление, теоретические и практические результаты, перспективы. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2004. 240 с.
- Басангова Т. Г. Новые сюжеты исторических песен калмыков // Фольклор в контексте культуры. Мат-лы Второй Всерос. науч. конф. (Махачкала, 10 марта 2011 г.). Махачкала, 2011. С. 9–10.
- Биткеев Н. Ц. Калмыцкий песенный фольклор. Элиста: АПП «Джангар», 2005. 214 с.
- Борлыкова Б. Х. Номт Биткеев Н. Ц. бичж авсн хальмг дуудын тускар // Мат-лы Междунар. конгр. «Фольклор монгольских народов: историческая действительность» (2–5 октября 2013 г.): Изд-во Калм. гос. ун-та, 2013. С. 225–229.
- Ван Гао Чао. Народная песня ойратов в историческом контексте: автореф. дис. ... канд. иск. Ростов-на-Дону, 2008. 22 с.
- Дорджијева Г. А. Калмыцкие протяжные песни. Опыт структурно-типологического и историко-стилевого исследования: автореф. дис. ... канд. иск. СПб., 2000. 30 с.
- Комлев Н. Г. Словарь новых иностранных слов (с переводом, этимологией и толкованием). М.: Изд-во МГУ, 1995. 144 с.
- Кульганек И. В. Мир монгольской народной песни. СПб.: Петербург. Востоковед., 2001. 224 с.
- Листопадов А. М. Калмыцкие песни, записанные в Денисовской станице Сальского округа в ноябре 1902 года. Публикация В. К. Шивляновой // Из истории русской фольклористики. Вып. 4–5. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 541–560.
- Оконов Б. Б. Калмыцкие народные исторические песни XVII–XVIII вв. // Калмыцкая народная поэзия. Элиста: КНИИИФЭ, 1984. С. 30–58.
- Омакаева Э. У. Проблемы текстообразования в фольклорном дискурсе: жанр калмыцкой песни в свете лексикографического и корпусного подходов // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 1. С. 21–27.
- Омакаева Э. У., Борлыкова Б. Х. Этнолингвистическое изучение песенного фольклора ойратов Синьцзяна: из экспедиционного опыта // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 4. С. 180–186.
- Супряга С. В. Своеобразие лексики русских лирических песен, записанных на территории Латвии // Лингвофольклористика I: Сб. науч. ст. Курск: Изд-во Курск. гос. пед. ун-та, 1999. С. 52–57.
- Супряга С. В. Устойчивость лексики русской народной лирической песни к иноэтническому влиянию. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2001. 226 с.
- Убушьева Б. Э. Лексика калмыцких народных песен (когнитивно-семантический аспект): автореф. дис. ... канд. фил. наук. Элиста, 2013. 34 с.
- Убушьева Б. Э., Омакаева Э. У. Песенный текст как объект лингвистического исследования сквозь призму языковой картины мира: состояние и перспективы изучения (на материале лексики калмыцкой народной песенной поэзии) // Научная мысль Кавказа. 2010. № 4. Вып. 2. С. 27–31.
- Убушьева Д. В. Архивные материалы А. В. Бурдукова (калмыцкие народные песни) // Новые исследования Тувы. 2013. № 2 [электронный ресурс] // URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_18/625/ - ubusieva.html (дата обращения: 07.09.2013 г.).
- Хабунова Е. Э. Калмыцкая свадебная обрядовая поэзия. Исследования и материалы. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 224 с.
- Хроленко А. Т. Поэтическая фразеология русской народной лирической песни. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1981. 163 с.

УДК 811.512.37
ББК 81.2 (2Рос=Калм.)

К ВОПРОСУ О РОЛИ И ФУНКЦИЯХ ПОЭТИЧЕСКИХ ТОПОНИМОВ (на материале калмыцких народных песен)*

Б. Э. Убушиева, Э. У. Омакаева

Функционирование поэтических топонимов в калмыцком тексте мало привлекало внимание лингвистов, пока можно назвать кандидатскую диссертацию Б. Э. Убушиевой, в одной из глав которой эта проблема поставлена в лингвокогнитивном аспекте на материале песенных текстов [Убушиева 2013], и статью, посвященную изучению роли топонимов в создании лексической структуры художественного текста на калмыцком языке (в прозе калмыцкого писателя К. Эрендженова [Омакаева, Очирова 2010]). Поэтическая ономастика, включая топонимику, — это целая область исследований, в которых отражается весь спектр современных представлений об онимах [Фонякова 1990; Васильева 2009].

Анализ топонимов в статье осуществляется в условиях текстового функционирования сквозь призму языковой картины мира [Убушиева, Омакаева 2010; Омакаева 2012а], поэтому отправным пунктом исследования послужил песенный текст, а не отдельные лексические единицы.

Ономастическое пространство в поэтическом тексте организовано по полевому принципу [Супрун 1998]. Основные признаки языкового поля рассмотрены в работе И. А. Стернина [Стернин 1985: 38–39]. При выделении центра топонимического поля песни основным критерием служит частотность единицы. На этом основании мы выделяем в качестве доминантных топонимов названия водных объектов (гидронимы). И это не случайно. Значимость речной тематики в верованиях и ритуалах калмыков отмечена в работах этнологов [Бакаева 2009]. Река (вода), будучи природным объектом, прорастает в культуре дополнительными смыслами, обретая свое «второе», культурное, бытие. Названия водных объектов не могли не привлечь внимания и лингвистов (А. В. Суперанская [1973] и др.).

Наиболее значимым для калмыцкой топонимической картины мира, по данным песенных текстов, является обобщенный образ водного пространства, воплощенный в специализированных номинационных знаках [Омакаева 2012б]. Среди названий водных географических объектов в рассматриваемом нами корпусе калмыцких песен наиболее часто встречаются номинации водоема типа моря, озера (*Көк теңгс*, *Цаһан Нур*, *Хар теңгс*) и водного потока, например, реки (*Ижл*).

В состав гидронима *Көк теңгс* (Каспийское море) входит лексема *көк* ‘синий’. Данная лексема может указывать как на чистоту, прозрачность морской воды, так и на сравнительно небольшую глубину моря. Напротив, в топониме *Хар теңгс* ‘Черное море’ основную смысловую нагрузку несет лексема *хар* ‘черный’, что обычно указывает на то, что водный источник очень глубокий и вода такого источника холодная. Синий цвет характеризуется в калмыцком языке как цвет вечности, покоя, чистоты, тогда как черный цвет *хар* — это символ холода, силы, мощи, крепости и т. д. Ср.: *Көк теңгсин көвэднь / Күлг бийиһән амралав* ‘На берегу Каспийского (Синего) моря / Дал отдохнуть коню и себе’; *Хар теңгсин уснь / Хамхртлан эргийән цокна* ‘Воды Черного (черного) моря / Бьются, разбиваясь о берег’. Какое расслабленное и спокойное настроение создает строка народной песни «Алта гидг назраснь» в первом случае и сколько беспокойства в ожидании грядущей бури сквозит в строках песни «Арвн тавта сарнь» (второй пример).

Чаше других в текстах песен мы находим упоминание гидронима *Ижл хол* ‘река Волга’: *Ирхин седкл бәәхлә, / Ижлин усн чальчагл* ‘Если есть желание приехать, / То воды реки Волги — не преграда (досл. всего лишь лужа)’. В калмыцкой народной песне

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проектов «Топонимическое пространство Республики Калмыкия» (№ 13-04-1802 е) и «Топонимический ландшафт Калмыкии в зеркале языка, фольклора и исторической географии» (№13-14-08601е/р).

«Самбрин хурвн толһаднь» слово *һол* упоминается в сочетании с топонимом *Манц* ‘Маныч’, что указывает на конкретный географический объект: *Манц гидг һолнь* — / *Мануртсн сээхн һол* ‘Река под названием Маныч — / Синеющая (вдали) красивая река’.

Оронимическая лексика, связанная с пространственными объектами, также присутствует в песне [Убушиева 2010]. В рассматриваемых нами текстах встречаются следующие названия гор: *Сөмр уул*, *Алта уул*, *Ханга уул*, *Тавн уул*, *Өл Маңхн цаһан уул*. Топоним *Сөмр* (*Сүмр*) уул отражает представления калмыков о мировой горе, которая в мифологии монголоязычных народов почитается как священная. В одной из калмыцких народных песен топоним *Сөмр уул* употребляется с эпитетом *дөрвн өнцгтэ* ‘четырёхгранная’. Указание на особую форму горы позволяет провести параллель между песенным образом и мифической горой Сумеру, ассоциируемой калмыками с центром мироздания, с осью, соединяющей срединный (земной) мир с небесным миром: *Дөрвн өнцгтэ Сөмр уульнь / Дөрвд дунд дүңгэнэ* ‘Четырёхгранная гора Сумеру / Возвышается величественно в центре [кочевий] дербетов’.

Песенный топонимикон включает в себя и реальные географические названия, основной функцией которых является создание пространственности, достоверного фона для изображаемых событий. К наиболее часто упоминаемым географическим реалиям можно отнести Алтай (*Алта уул*) и Хангай (*Хаңһа уул*), горные цепи, расположенные на территориях, которые не без основания считаются родиной героического эпоса «Джангар» [Владимирцов 1923: 22]. Образы этого горного края, богатого лесами, прекрасными пастбищами, запечатлены в песенном творчестве монгольских народов.

Как показывает текст песни «*Алта гидг һазраснь*» (‘Из местности Алтай’), Алтай у калмыков связан с их исторической прародиной: *Алта гидг һазраснь / Алг буурларн мордлав* ‘Из местности, именуемой Алтай, / Двинулся я на своем пеге Серко’. В песнях встречается также ороним *Тавн уул* «Пять гор» (ср. Пятигорск), свидетельствующий об освоении калмыками нового пространства, в частности, о присутствии калмыков в районе Кавказской горной гряды и их ак-

тивной военной деятельности: *Тавн уулын белднь / Товин сумн асхрна...* ‘У подножия Пяти гор / Сыплются снаряды пушек’.

Таким образом, топонимы в песенном тексте имеют определенную семантическую нагрузку (функцию). В этом смысле представляется важным рассматривать их в контексте событий, действий, описываемых в песне, причем роль топонима в песенном дискурсе не сводится к простой идентификации географической отнесенности объектов и явлений: топоним как полифункциональный знак выполняет разнообразные задачи. Ему присущи такие функции, как номинативная (дифференциально-идентификационная), прагматическая, эстетическая, текстообразующая, причем две последние могут быть определены как ведущие для песенного дискурса. Особую функцию обретают топонимы в создании хронотопа (художественного пространства-времени) поэтического текста.

Изучение географических названий, раскрывающих свой текстопродуцирующий потенциал в границах пространства конкретного текста, как мы убедились, имеет важное значение в познании законов поэтического текстопостроения. Роль топонима в создании полиструктурной целостности музыкально-поэтического текста различна в зависимости от его конкретного использования в том или ином типе текста.

Анализ функционирования топонимов в калмыцком песенном тексте позволил выявить специфические оценочные коннотации, определить ряд закономерностей употребления исследуемых единиц, вскрыть особенности их сочетаемости. Это свидетельствует о том, что поэтические топонимы являются важным средством художественного осмысления образа, в песенном выражении они приобретают особую эстетическую значимость и выразительность, обрстая новыми, дополнительными смыслами, получая образно-экспрессивную интерпретацию.

Наиболее актуальной проблемой дальнейших исследований поэтических топонимов является создание полной лексико-семантической классификации калмыцкого песенного топонимикона, отражающего особенности этнической культуры, своеобразия кочевого образа жизни, ландшафта, географических реалий, местной флоры и фауны.

Литература

- Бакаева Э. П.* Речная тематика в верованиях и ритуалах калмыков: древние представления о пространстве и проблема прародины // Мат-лы Междунар. науч. конф. «Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее», посвященной 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства. г. Элиста, 13–18 сентября 2009 г. Часть II. Элиста, 2009. С. 297–301.
- Васильева Н. В.* Собственное имя в мире текста / Отв. ред. Н. К. Рябцева; Изд. 2-е, испр. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 224 с.
- Владимирцов Б. Я.* Монголо-ойратский героический эпос / пер., вступ. ст. и примеч. Владимирцова Б. Я. Пг.: Гос. изд-во, 1923. 254 с.
- Омакаева Э. У., Очирова Н. Ч.* Ономастическое пространство художественного текста (на материале топонимикона прозы К. Эрендженова) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010. № 2. С. 55–59.
- Омакаева Э. У.* Проблемы текстообразования в фольклорном дискурсе: жанр калмыцкой песни в свете лексикографического и корпусного подходов // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012а. № 1. С. 21–27.
- Омакаева Э. У.* Топонимия Синьцзяна как отражение ойратоязычной культуры региона: этнолингвистический аспект // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012б. № 4. С. 162–179.
- Суперанская А. В.* Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 366 с.
- Супрун В. И.* Ядро и периферия в ономастическом пространстве // Славистический сборник. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. С. 215–220.
- Убушиева Б. Э.* Горный ландшафт в калмыцкой народной песне сквозь призму языка // Мир науки, культуры, образования. г. Барнаул. 2009. № 7. С. 68–69.
- Убушиева Б. Э.* Лексика калмыцких народных песен (когнитивно-семантический аспект): автореф. дис. ... канд. фил. наук. Элиста, 2013. 26 с.
- Убушиева Б. Э., Омакаева Э. У.* Песенный текст как объект лингвистического исследования сквозь призму языковой картины мира: состояние и перспективы изучения (на материале лексики калмыцкой народной песенной поэзии) // Научная мысль Кавказа. Ростов-на-Дону. Изд-во Северо-Кавказ. НЦ ВШ. Спецвыпуск. 2010. № 4. Ч. 2. С. 27–31.
- Фонякова О. И.* Имя собственное в художественном тексте. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. 104 с.

УДК 81`27:811.512.37

ББК 81.2(2Рос=Калм)

РАДОСТЬ И УЛЫБКА КАК ЗНАКИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ КАЛМЫКОВ**И. М. Митриев, Т. С. Есенова*

Радость, одной из невербальных репрезентаций которой является улыбка, представляет собой разновидность общечеловеческой положительной эмоции. Язык является важным средством выражения любых эмоций, в том числе положительных, и средством эмоционального воздействия на собеседника.

Значение, функции, языковые репрезентации феноменов улыбки и радости в культуре калмыков до настоящего времени специально и глубоко не изучались. Однако необходимо отметить, что существуют две научные работы, в которых рассматриваются эмоциональные концепты. Так, *улыбке* посвящена статья «Лексикон жестов-улыбок в монгольской лингвокультуре» известного исследователя Г. Ц. Пюрбеева [Пюрбеев 2008: 24–28]. В ней автор представил классификацию улыбок по физиономическим признакам и проанализировал лексические средства их обозначения на материале монгольской лингвокультуры. В статье А. Э.-Г. Улановой и Э. Н. Санджиевой «Концепты “смех” и “слезы” в калмыцком языке» [Уланова, Санджиева 2006: 157–162] рассматриваются средства объективации указанных эмоциональных концептов на материале калмыцкой лингвокультуры.

Обращают на себя внимание труды и других ученых (И. С. Стернина, Л. М. Салминой, К. М. Дружининой, М. А. Токаревой и др.), исследовавших коммуникативные процессы и ментальные единицы русской лингвокультуры, в силу тесного контактирования калмыцкого и русского этносов на протяжении четырех веков. Опираясь на эти работы, а также на достижения истории, психологии, философии и др., рассмотрим феномены *улыбки* и *радости* в лингвокультуре калмыков и особенности их обозначения.

В Российской Федерации, где проживают многочисленные народы, межкультурная коммуникация является лингвистиче-

ской реальностью. В процессе взаимодействия народов немаловажно знание обычаев того или иного народа, значение коммуникативных жестов, культурных традиций и особенностей ментального мира контактирующих этносов. Именно в ходе межкультурной коммуникации нужно быть особенно внимательными, так как любой жест, который мы используем в общении, может быть понят и осмыслен собеседником неправильно в том или ином случае. Эту мысль подчеркивает, например, Л. М. Салмина, исследователь из Казани. В своей работе «Улыбка как знак в коммуникативной культуре» она, в частности, пишет: «*именно улыбка является наиболее уязвимым местом при взаимодействии различных культур*» [Салмина 2003: 118].

В данной статье осуществляется попытка рассмотреть особенности фиксации изучаемых феноменов в современной калмыцкой прозе, поскольку художественные тексты являются репрезентативными средствами исследования ментальных образований, и в калмыцкой паремии, зафиксировавшей специфические особенности культуры и быта калмыков. Выбор в качестве материала этих источников объясняется тем, что в лингвокультурологических исследованиях особое значение имеют тексты художественного характера, позволяющие установить функционирование того или иного явления в сознании современных носителей языка, в то время как словарные дефиниции фиксируют осмысление явления в сознании безотносительно к фактору времени.

Согласно философскому словарю, *радость* — духовное чувство полноты бытия. С точки зрения гуманистической психологии, «радость — это то, что мы испытываем в процессе приближения к цели стать самим собой» [Философский словарь]. С. И. Ожегов определяет радость как веселое чувство, ощущение большого душевного удовлетворения [Ожегов 2003: 628]. Радость как эмо-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке внутривузовского гранта ФГБОУ ВПО «КалмГУ» (№ 869).

ция знакома всем людям: нам нравится быть радостными, по возможности мы выбираем и ищем для себя те ситуации, в которых мы будем чувствовать себя счастливыми.

Радость, будучи позитивной эмоцией, определенным образом влияет на восприятие характера и в целом личности человека другими людьми. Можно в этой связи говорить о народах, склонных к большей или меньшей степени проявления данной эмоции. В статье «О калмыцком воспитании» Б. А. Захаров пишет, что калмыки являются жизнерадостными людьми, отмечая, что «исторически калмыки воспитывались так, чтобы с детства у каждого калмыка, калмычки было умение контролировать свои отрицательные эмоции и чувства, такие, как печаль, скорбь, страх, боль. Простой вздох считался грехом. Что интересно, калмычки не кричали даже во время родов. Суровые условия не позволяли нашим предкам даже на короткий промежуток времени быть пессимистами, поддаваться душевной или физической боли» [Захаров]. Как отметил И. А. Житецкий в 80-х гг. XIX в., «... калмыки чрезвычайно жизнелюбивы. Этим объясняется, между прочим, почти полное отсутствие среди калмыков самоубийств» [Житецкий 1893: 28].

Знаменитые американские исследователи Пол Экман и Уоллес Фризен определили несколько типов радости. В своем исследовании концепта «радость» мы будем исходить из классификации Пола Экмана, который различает следующие типы радости: возбуждение-радость, удовольствие-радость, облегчение-радость и радость, основанная на Я-концепции.

Каждый из нас становится внимательным, заинтересованным и увлеченным тем, что нас возбудило, — такой тип П. Экман называет возбуждением-радостью. Удовольствие-радость характеризуется тем, что каждый из нас испытывает внутри приятное ощущение, вызванное тем, что доставляет нам истинное удовольствие. Такой тип характеризуется тем, что мы испытываем его только тогда, когда, например, добиваемся поставленных целей, задач. Третий тип, по П. Экману, — это облегчение-радость. Этот тип радости сравним с прекращением неприятных ощущений, после которых каждый из нас испытывает радость. Подобным образом мы испытываем радость, когда утоляем голод или жажду. Четвертый тип радости позволяет человеку дать представление

о себе, подтверждает и укрепляет благоприятное отношение к себе. Ее причиной данный автор называет похвалу близких нам людей, дружбу, уважение людей, которых мы уважаем. Эта разновидность радости воспринимается как некая награда, она дает возможность почувствовать себя немного счастливым. Это более содержательная, «улыбающаяся» радость [Экман, Фризен 2010: 118].

Опираясь на классификацию Пола Экмана, проанализируем использование разных типов концепта «радость» и способов языкового выражения данного концепта на материале калмыцкой прозы [А. Б. Бадмаев, С. Л. Байдыев, А. Г. Балакаев, Н. Б. Нармаев, В. К. Шуграева, К. Э. Эрендженев]. Из всего материала методом сплошной выборки нами были выделены лексемы, репрезентирующие эмоцию «радость», и контексты, в которых они употреблены. В рассмотренных нами текстах наиболее часто репрезентируются такие виды радости, как радость-возбуждение и радость-удовольствие.

Для выражения эмоции радости в калмыцком языке используется базовая лексема *байр*, номинант концепта «радость». В лексико-семантическое поле концепта «радость» входят лексические средства, мотивированные корневой морфемой *байр* (*байр-бах*, *байрлһн*, *байслт*, *байсхли*, *бах*, *бахтлһн* и т. п.), и лексема *сергмж*.

Изучение художественных текстов показывает, что для передачи конкретного вида данной эмоции употребляются лексемы, конкретизирующие тип эмоции в каждом отдельно взятом случае. Приведем контексты, в которых выражается проявление «возбуждения-радости»:

1. *Лавган байр теңкэн уга* ‘радости Лавги не было предела’ [Балакаев 2008];

2. *Чеежм бээжэһэд-бээжэһэд эң зах уга байрар дүүрнэ* ‘сердце мое наполнено радостью’ [Байдыев 1963];

3. *Көгшн багш — школын директор хург секэд, байрта-бахтаһар хол-зүркнэсн һарсн бүләкн үгэрн цуһараһинь йөрэв* ‘Старый учитель, директор школы, открыв собрание, от всего сердца, наполненного радостью, сказал теплые слова благопожелания’ [Бадмаев 1963];

4. *Бидн эрк биш дишлвр бэрэд, Төрскн-ээж нуттан сулдхвр, гертэн байрта орж ирхвдн* ‘Мы непременно одержим победу, освободим родину-мать, с радостью возвратимся домой’ [Балакаев 1984];

5. *Көвүн намаг босндан **ик байрта** бээв* ‘Мальчик был рад, когда я проснулся’ [Балакаев 1993];

6. *Леежн дотран **ик байрта** бээхнь чирэ, нүдэрнь медгднэ* ‘По глазам и лицу Лееджи было видно, что он очень рад’ [Эрендженев 1976].

Выражение разновидности радости «удовольствие-радость» встречается в рассмотренных нами художественных текстах с такой же частотой, как и «радость-возбуждение». Приведем некоторые контексты:

1. *Дигиль мини уйсн хосиг аваад зөвэрт эргүлэд хэлэжэһэд, маасхлзжэ инэнэд, толһа деерэн өргэд, **байртаһар** келе:* — Залус, хосиг иигжэ уйх кертгэ! ‘Дигиль взял сшитые мной сапоги, пристально разглядывая, с радостью сказал: — мужчины, сапоги надо шить вот так!’ [Байдыев 1963];

2. *Клаван дүүрц төгрэ чирэ, тиньгр маңна **байрар** герлтэд* ‘Полное круглое лицо Клавы сияет радостью спокойствия и удовлетворения’ [Балакаев 1984];

3. *Иван Александрович, би танла таньлдсндан **ик байрта** бээнэв* ‘Иван Александрович, я очень рад знакомству с вами’ [Балакаев 1984];

4. *Үр көвүһэн үсн Аакуһин **байрт** теңкэн уга* ‘Радости Ааку не было предела при виде друга’ [Балакаев 1968];

5. *Берэснь көвүн төрсн зэңг ирхлэ, Жолда **ик байрта** бээв* ‘Когда пришла весть, что у невестки родился мальчик, Жолда был полон радости’ [Байдыев 1963];

6. *Санаһан күцэсн Муутл **байрта** бээнэ* ‘Мутл радуется исполнению задуманного’ [Бадмаев 2003];

7. *Үүдн секгэдэд, Церн Санл хойр инэмсклсн **байрта** оржэ ирв* ‘Распахнулась дверь, радостно улыбаясь, вошли Церен и Санал’ [Шуграева 1979].

В рассмотренных нами художественных текстах реже, чем указанные выше разновидности радости, выражается эмоция «радость-облегчение». Приведем некоторые контексты:

1. *Адгтан долан-нээмн жыл ясвр угаһар йовх, — гинэд Байрта бас **байрлв*** ‘По крайней мере, семь-восемь лет без ремонта будет работать, — сказав, Байрта тоже порадовалась’ [Бадмаев 2003];

2. *Түрун даалһвриннь аш үзжэх Городовиковин **байрт**, омгт эң зах уга* ‘При виде результатов первого задания радости Городовикова не было предела’ [Балакаев 1968];

3. *Эмтн сиврин ут үвлэс эрүл-дорул, мөнд-амулц һарсн, **ик байрта** бээнэ* ‘Люди радуются, что вышли здоровыми и благополучными из холодной длинной сибирской зимы’ [Байдыев 1963];

4. *Мана күүкн бас арвдгч класс төгсэсн, аттестатан авчксн **ик байрта** бээсн саам билэ* ‘Было самое радостное время, когда наша дочь закончила десятый класс и получила аттестат’ [Нармаев 1961].

Улыбка, как мимический жест, является одним из проявлений радости. С. И. Ожегов определяет улыбку как мимическое движение лица, губ, глаз, показывающее расположение к смеху, выражающее привет, удовольствие или насмешку и другие чувства [Ожегов 2003: 814]. Являясь одним из элементов мимики, улыбка является культурно обусловленным конвенциональным знаком жестом [Митриев 2013: 226], который выполняет определённые функции в процессе коммуникации. В каждой культуре жест улыбки обусловлен традицией, неписаными правилами, исторически сформировалось своеобразное отношение к улыбке как феномену человеческой жизни, который имеет определенное символическое значение.

Общеизвестно, что представители западной культуры, в частности, американцы, активно используют улыбку, в то время как русских именуют «неулыбчивой» нацией. Для представителей западной культуры улыбка — это в первую очередь показатель культурного поведения в обществе, сигнал вежливости при приветствии и в ходе коммуникативного общения. Как отмечает И. А. Стернин, «русская улыбка призвана быть только искренней, она рассматривается как искреннее выражение хорошего настроения или расположения к собеседнику» [Стернин 2000: 54].

Хотя у калмыков улыбка передаёт позитивный настрой, искреннее расположение к собеседнику, но представителей калмыцкого этноса нельзя назвать улыбчивыми людьми. Как показывают наши наблюдения, калмыки не используют улыбку так часто, как американцы. Улыбка у калмыков адресована только близким людям. Как и в русской культуре, улыбка у калмыков является адресной, используется исключительно как знак расположения к собеседнику, т. е. является искренней, осмысленной, служит знаком «я — свой, не враг». Улыбкой калмыки выражают радость, положительные эмоции, она не является «дежурной»,

не используется по отношению к незнакомым людям. Несмотря на редкость употребления, улыбка — все же важный элемент общения калмыков.

Анализ лексикографических источников показывает, что лексикон средств, вербализующих концепт «улыбка» в калмыцком языке, довольно обширен; существуют специальные лексические средства для обозначения улыбки: *инэмсгллһн*, *маасхлһн*, *марзалһн*, *мусхлһн*, *мишлһн*, *миихлһн*. Каждое из данных слов входит в словообразовательное гнездо соответствующей корневой морфемы. Они обозначают разные способы улыбок: *инэмсгх* ‘улыбаться’, *мусхлх* ‘улыбаться’, *маасхлх* ‘улыбаться, ухмыляться’, *марзах* ‘расплываться в улыбке, осклабиться’, *миихлх* ‘слегка улыбаться’, *мишлх* ‘улыбаться, смеяться’. Последнее слово в Калмыцко-русском словаре имеет помету «высокое» [Муниев 1977: 353], помету «почтительное» имеет соответствующий глагол в толковых словарях монгольского языка [Лувсандэндэв, Цэдэндамба 2001: 333; Дамдинсурэн, Лувсандэндэв 1982: 754], что свидетельствует о постепенном сужении средств, репрезентирующих жест-улыбку в монгольских языках.

Производные от перечисленных корневых морфем сочетаются с прилагательными и наречиями, конкретизирующими разновидность улыбки: *байрта инэмсгллһн* ‘радостная улыбка’, *сергмжтэ инэмсгллһн* ‘веселая улыбка’, *уйдлһта инэмсгллһн* ‘трогательная улыбка’, *ичгтэ инэмсгллһн* ‘застенчивая улыбка’.

С улыбкой калмыки связывают открытость характера человека, что зафиксировано в калмыцкой паремии: *инэсн болһн нээж биш*, *уурлсн болһн дээсн биш* ‘не всякий, кто улыбается, — друг, не всякий, кто сердится, — враг’. Наблюдая за выражением эмоций *улыбкой*, калмыки делают умозаключение о поведении человека: *инэж келсн күн — меклхин темдг*, *уульж келсн — һундлын темдг* ‘говорить с усмешливой улыбкой — признак коварства, а говорить с плачем — признак обиды’. На основе улыбки построены наблюдения о поведении в обществе: *чамд инэдн*, *нанд — ханядн* ‘тебе — улыбаться, а мне горько’. С учетом феномена улыбки народная педагогика замечает: *инэх күн олн олдх*, *сурһх күн олдхн уга* ‘охотников посмеяться найдется много, а людей, которые будут воспитывать, не отыщешь’, а также ре-

комендует: *инэсиг сур*, *уульсиг сурһ* ‘смеющегося расспрашивай, плачущего наставляй’.

Таким образом, можно заключить, что в калмыцком языке существуют разнообразные средства вербализации концепта «радость», мотивированные корневой лексемой *байр*. Данная лексема является номинантом концепта «радость». В изученных нами художественных текстах фиксируются контексты, отражающие такие разновидности радости, как «радость-удовольствие», «радость-возбуждение», «радость-облегчение». Разновидность радости «радость, основанная на Я-концепции», по П. Экману, в изученных текстах не отражена. Дальнейшие исследования будут направлены на определение контекстов, для которых характерен данный тип изучаемого феномена.

Улыбка, являющаяся невербальным средством выражения радости, также имеет разные средства обозначения в калмыцком языке. Улыбка у калмыков функционально мотивирована, адресна, искренна, употребляется всегда уместно. Она не является дежурной, не употребляется только из вежливости.

Источники

- Бадмаев А. Б.* Арнзлын гүүдл / Бег Аранзала. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. 576 с.
- Бадмаев А. Б.* Ээж / Мать: рассказы. Элиста: Калмгосиздат, 1963. 96 с.
- Байдыев С. А.* Посвящение: стихи и поэма. Элиста: Калмгосиздат, 1963. 72 с.
- Балакан А.* Буурл теетг / Седая степь. М.: Современник, 1968. 397 с.
- Балакан А.* Залу зөрг: роман (негдгч дегтр). Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1984. 283 с.
- Балакан А.* Зерлг нохас: роман. Элст: Барин гер «Герл», 2008. 336 с.
- Балакан А.* Һурвн зург: түүк. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1993. 37 с.
- Нармин М.* Боова: рассказы и повести. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1961. 123 с.
- Шугран В.* Түрүн хоңх: Түүк. Элст, 1979. 160 с.
- Эрнжээнэ К.* Анһучин көвүн: Элст: Хальмг госиздат, 1976. 139 с.

Литература

- Дамдинсурэн Ц., Лувсандэндэв А.* Русско-монгольский словарь. Улан-Батор: Госиздат, 1982. 840 с.
- Житецкий И. А.* Очерки быта астраханских калмыков. М.: Тип. М. Г. Волочанинова, 1893. 114 с.

- Захаров Б. А.* О калмыцком воспитании [электронный ресурс] // URL: <http://www.nutug.ru/kultura/zaharov4.htm> (дата обращения: 15.09.2013)
- Лувсандэндэв А., Цэдэндамба Ц.* Большой академический монгольско-русский словарь. М.: АCADEMIA, 2001. Т. 2. 507 с.
- Митриев И. М.* К исследованию концепта «улыбка» в калмыцкой лингвокультуре // Актуальные проблемы общей и адыгейской филологии. Майкоп: Адыгей. гос. ун-т, 2013. С. 226–228.
- Муниев Б. Д.* Калмыцко-русский словарь. М.: Рус. яз., 1977. 754 с.
- Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М.: ИТИ Технологии, 2003. 895 с.
- Пюрбеев Г. Ц.* Лексикон жестов-улыбок в монгольской лингвокультуре // Этнокультурная концептология и современные направления лингвистики. Элиста: КалмГУ, 2008. С. 24–28.
- Салмина Л. М.* Улыбка как знак в национальной коммуникативной культуре // Русская и сопоставительная филология: системно-функциональный аспект. Казань: Казан. гос. ун-т, 2003. С. 118–121.
- Стернин И. С.* Улыбка в русском коммуникативном поведении // Русское и финское коммуникативное поведение. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. С. 53–61.
- Уланова, А. Э-Г, Санджиева Э. Н.* Концепты «смех» и «слезы» в калмыцком языке // Этнокультурная концептология. Вып. 1. Элиста: Калм. гос. ун-т, 2006. С. 157–162.
- Философский словарь.* [электронный ресурс] // URL: <http://slovari-online.ru/word/философский-словарь/радость.htm> (дата обращения: 15.09.2013).
- Экман П., Фризен У.* Узнай лжеца по выражению лица. СПб.: Изд-во Питер, 2010. 206 с.

УДК 811.512.37
ББК 81.2(2Рос=Калм)

СОЦИАЛЬНЫЙ И РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОРЫ В КОММУНИКАТИВНОМ ПОВЕДЕНИИ КАЛМЫКОВ*

Д. П. Чемидова, Т. С. Есенова

В динамичном и быстроразвивающемся XXI в. важной проблемой становится воспитание терпимости и уважения к разным культурам, преодоление чувства раздражения от избыточности, недостаточности или инаковости других культур. Именно этим вызвано всеобщее внимание к вопросам межкультурной коммуникации и коммуникативного поведения.

На необходимость специального изучения данной проблемы указывают многие исследователи, например, И. А. Стернин, Ю. Е. Прохоров и др. Основоположником научного изучения особенностей коммуникативного поведения является проф. Воронежского государственного университета И. А. Стернин. Он определяет *коммуникативное поведение* как совокупность норм и традиций общения определенной группы людей [Стернин, Ларина, Стернина 2003: 8]. Как пишет И. А. Стернин, коммуникативное поведение народа определяется его коммуникативным сознанием и представляет собой способ овнешнения коммуникативного сознания — подобно тому, как язык представляет собой способ овнешнения когнитивного сознания [Стернин 2002]. Коммуникативное поведение характеризуется общекультурными, групповыми, ситуативными и индивидуальными нормами. При этом нормы могут трансформироваться в зависимости от этнических особенностей каждой лингвокультурной общности.

Мы разделяем точку зрения основоположников теории коммуникативного поведения об актуальности детального изучения национально-культурной специфики коммуникации народов. Данная работа посвящена исследованию специфики коммуникативного поведения калмыков.

Необходимо отметить отсутствие специальных работ, посвященных изучению этнических особенностей коммуникативного поведения калмыков. Однако в ряде

исследований затрагивается данная проблема. Так, например, в работах С. Н. Артаева [Артаев 2001] и Э. Б. Манджиевой [Манджиева 2009] изучается национальная специфика традиционного этикета калмыков в сопоставлении с русским этикетом, в статье К. А. Джушкиновой [Джушкинова 2002] рассматривается национальная специфика речевого поведения калмыков-билингвов, в монографии Т. С. Есеновой [Есенова 2003] исследуется коммуникативное поведение калмыков в разных ситуациях общения.

При изучении коммуникативного поведения калмыков необходимо учитывать традиционный образ жизни, среду обитания, особенности материальной и духовной культуры народа. В этой связи следует учитывать тот факт, что семья и род для калмыков являются большой ценностью. В суровых условиях бескрайней степи только сообща можно было выжить. Вот почему для калмыка-степняка до сих пор важны кровно-родственные связи. Приведем пример из пословицы, подтверждающий этот тезис: *һаңцхн модн — модн болдг уга; һаңцхн кун — кун болдг уга* 'совершенно одинокое дерево не считается деревом; одинокий человек не считается человеком'.

В романе-хронике «Мудрешкин сын» А. М. Амур-Санана ясно показано значение для степняков семьи, рода: «Хорошо жилось калмыку, который принадлежал к богатому и многочисленному роду. Он знатен, родовит и славен. Весь род ему родня, с ним в дружбе. И все оказывают ему помощь. Но горе горькое безродному *оруда!* (букв. перевод: 'вошедший', т. е. 'чужой'). Оруда можно обидеть, оскорбить, побить. Если нельзя, по соображениям родовой чести или по каким-либо другим важным причинам, огласить грех или преступление единокровного родича, то можно и должно взвалить на оруда. *Эврэ ясн халун!* 'Своя кость горяча!'

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Коммуникативное поведение калмыков в условиях межкультурного общения» (№ 12-34-01020).

— говорят калмыки, за неё можно и должно заступиться» [Амур-Санан 1979: 17].

Что касается субэтнической принадлежности, то данная категория причудливым образом проявляет себя в сохранении родовой принадлежности. Для современных калмыков по-прежнему важно относить себя к определенной этнической группе. Это позволяет сделать вывод о том, что для калмыка и в наши дни важно идентифицировать себя не только как представителя калмыцкого этноса, но и как представителя определенной этнической группы. В связи с чем особая теплота, сердечность характерны для коммуникативного поведения калмыков по отношению к родственникам, в то время как относительно посторонних такие теплые чувства не демонстрируются. Так, объятия, поцелуи в ситуации «встреча», «прощание» калмыки проявляют по отношению к родственникам. Относительно посторонних калмыки ведут себя сдержанно. Правда, в наши дни некоторые представители калмыцкой молодежи под влиянием западной культуры могут использовать знаки «поцелуй», «объятия» по отношению к друзьям, т. е. людям, не входящим в родственный круг.

Вместе с тем, следует отметить важность социальной иерархии в калмыцком социуме: приоритет старшего над младшим, почитание и уважение старших. Так, например, во время больших праздников и торжеств за столом люди рассаживаются по старшинству (почетное, главное место отводится старшим по возрасту/положению или гостю); чай подают сначала старшим, а потом — всем остальным; первое слово также предоставляется старшим. Это связано с тем, что отношения в традиционной калмыцкой семье были достаточно жестко регламентированы, у каждого члена семьи было свое место в семейной иерархии. Примером, подтверждающим изложенный тезис, может служить калмыцкая пословица: *өвгдиг оньдинд күндл, бичкүдиг оньдинд хээрл* 'стариков надо всегда уважать, а детей жалеть и любить'. Представленные материалы дают возможность говорить о том, что социальный фактор определяет коммуникативное поведение членов калмыцкого лингвокультурного сообщества.

Калмыки говорят: *даарснд хал тул, өлсснд хот ке* 'продрогшему зажги огонь, проголодавшемуся приготовь еду'. Данное правило демонстрирует такие черты наци-

онального характера калмыков, как гостеприимство, открытость, взаимовыручка. Перечисленные особенности национального характера и менталитета калмыков еще в XVIII в. отметил и описал в своей книге «Путешествие по разным провинциям Российской Империи» П. С. Паллас. Как он пишет, «вообще товарищество, приятельство, откровенность, услужливость и веселое свойство можно назвать хорошими их свойствами. Хотя они с природы угрюмы, живут между собой в согласии. Они между собой обходительны и ласковы. Они всем делятся, и никто про себя не бережет из пищи. Если курят табак, едят или пьют, то все бывают участниками, например, осталась одна трубка табака, то дает один другому курить. Если подарят одному из них табаку, плодов или других съестных вещей, то уделяет он своим приятелям, да и всем около стоящим. Если какая семья накопила столь молока, что можно сделать из него вино, то созывает соседей и вместе с ними распивает» [Паллас 1773: 459].

Для понимания особенностей коммуникативного поведения калмыцкого народа большое значение имеет оценка носителей иной культуры. В этой связи привлекают внимание заметки Н. В. Гоголя: «В религии калмыков таятся слишком замечательные начала, говорящие много о внутренней силе этого беспечного народа. Нравом калмык гостеприимен и поделчив. В обращении ровен и с богатым, и с бедным. Бедный может зайти в любую кибитку и подсесть к хозяйскому котлу, ему поднесут чашку наравне с другими. Если калмык получил что-нибудь в подарок: деньги, пищу, табак, тотчас разделится поровну с товарищами, которые тут найдутся. Калмык способен верить чудесному и охотник до сказок. Иногда дня по три сряду слушает предания о подвигах сказочных героев, которых очень любит» [Гоголь 2009: 25].

Следовательно, в общении калмыки ведут себя как коллективисты, учитывая интересы других членов общества, руководствуются не индивидуальными приоритетами, ценностями, а общими, групповыми, родственными, дружескими.

В то же время немалую роль в коммуникативном поведении калмыков играет религиозный фактор, основополагающим принципом которого является ненасилие, продиктованное заботой о других живых существах. Терпимость, толерантность, со-

страдание воспитывалось у калмыков под влиянием буддийского мировоззрения. Этими принципами руководствуются калмыки и в процессе общения, т. к. буддист — это человек, руководствующийся в своем поведении религиозными принципами, под влиянием которых выстраивает свою линию поведения в обществе.

Влияние буддизма прослеживается в отношении калмыков к ценности жизни, пренебрежении смертью, что сформировало бесстрашное и отважное поведение калмыков-воинов. Еще в XVII в. известный турецкий путешественник Эвлия Челеби писал: «Все они (калмыки) отважный народ богатырей. Большинство из них (калмыков) совершенно не боятся смерти, так как являются приверженцами вероучения, утверждающего, что причина смерти — перевоплощение. “Если я умру, дух мой перейдет в какое-нибудь другое существо, пребывающее в чреве некоей женщины, или же душа моя войдет в чрево моей дочери, и я снова приду в мир”, — так рассуждают они, а потому, не страшась смерти, один за другим бросаются в битву, погибают в битве и схватке храбрцами» [Челеби].

Религиозный фактор повлиял на формирование некоторых национальных черт коммуникативного поведения калмыков в самые важные этапы жизненного цикла (рождение, свадьба, смерть). Как считают ученые, наибольшему религиозному влиянию подвергся похоронно-поминальный цикл, так как его основная цель состоит в обеспечении благополучного перерождения души усопшего [Бакаева 1994: 100]. С похоронами связано много табуированных правил поведения: нельзя отдавать из дома какие-либо вещи в течение 49 дней (так как в это время душа умершего, *сүмсн*, находится в состоянии *бардо*); нельзя громко разговаривать; нельзя вспоминать со слезами покойного (калмыки верят, что таким образом родственники и близкие закрывают дорогу ушедшему, создавая различные водные препятствия на пути его души). В проявлениях горя калмыки отличаются особой сдержанностью, по сравнению, например, с русскими, в фольклоре которых существуют целые группы текстов, посвященные оплакиванию (похоронные, свадебные и т. д.) и выражению скорби.

Буддийское мировоззрение, буддийская философия ненасилия, добра и мира отра-

жаются не только в национально-культурных чертах поведения калмыков, но и в их речевом поведении. Так, буддизм выделяет четыре «черных дела», совершаемых через язык: это ложь, злословие, брань и пустословие. Поэтому речь калмыка отличается особой сдержанностью и немногословностью. Это зафиксировано в паремии: *келхэн тоол, идхэн жажл* ‘думай, что говоришь, пережуй, что ешь’; *хөвд үнн уга, хуулд сэн уга* ‘в клевете нет правды, во лжи нет добра’; *ол келхлэ ульг, цө келхлэ билг* ‘много говорить — нет толку, мало говорить — мудро’. Кроме того, в качестве примера могут служить заметки Эвлия Челеби: «У них (у калмыков) никто не злословит, не хулит другого, не совершает мелочных или бессмысленных поступков, не проявляет подозрительности, высокомерия, злобы, вражды. У них есть прекрасное качество: они никогда не лгут. И даже не знают, что такое ложь. Не знают также, что такое прелюбодеяние, притворство и обман» [Челеби].

Необходимо отметить, что коммуникативное поведение калмыков определялось буддийскими догмами. По законам кармы, все в мире взаимосвязано, все подчинено причинно-следственной связи: злое слово, сказанное человеком, может материально реализоваться и нанести вред самому отправителю. В целом, речевое поведение калмыков определяется стремлением к сдержанности, позитивности, так как калмыки считают, что речь человека должна быть положительной, не нести зла, оскорбления и порицания. Калмыки верят в силу слова: все сказанное обязательно сбудется; поэтому традиционные буддисты-калмыки очень внимательны к своим словам.

Изложенные данные позволяют сделать следующий вывод: социальный (особая роль семьи, рода, субэтнической группы; иерархические отношения по вертикали: старший-младший, мужчина-женщина) и религиозный (буддийская нравственность, буддийская философия и мировоззрение) факторы оказали существенное влияние на национально-культурную специфику коммуникативного поведения представителей калмыцкого социума. Почитание семьи, уважение к старшим, толерантность, терпимость, сдержанность, спокойствие свойственны калмыкам, именно эти черты характера определяют коммуникативное поведение народа.

Литература

- Амур-Санан А. М.* Мудрешкин сын: Роман-хроника, повести. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1987. 367 с.
- Артаев С. Н.* Калмыцкий речевой этикет. Автореф. дис. ... канд. фил. наук. М., 2001. 25 с.
- Бакаева Э. П.* Буддизм в Калмыкии. Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1994. 128 с.
- Гоголь Н. В.* Калмыки // «И друг степей калмык...». Калмыцкая тема в художественной литературе. Элиста: изд-во КалмГУ, 2009. С. 21–27.
- Джушихина К. А.* Роль национально-культурного фактора в речевом поведении билингва (на примере Калмыкии) // Материальные и духовные основы калмыцкой государственности в составе России. Элиста: КалмГУ, 2002. Ч. 1. С. 53–58.
- Есенова Т. С.* Русский язык в Калмыкии. Элиста: Калм. гос. ун-т. 2003. 208 с.
- Манджиева Э. Б.* Формульные выражения традиционного этикета в русской и калмыцкой лингвокультурах. Автореф. дис. ... канд. фил. наук. Волгоград, 2009. 19 с.
- Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи: В 3 ч: часть 1. СПб.: Император. Акад. наук, 1773. 117 с.
- Стернин И. А., Ларина Т. В., Стернина М. А.* Очерк английского коммуникативного поведения. Воронеж: изд-во «Истоки», 2003.
- Стернин И. А.* Коммуникативное и когнитивное сознание // С любовью к языку. Москва; Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2002. С. 44–51.
- Челеби Эвлия.* Книга путешествия. Вып. 2: Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья [электронный ресурс] // URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus10/Celebi5/text6.phtml?id=7008> (дата обращения: 30.09.2013).

УДК 81`27
ББК 81.1(2Рос=Калм)

«И ДРУГ СТЕПЕЙ КАЛМЫК» КАК ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ФЕНОМЕН В ОБЩЕРОССИЙСКОМ И КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ*

Н. А. Кичикова, Г. М. Ярмаркина

В современной массовой коммуникации можно наблюдать активное обращение к многообразным способам использования прецедентности. Термин «прецедентный текст» был введен в научный обиход Ю. Н. Карауловым, им было дано настолько широкое определение указанных текстов, что в число этих феноменов оказалось возможным включить самые разнообразные единицы — лексемы, фразеологизмы, предложения, а также невербальные единицы [Караулов 1987]. Прецедентные тексты определены им как тексты, «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов 1987: 216]. В качестве синонимов к данному термину выступают термины «прецедентный феномен» (далее — ПФ), «прецедентное имя», «прецедентное высказывание» (далее — ПВ). Под термином «прецедентное высказывание» понимается «репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности, законченная и самодостаточная единица, которая может быть и не быть предикативной» [Прохоров 2004: 150].

Одним из прецедентных высказываний языкового сознания, на наш взгляд, является общеизвестное крылатое выражение «... и друг степей калмык» из стихотворения А. С. Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...». Данное прецедентное высказывание является фразой-символом разнообразия народов, населяющих Россию.

В стихотворении «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», которое также является прецедентным в русском языковом сознании, поэт говорит о себе не только как

о национальном русском поэте, оставившем след в памяти народной. Он уверен, что к его памятнику «не зарастет народная тропа». Поэт как бы очерчивает географические границы своей славы, предсказывая, что его поэзия станет достоянием всех народов России и будет способствовать сближению народов и их культурному росту и диалогу:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.

Почему «другом степей» Пушкин назвал именно калмыка? На этот вопрос можно ответить, обратившись к исторической справке. Калмыки — народ с богатой историей. Прикочевав в Южную Россию, они освоили огромное степное пространство, крайне скудно заселенное. Сухая и безводная степь стала местом выпаса рогатого скота, верблюдов, лошадей и многочисленного поголовья овец. Калмыки разработали свою оригинальную систему использования обширных степных пастбищ. Многие исследователи считают, что такие национально-психологические особенности калмыков, как выносливость, неприхотливость, настойчивость, старательность, умение довольствоваться малым обеспечивали успешность жизни калмыков в достаточно трудных природно-климатических условиях [Крысько 1999].

Известно, что и сам поэт знал о реалиях жизни калмыков и мог составить представление о главных качествах степного народа во время поездки по югу России (см. известный эпизод из пушкинского «Путешествия в Арзрум»). В связи с этим, а также с учетом доминанты художественного стиля — эстетической значимости каждого элемента речи — можно говорить о фактологической

* Исследование выполнено в рамках госзадания Министерства образования и науки Российской Федерации «Лингвокультурное пространство Калмыкии: прецедентные феномены и имена» (№805).

основе образного прецедентного высказывания «и друг степей калмык».

Материалом для настоящего исследования прецедентного высказывания послужили более 50 контекстов употребления цитаты «и друг степей калмык», представленных на различных сайтах, в том числе в Интернет-архивах общенациональных российских газет.

Анализируемое высказывание следует отнести к национально прецедентным феноменам, т. е. известным большинству носителей национального языка. На прецедентность высказывания указывает частое использование сочетания в наиболее сильных позициях текста — заголовках: «Друг степей из страны Бумбы» [Дьякова 2002], «И внук славян, и друг степей калмык» [Смирнов 2013] и др.

Вследствие хрестоматийности и общеизвестности прецедентного текста «Я памятник воздвиг себе нерукотворный» цитата из этого стихотворения — прецедентное высказывание «и друг степей калмык» — «перешагивает рамки словесного творчества и воплощается в других видах искусств» [Караулов 1987: 217], например: в музыкально-хореографическом спектакле «Друг степей — калмык», рассказывающем о жизни и судьбе калмыцкого народа, фотогалерее с тем же названием, скульптуре и т. д. (см. фото на: <http://forums-su.com>).

Еще одним свидетельством прецедентности данного выражения является использование его в сканвордах и кроссвордах, например: пушкинский «друг степей», друг степей.

Любопытный материал демонстрируют социальные сети: бизнесблог «И друг степей калмык...» (<http://marchenko26.livejournal.com/33391.html>), дневник «Друг степей калмык» (<http://www.liveinternet.ru/users/1812664/>), форум «Тунгус, и друг степей калмык» (<http://turbina.ru/guide/Elista/Rossiya-86847/Foto/Tungus-i-drug-stepey-kalmyk-56649/>), конференция «И друг степей калмык» (<http://www.bmwclub.ru/vb/archive/index.php/t-19824.html>). На различных форумах, в блогах пользователей сети Интернет, объединенных одной общей темой, гости и жители Калмыкии обмениваются информацией о Калмыкии, традициях и обычаях калмыков, делятся впечатлениями о пребывании в степной столице.

Одним из приемов актуализации ПФ «и друг степей калмык» является трансформация устойчивого сочетания, например, это

может быть обыгрывание фразеологизма, выступающего в качестве заглавия: **И друг степей... еврей?:** *Сегодня на Дону проживает не в пример больше евреев, но сальские степи, сравнительно с другими территориями Ростовской области, по-прежнему «черная дыра» для сограждан этой национальности* [Соловьев 2008]. В данном случае мы наблюдаем лексическую трансформацию — замену одного компонента, сопровождаемую эффектом аллюзии.

Прецедентное высказывание может стать составной частью вопросительного предложения (синтаксическая трансформация): Кого выберет друг степей калмык? Где он — «друг степей калмык»? [Балдано 2004]; повествовательного предложения: Как друг степей калмык в Россию шел [Буккер 2011].

Использование явления прецедентности актуализирует определенные языковые средства, которые на фоне контекста воспринимаются как необычные и привлекают к себе внимание. Прием актуализации прецедентного феномена связан с усилением смысловой и стилистической нагрузки текста. Заметим, что «при функционировании ПФ в контекстах отмечаются различные соотношения их семантики, структуры и контекста, обусловленные характером структурных и семантических изменений или влияний ПФ на контекст» [Тюрина 2006: 83]. В связи с этим в контекстах, в основе которых лежит ПФ «и друг степей калмык», важно разграничивать денотативное (в первичном значении) и коннотативное (в метафорическом значении) использование прецедентного текста.

Рассмотрим типы дифференциальных признаков, которые акцентированы при метафорическом использовании высказывания «и друг степей калмык» в текстах массовой коммуникации. В нашем материале можно выделить 6 дифференциальных признаков.

1. Многонациональный народ, проживающий в пределах Российской Федерации.

Такое значение прецедентное высказывание передает как в тексте статьи, так и в случае его использования в функции заголовка публицистического текста. При этом авторы статей демонстрируют предпочтение более полного контекста прецедентного высказывания: «И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой // Тунгус, и друг степей калмык».

Так, в примере *Вспомнит ли о нем гордый сын славян, ныне дикий тунгус или сын степей калмык?* [Киселев 2013] мы наблюдаем почти дословное использование развернутого прецедентного высказывания. Трансформация «друг степей» — «сын степей» воспринимается двояко: как результат осознанного (но при этом неудачного) отказа от дословного цитирования источника прецедентности и как нарушение точности речи. На наш взгляд, замена компонента прецедентного высказывания в приведенном примере не оказывает дополнительного воздействия на адресата, не способствует выразительности, более того, такая трансформация приводит к тавтологии: «сын славян» и «сын степей».

Цитирование развернутого прецедентного высказывания в рассматриваемом значении находим и в следующем контексте: *Что же заставило этого почтенного, знаменитого, богатого, европейски образованного человека произнести слова, от которых смущенно зарделась бы «и финн, и ныне дикий тунгус, и друг степей — калмык»?* [Довлатов 2013].

Широкий контекст прецедентного высказывания в текстах массовой коммуникации, почти дословно совпадающий с источником прецедентности, на наш взгляд, можно считать особенностью в выражении смысла «многонациональный народ, проживающий в пределах Российской Федерации», поскольку именно перечисление представителей разных национальностей выражает значение множества.

Заголовки публицистических текстов на основе рассматриваемого прецедентного высказывания получают значение «множество и разнообразие народов России» не только при помощи расширения контекста прецедентности, но и при помощи содержания текста: *Учет национальности был, похоже, камнем преткновения переписи–2010. Не каждый соглашался указать, какого он рода-племени* [Смирнов 2013]. Два известных компонента в заголовке из трех компонентов источника способны передать идею многонациональности, которая поддерживается содержательной частью публицистического текста: «какого он рода-племени».

Приведенный пример можно считать переходным от широкого контекста к более узкому, представляющему собой ПВ «и друг степей калмык». В подавляющем большинстве случаев в качестве заголовка ис-

пользуется именно это ПВ (трансформация при этом не исключается): Ср.: *Наша общая родина — многонациональная, и каждая нация представляет собой великую ценность. Однако, к глубокому сожалению, нынче не принято вообще говорить и рассказывать о многочисленных народностях России, об их достойных представителях в труде и культуре* [Балдано 2004]; ...*Но в то же время здесь проживают представители 44 национальностей. ... Люди в районе не делят друг друга по национальным признакам, живут и трудятся бок о бок, общаясь и помогая* [Бредихина 2013]. В этом случае, как видно из примеров, значение множества народов и национальностей, не сразу осязаемое в заголовке, уточняется и усиливается в тексте статьи.

Опора на текст публицистического произведения позволяет выделить в прецедентных высказываниях-заголовках ещё несколько смыслов.

2. Относительно малочисленные, в прошлом занимавшиеся кочевым скотоводством народности, проживающие на территории Российской Федерации: *Президент России Дмитрий Медведев утвердил поправки в закон «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации», которые дают кочевым малочисленным народам возможность регистрироваться без конкретного адреса, сообщает пресс-служба Кремля* [Елкин 2011]. Прецедентное высказывание в сочетании с приведенным фрагментом статьи создает семантическое единство, позволяющее сделать акцент на элементе «кочевой». Трансформацию прецедентного высказывания — дополнительный компонент, отсутствующий в источнике: «и тундровые ненцы» — в этом случае можно считать оправданным приемом, способствующим передаче значения «кочевой народ». Тундровые ненцы, в отличие от калмыков, до сих пор сохраняют кочевой образ жизни. Калмыки же, хотя и перешли к оседлости, в коллективном сознании позиционируются именно как кочевой народ.

3. Калмыцкий народ, представитель калмыцкого этноса. Этот смысл ПФ представлен наибольшим количеством примеров. Ср.: *22 декабря 1661 года племена калмыков приняли русское подданство. Эта далекая дата, ныне юбилейная, скорее, дала начало достаточно длительному*

и сложному, а подчас и противоречивому процессу. Присоединение к России не было единовременным событием, как, например, крещение Руси. **Калмыки** далеко не сразу и не всем народом стали подданными русской короны [Буккер 2011]; Если ваш коллега — **калмык**: вам повезло и не повезло одновременно [Дьякова 2002]; История нашего народа имеет две части: 400 лет жизни вместе с Россией и азиатский период. **Калмыки** — это западные монголы, наши предки ойраты вошли в состав империи Чингис-хана, а после распада ее — образовали в Центральной Азии Джунгарское ханство [И друг степей, калмык 2006]; **Калмыки** — потомки Чингисхана, приведшего монголов на эти земли — сохранили традиции своих предков. Как и в Монголии, здесь никогда не оставят путника без помощи. В землях, где одна юрта может отстоять от другой на сотни километров, люди выживают только потому, что помогают друг другу [...и друг степей калмык 2009]; Мой любезный сосед по подъезду Владимир Иванович Какугинов происхождением **калмык**. ... Словом, интересный человек Владимир Иванович Какугинов с русским именем, отчеством и крепкими калмыцкими корнями [Госданкер 2005].

В приведенных контекстах мы наблюдаем использование выражения в денотативном значении. Высказывание и друг степей калмык имеет синонимичное значение — калмык. Подтверждением этому является словарная статья: «Калмыки — монгольская народность, кочующая в пределах СССР, основное население Калмыцкой автономной области. Друг степей — калмык. Пушкин» [Толковый словарь русского языка, I 2000: 1294].

Среди ПФ-заголовков, реализующих данный смысл, обращают на себя внимание те, которые осложняются стилистическими наслоениями (Как «друг степей калмык» в Россию шел) и дополнительными источниками прецедентности (Друг степей из страны Бумбы). Кроме того, необходимо отметить усиление выразительности ПФ-заголовка средствами пунктуации: запятая, многоточие функционально дополняют знакомый текст, изменяют его восприятие и соответствуют тональности повествования, избранной авторами статей.

4. Выходец из Калмыкии, официальный представитель республики:

Псковская политическая общественность взбудоражена слухами о появлении в

*регионе нового имени. Свой взор в сторону псковских лесов, болот и озер обратил **представитель калмыцких степей** в Совете Федерации некто Игорь Провкин [Голубев 2004].* Метонимическое употребление прецедентного высказывания, наблюдаемое в данном контексте, осложнено оттенком иронии.

Такой оттенок характерен и для следующей группы контекстов, реализующих в СМИ фрейм «Друг степей калмык — Кирсан Илюмжинов».

5. Кирсан Илюмжинов, глава Республики Калмыкия с 2005 по 2010 гг., Президент Международной шахматной федерации (ФИДЕ): *Любитель шахмат, хранитель мощей основателя буддизма Будды Шакьямуни, друг Кадаафи, человек и астероид Кирсан Илюмжинов — один из самых ярких персонажей современной политической арены [Yes Радуга 2011; Правда о России 2011]; Вполне нормально, никаких страшных тайн и, естественно, никакой политики. Политику делают дипломаты, а Кирсан Николаевич уже год как частное лицо, общественный и спортивный деятель [Дорога без конца 2011].*

Ирония в данных контекстах подчеркивает негативное отношение к персонажу соответствующей ситуации.

6. Представитель национальных меньшинств: *За присвоение звания «Почетный гражданин Владивостока» Илье Лагутенко выступают даже неместные политики. Так, депутат госсовета республики Коми Юрий Сарычев заявил, что представление Ильи Лагутенко к званию «Почетный гражданин» он воспринимает как вполне адекватный и свежий шаг [И друг степей калмык? 2011].*

Контекст ясно показывает, что высказывание в вопросительной форме употреблено в метафорическом значении: «И друг степей калмык? — депутат госсовета республики Коми». Однако, на наш взгляд, использование прецедентного текста «И друг степей калмык?» в качестве заголовка в рассматриваемом примере можно считать коммуникативной неудачей. Неуместное и нецелесообразное расширение смысла прецедентного высказывания создает впечатление, что автор статьи не различает Республику Коми и Калмыкию. Не совсем понятна и вопросительная форма заголовка, поскольку после прочтения статьи связь заголовка с основным текстом так и не проясняется. По всей вероятности, прецедентность заголовка не-

обходима автору статьи только для привлечения внимания адресата.

Таким образом, прецедентный феномен «и друг степей калмык» в СМИ выполняет, как правило, функцию заголовка и в зависимости от влияния контекста выражает различные смыслы и является одним из средств воздействия на адресата текстов массовой коммуникации.

Можно предположить, что использование в текстах современных СМИ прецедентного феномена «и друг степей калмык» далеко не случайно. Авторы текстов массовой коммуникации уверены в том, что стихотворение А. С. Пушкина хорошо знакомо современному читателю и, соответственно, будет правильно воспринято. Рассмотренный материал показал, что данное ПВ в общероссийском масштабе употребляется чаще в метафорическом значении — в языковом сознании калмыков, напротив, выступает в денотативном значении и связано с особенностями национальной культуры, с традициями и ментальностью калмыцкого народа, так как калмыки с особым чувством относятся к Пушкину и его поэзии.

Источники и литература

- Балдано С.* Где он — «друг степей» калмык? [электронный ресурс] // URL: <http://test.trud.ru/article/10-11-2004/> (дата обращения: 16.08.2013).
- Бредихина З.* ...и друг степей калмык [электронный ресурс] // URL: <http://www.km.ru/glavnoe/2006/02/14/arkhiv/> (дата обращения: 16.08.2013).
- Бужкер И.* Как «друг степей калмык» в Россию шел // Око планеты. 2011.22.12 [электронный ресурс] // URL: <http://oko-planet.su/spravka/spravkamir/> (дата обращения: 16.08.2013).
- Голубев А.* «И друг степей калмык...» // Лента новостей. 2004.17.06 [электронный ресурс] // URL: <http://pln-pskov.ru/news/15732.html/> (дата обращения: 16.08.2013).
- Госданкер В.* «И друг степей калмык...» / Ставропольская правда. 2005.15.07. [электронный ресурс] // URL: <http://www.stpravda.ru/projects/history/people/115.shtml/> (дата обращения: 16.08.2013).
- Довлатов С. Д.* Чернеет парус одинокий // Блеск и нищета русской литературы. СПб.: Азбука-классика, 2010. С. 129–133 [электронный ресурс] // URL: <http://vikent.ru/enc/2432> (дата обращения: 16.08.2013).
- Дорога без конца.* 2011.12.06 [электронный ресурс] // URL: <http://putnik1.livejournal.com/1195916.html> (дата обращения: 16.08.2013).
- Дьякова И.* Друг степей из страны Бумбы / Труд. № 7 от 18.11.2002.
- Елкин С.* И тундровые ненцы, и друг степей калмык... [электронный ресурс] // URL: <http://gia.ru/caricature/2011.12.08/> (дата обращения: 16.08.2013).
- И друг степей калмык / Петербургский дневник.* 2006.21.10 [электронный ресурс] // URL: <http://www.spbdnevnik.ru/news> (дата обращения: 16.08.2013).
- И друг степей калмык? // МК во Владивостоке.* № 702, 2011.14.04 [электронный ресурс] // URL: http://vladnews.ru/mk/702/V_gubernskom_gorode_V_i_ego_okrestnostyah/I_drug_stepey_kalmik (дата обращения: 16.08.2013).
- ...и друг степей калмык // Тревелог.* 2009.04.09 [электронный ресурс] // URL: http://sorokdva.ru/blog/i_drug_stepej_kalmyk/2009-09-04-26/ (дата обращения: 16.08.2013).
- Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 264 с.
- Киселев К.* Путину не нужен третий срок. Ему нужна мумия — итоги опроса, мнение эксперта [электронный ресурс] // URL: <http://www.nr2.ru/moskow/71376.html> (дата обращения: 16.08.2013).
- Крысько В. Г.* Этнопсихологический словарь. М.: МПСИ, 1999. 343 с. [электронный ресурс] // URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/1067/word/kalmyki> (дата обращения: 16.08.2013).
- Правда о России,* 2011.16.06. [электронный ресурс] // URL: <http://subscribe.ru/group/pravda-o-rossii/576635/> (дата обращения: 16.08.2013).
- Прохоров Ю. Е.* Действительность. Текст. Дискурс: учебное пособие. М.: Флинта, 2004. 204 с.
- Смирнов С.* И внук славян, и друг степей калмык // Нижегородская правда. № 5 от 19.01.2013 [электронный ресурс] // URL: <http://www.pravda-nn.ru/archive/2013-01-19/> (дата обращения: 16.08.2013).
- Соловьев С.* И друг степей... еврей? // Школа жизни. ру. 16.04.2008 [электронный ресурс] // URL: <http://shkolazhizni.ru/archive/0/n-14252/> (дата обращения: 16.08.2013).
- Толковый словарь русского языка.* Т. I. Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: ООО «Изд-во Астрель», ООО «Изд-во АСТ», 2000. 848 с.
- Тюрина А. А.* Проблема классификации прецедентных феноменов // Вестник ЮУрГУ. 2006. № 8 (63). С. 82–84.
- Yes* Радуга: Друг степей калмык, 01.12.2011 [электронный ресурс] // URL: <http://www.onlineisrael.ru/?p=5469> (дата обращения: 16.08.2013).

УДК 398.22
ББК 83.3 (2Рос=Калм)

**МАЛЫЕ ЖАНРЫ ФОЛЬКЛОРА МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ
В ЗАПИСИ А. В. БУРДУКОВА
(к вопросу о публикации фольклорных текстов)**

Ц. Б. Селеева

В конце XIX в., по мере расширения имперской экспансии на восток, российское внимание к Центральной Азии, в частности, к Монголии, стало возрастать, и было положено начало переселению первых мигрантов в Монголию. В основном это были торговые люди, старообрядцы, а после революции 1921 г. — советские специалисты, составившие костяк русских старожилов в Монголии [Кузьмин 1997]. В их числе был Алексей Васильевич Бурдуков (1883–1943) — монголовед, преподаватель монгольского языка, общественный деятель, организатор первой советской школы в Монголии.

Еще мальчиком, будучи на службе у русского купца, он попал в Монголию и за время своего долговременного проживания прекрасно освоил язык, проникся живым интересом к традиционной культуре и литературе монголов. Будучи в Монголии, А. В. Бурдуков поддерживал связи со многими крупными учеными-монголоведами из России, оказывал им всемерную поддержку, делился опытом и знаниями. Известно, что он длительное время состоял в тесной переписке с профессором В. Л. Котвичем, по рекомендации которого стал собирать образцы фольклора монгольских народов и редкие рукописи.

Результатом целенаправленной работы А. В. Бурдукова стала коллекция уникальных предметов монгольского быта, рукописей, ксилографов, карт, образцов лингвистического и этнографического материала, а также собранная им большая библиотека монгольских сочинений и трудов о монголах. Особую научную ценность представляют написанные и опубликованные им заметки и статьи этнографического характера, словари, записи образцов устного народного творчества монгольских народов [Бурдуков 1910; 1916; 1932; 1935; 1936; 1969].

Хранительницей этого бесценного наследия и продолжательницей дела А. В. Бурдукова в области изучения монгольской культуры, языка и фольклора была его дочь Таисия Алексеевна Бурдукова, доцент Ленинградского университета. В 1990-х гг. часть материалов архивного фонда А. В. Бурдукова была ею передана в научный архив Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН.

Примечательно, что в вышеуказанный «Личный фонд А. В. Бурдукова и Т. А. Бурдуковой» [НА КИГИ РАН. Ф. 21. II экз. Оп. 1] наряду с монгольскими вошли и калмыцкие материалы. Как известно, вернувшись в Россию, А. В. Бурдуков продолжил фольклорно-этнографическое изучение монгольских народов — в период с 1929 по 1939 гг. он неоднократно бывал в экспедициях в различных районах проживания калмыков с целью изучения их хозяйства и быта, а также записи произведений устного народного творчества.

В одной из таких экспедиций, организованной Институтом востоковедения АН СССР в Калмыкию в 1937 г., А. В. Бурдуковым и его коллегами было записано большое количество калмыцких народных песен [НА КИГИ РАН. Ф. 21. II экз. Оп. 1. Д. 144]. Во время очередной поездки к калмыкам, летом 1939 г., А. В. Бурдукову удалось осуществить уникальные записи четырех песен и пролога калмыцкого героического эпоса «Джангар» от известного джангарчи Давы Шавалиева [НА КИГИ РАН. Ф. 21. II экз. Оп. 1. Д. 6]. Среди архивных материалов встречаются также две его статьи, посвященные творчеству ойратских и калмыцких сказителей [НА КИГИ РАН. Ф. 21. II экз. Оп. 1. Д. 56] и изучению халха-монгольского эпоса [НА КИГИ РАН. Ф. 21. II экз. Оп. 1. Д. 71], рабочие материалы к ним и

фотография знаменитого ойратского сказителя Парчена [НА КИГИ РАН. Ф. 21. II экз. Оп. 1. Д. 169], которые свидетельствуют об особом интересе А. В. Бурдукова к эпосу монгольских народов.

В настоящей статье рассматриваются материалы в записи А. В. Бурдукова, относящиеся к малым жанрам фольклора монголоязычных народов. Исследователем был собран обширный материал, включающий 15 тетрадей/блокнотов с текстами пословиц, поговорок и загадок монгольских народов [НА КИГИ РАН. Ф. 21. II экз. Оп. 1. Д. 3].

На форзаце одного из блокнотов имеется надпись, содержащая подробную информацию о количественном составе образцов, источниках, этнической принадлежности и времени их записи: «С. К. сарт-калмыцкие пословицы — 121 шт. зап. 1929 г. А. Б.; байтов послов. зап. А. Б. — 21 шт. ж. Жив. Ст. вып. III. 1910 г.; А. Б. мною собр. воспоминания — 200 шт.; М.Х. Монг. хрест. — 45 шт.; А. Б. доп. мною. соб. — 95 шт.; В. К. собр. Котвичем — 312 шт.; С. К. сарт-калм. — 3 шт.; О. Т. Оюн түлкүр — 5 шт.; А. Т. Алтан-Тобчи; Х. Х. монг. загадки из былины Хан-Харангуй; Н. Б. Бадмаев калм.-рус. букварь — 81 шт.; М. С. Монгольский сборник — 530 шт.; О. М. Ордосский — 316 шт.; Н. Н. Поппе. Бурят. и монг. фольклор и диалекты, агинских и баргузинских эхиритов — 142 шт.» [НА КИГИ РАН. Ф. 21. II экз. Оп. 1. Д. 3. Серый блокнот].

Данный перечень представляет собой список источников образцов текстов, собранных и подготовленных ученым к изданию. Часть из них (437 ед.) составляют материалы, записанные А. В. Бурдуковым во время его поездок по Монголии и к каракольским калмыкам. Это пословицы байтов (21 ед.), опубликованные в журнале «Живая старина» [1910: 254–259], 295 паремий, не имеющих указания на этническую принадлежность и отмеченных автором как «собранные воспоминания» и «дополнительно собранные» (скорее всего, они относятся к монгольскому списку), а также 124 образца пословиц, записанных у сарт-калмыков в 1929 г. Другая часть корпуса текстов представляет собой материалы из опубликованных монгольских источников, это «Монгольская хрестоматия» (45 ед.), «Оюн түлкүр» (5 ед.), «Монгольский сборник» (530 ед.), «Ордосские пословицы» (316 ед.), собрание Н. Н. Поппе (142 ед.). К монголь-

скому списку следует отнести пословицы, извлеченные из древней монгольской летописи «Алтан-тобчи», и загадки — из монгольской былины «Хан-Харангуй»; количественный состав образцов, выбранных из обоих источников, составителем не обозначен.

В рукопись А. В. Бурдукова включены и калмыцкие источники: сборник афористической поэзии В. Л. Котвича [Котвич 1905] и калмыцко-русский букварь Н. Бадмаева [Калмыцко-русский букварь 1910]. Выбор первого источника, по всей вероятности, обусловлен тем, что сборник В. Л. Котвича носил характер научного издания, в котором образцы текстов паремий были сопровождены параллельным переводом на русский язык, осуществленным автором, снабжены научным аппаратом с указанием многочисленных вариантов образцов и их источников. Что касается качества перевода, то, по мнению А. Ш. Кичикова, при всех своих научно-художественных достоинствах, он во многом носит дословный, а не смысловой характер, и не всегда раскрывает точный смысл афоризмов [Кичиков 1972: 5–6]. В сборник вошло 310 образцов загадок и 312 пословиц, собранных В. Л. Котвичем у калмыков в 1896 г. Большая часть пословиц (202 ед.) была записана зайсангом Малодербетовского улуса Дорджи Джабом Кутузовым, лектором Санкт-Петербургского университета, и затем в 1896 г. передана В. Л. Котвичу [Котвич 1972: 10]. В рукописи А. В. Бурдукова есть запись «312 шт., собранных Котвичем»; при этом не уточнен жанр паремий (загадки или пословицы). По всей вероятности, при формировании корпуса текстов А. В. Бурдуков ориентировался на собиранье пословиц, а не загадок. Если так, то из собрания Котвича в рукопись А. В. Бурдукова был включен только материал пословиц (312 ед.). Данный вывод косвенно подтверждается и тем, что из калмыцко-русского букваря Наймана Бадмаева, где представлены 81 пословица и 35 загадок, А. В. Бурдуков включил в свою рукопись только 81 ед. образцов паремий — очевидно, пословиц.

Что касается количественного состава всего корпуса текстов издания А. В. Бурдукова, то выявлено их явное несоответствие перечню. В конце списка составителем указано общее количество образцов — 1664 ед., но при нашем пересчете их количество составило 1871 ед.

Таким образом, на начальном этапе А. В. Бурдуковым была решена первостепенная задача и сформирован корпус текстов, состоящий из ранее опубликованных и его собственных материалов, который должен был лечь в основу фундаментального издания пословиц и поговорок монгольских народов.

На последующих этапах велась планомерная работа по подготовке труда к изданию. Подтверждением этого являются заметки, сделанные автором на отдельных листах формата А 4, вложенных в один из рабочих блокнотов. В них содержится информация об объеме планируемой работы, сроках ее сдачи и рабочем названии: «Монгольские пословицы и поговорки. Размер около 15 п. л. Срок сдачи 25 авг. 1939 г.» [НА КИГИ РАН. Ф. 21. II экз. Оп. 1. Д. 3]. В блокнотных записях, сделанных чуть ранее, встречаем несколько иное название — «Пословицы и поговорки монголов» (1938 г.). В обоих случаях в наименованиях не упомянуты загадки, несмотря на то, что в перечне они встречаются, вероятно, это обусловлено незначительным объемом материала загадок по сравнению с пословицами и поговорками.

Кроме того, составитель подробно расписал порядок распределения материала книги по частям и уточнил их объемы: «предисловие 12 л., исследование 3 л., комментарии 5 л., текст с переводом 5 л.1, примечания 12 л.» [НА КИГИ РАН. Ф. 21. II экз. Оп. 1. Д. 3]. А. В. Бурдуков предполагал, что в примечаниях «будут даны варианты пословиц, пояснения особенностей того или иного своеобразного выражения, понятия, слова и т. д.». Точно расписаны и предполагаемые сроки исполнения этапов работы. Так, подбор пословиц по темам планировалось закончить «к 1 мая 1938 г., непосредственно перевод пословиц и часть примечаний закончить к 1 сен. 1938 г., написание комментариев к 10. II. 1939 г., а исследование и предисловие к 25. VIII. 1939 г.» [НА КИГИ РАН. Ф. 21. II экз. Оп. 1. Д. 3].

Составителю паремиологического сборника предстояло разрешить еще одну важную проблему — выбор наиболее приемлемого подхода к систематизации материала. Научной и собирательной практике известно несколько типов классификации пословиц: алфавитная, заключающаяся в систематизации образцов в алфавитном порядке в зависимости от начальной буквы первого

слова; лексическая или энциклопедическая, подразумевающая распределение пословиц по опорным или ключевым словам; монографическая классификация, основанная на группировке пословиц по месту или по времени их собирания; генетическая, заключающаяся в систематизации материала по признакам происхождения, этническим и языковым; тематическая, классифицирующая пословичные изречения по темам высказывания, т. е. по их содержанию [Пермяков 1988: 11–12]. Каждый из приведенных типов классификации паремий в отдельности обладает рядом достоинств и недостатков. Основной и преобладающей в отечественной паремиологии остается тематическая классификация.

Впервые тематическая классификация материала в отечественной фольклористике была применена В. И. Далем в 60-х гг. XIX в. в его фундаментальном классическом издании «Пословицы русского народа» [Даль 1957]. Тексты были классифицированы по 180 тематическим рубрикам: «бог — вера», «счастье — удача», «горе — беда», «работа — праздность» и т. д. При систематизации материала паремий А. В. Бурдуков придерживался тематического принципа и опирался на опыт В. И. Даля, свидетельством чего являются встречающиеся в его архиве записи и выписки из работ В. И. Даля, касающиеся подбора и расположения пословиц.

Следует отметить, что одним из недостатков тематической классификации является некоторая субъективность, так как рубрикация паремий по тематическим группам носит произвольный характер. А. В. Бурдуковым была разработана собственная система распределения материала: I. Семья: а) отношение родителей к рождению детей; б) отношение родителей к воспитанию детей; в) советы о приемных и посторонних детях; г) об отношении родителей к детям и детей к родителям; д) отношение к молодежи; е) о хороших и плохих девушках; ж) о женитьбе и замужестве; з) о выборе жены; и) о положении женщины в семье; к) о положении мужчины в семье; л) мнение родителей о выданной замуж дочери; м) о семейных неполадках и возвращенках; II. Род и общество: а) родство и родственники; б) коллективизм; III. Право и власть: а) власть; б) право; в) правда; IV. Феодализм и феодалы; V. Верования и суеверия: а) судьба; б) вера и суеверия; в) неверие; г) счастье и несчастье; VI. Лам-

ство: а) ламы; VII. Экономика: а) экономика; б) труд; в) богатство; VIII. Дружба и гостеприимство: а) дружба; б) гостеприимство; IX. Старость и смерть: а) о смерти; б) о старости; X. Учение: а) о учении; XI. Этика» [НА КИГИ РАН. Ф. 21. II экз. Оп. 1. Д. 3. Описание: Блокнот серого цвета с надписью А. В. Бурдукова «Монгольские пословицы». 1938 г. 1 марта.]

Таким образом, система классификации и распределения пословичного материала, разработанная А. В. Бурдуковым, имеет двухуровневую структуру. На начальном этапе паремии распределены по одиннадцати крупным тематическим блокам: 1) семья, 2) род и общество, 3) право и власть, 4) феодализм и феодалы, 5) верования и суеверия, 6) ламство, 7) экономика, 8) дружба и гостеприимство, 9) старость и смерть, 10) учение, 11) этика. На втором этапе материал распределен внутри каждого тематического блока по рубрикам. Следует отметить, что тематические блоки не однородны по количеству внутритематических рубрик: тема «семья» имеет 12 рубрик, ряд тем имеют по одной рубрике — «учение» или «ламство», а некоторые не имеют их вообще — «феодализм и феодалы», «этика».

Необходимо отметить, что тема семейных отношений в паремиях монгольских народов оказалась преобладающей, так как «семья осуществляет важные репродуктивные и социальные функции, связанные с заключением брака, рождением и воспитанием детей, функционированием супружества и разрушением его» [Батмаев 2008: 3]. Не менее важны в традиционной культуре монголов, судя по составу паремий из коллекции А. В. Бурдукова, и родовые отношения.

Наряду с традиционной тематикой А. В. Бурдуков посчитал необходимым отразить историческую, социально-политическую и экономическую жизнь монгольского общества путем выделения специальных тематических рубрик — «право и власть», «феодализм и феодалы», «ламство», «экономика».

Проживая в Монголии, А. В. Бурдуков был непосредственным свидетелем бурных исторических событий начала XX в. и искренне переживал за судьбу монгольского народа, вступившего в борьбу за суверенный статус своего государства. «Как известно, Монголия более двухсот лет находилась под властью маньчжурских захватчиков, и народ изнывал под двойным гнетом мань-

чжуро-китайских поработителей и своих собственных феодалов» [Нацагдорж 1976: 87]. «На заре XX века монгольский феодализм, несмотря на его разложение под воздействием внешнего мира, еще больше приобретал теократический характер. В период теократической монархии позиция духовных феодалов, без того могущественная, еще больше укрепилась. Во главе государства встал представитель духовенства богдо-геген ламаистской церкви Джебцзун-Дамба-хутухта. Монголия явила миру уникальный опыт — официально правителем государства стала церковь» [Нацагдорж 1976: 104–105].

В ходе подготовки паремий к изданию А. В. Бурдуков разработал и обосновал систему транскрибирования оригинальных текстов: «Исходя из того соображения, что книга предназначена для широкого пользования, с одной стороны, и с другой, чтобы сократить расходы и облегчить возможность печатать в любой типографии: для транскрипции монгольской речи мы берем обычный русский алфавит, что даст возможность читать монгольскую речь каждому грамотному по-русски» [НА КИГИ РАН. Ф. 21. II экз. Оп. 1. Д. 3]. В приложении дается несколько образцов транскрибирования пословиц и перевод, например: «Шон эсе ургавл шаадзга хана суух биле. Перевод: “Если бы не был поставлен столбик, то где же бы села сорока?”». В примечании также дается подробное пояснение обозначения русскими буквами букв латинского алфавита: «рус. ‘ю’ будет означать лат. ‘y’, рус. ‘ё’ будет означать лат. ‘ø’, лат. ‘ju’ будет писаться ‘йу’, лат. ‘jo’ [будет] пис[аться] ‘йо’, лат. ‘ja’ будет пис[аться] русск. ‘я’, русск. ‘ь’ будет означать смягчение» [НА КИГИ РАН. Ф. 21. II экз. Оп. 1. Д. 3].

Таким образом, А. В. Бурдуковым были поставлены ключевые проблемы научного издания образцов малых фольклорных жанров монголоязычных народов, связанные с формированием корпуса текстов, состоящим из опубликованных и собственных записей, систематизацией и тематической двухуровневой классификацией текстов, их параллельным переводом. Ученый предложил собственную систему транскрибирования оригинальных текстов с использованием букв русского алфавита. А. В. Бурдуков считал, что научное издание должно обязательно включать вступительную исследовательскую статью, научный аппарат (спи-

сок источников, комментарии), к тому же основной корпус текстов должен сопровождаться указанием на имеющиеся варианты приводимых образцов.

Ученым также были определены цели предполагаемого издания: «Сделать доступными для широких читательских масс сокровища народной мудрости монгольских племен. Тем самым содействовать сближению народов СССР с народами МНР <...> выполненная работа предназначена служить не только книгой для чтения мирских читательских масс, знакомящихся с жизнью и бытом монголов <...> будет учебным пособием <...> даст богатый материал для повседневной языковой практики» [НА КИГИ РАН. Ф. 21. П экз. Оп. 1. Д. 3].

Источники

Научный архив Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (НА КИГИ РАН)

Литература

- Батмаев М. М.* Семья и брак в традициях калмыков. Элиста: Издат. дом «Герел», 2009. 256 с.
- Бурдуков А. В.* Образцы байтских пословиц // Живая старина. Вып. 3. СПб.: 1910. С. 254–259.
- Бурдуков А. В.* Роды у байтов (Обычаи и знахарство во время родов) // Живая старина. 1916. Вып. 4. С. 81–87.
- Бурдуков А. В.* Поездка к калмыкам // Вестник АН СССР. 1932. № 11. С. 63–66.
- Бурдуков А. В.* Каракольские калмыки (сарткалмыки) // Советская этнография. 1935. № 6. С. 47–79.
- Бурдуков А. В.* В старой и новой Монголии. Воспоминания. Письма. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1969. 417 с.
- Даль В. И.* Пословицы русского народа. Сборник. М.: Гослитиздат. 1957. 990 с.
- Калмыцко-русский* букварь / сост. Н. Бадмаев; издание Управ-я Калмыцким народом. Изд-е 2-е, испр и допол. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук. 1910. 92 с.
- Котвич В. Л.* Калмыцкие загадки и пословицы. СПб.: Изд-во фак-та Вост. яз. СПб. ун-та, 1905. 111 с.
- Котвич В. Л.* Калмыцкие загадки и пословицы. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1972. 96 с.
- Кичиков А. Ш.* От редакции // Котвич В. Л. Калмыцкие загадки и пословицы. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1972. 96 с.
- Кузьмин Ю. В.* Монголия и «Монгольский вопрос» в общественно-политической мысли России (конец XIX – 30-е гг. XX века). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1997. 232 с.
- Пермяков Г. Л.* Основы структурной паремиологии. М.: Наука, 1988. 237 с.
- Нацагдорж Ш.* К вопросу социально-классового состава монгольского общества в конце XIX – нач. XX веков // *Studia Mongolica*. Т. IV (12). Fasc. 5. Ulan-Bator. 1976. С. 85–114.

К ВОПРОСУ О ФОРМАХ БЫТОВАНИЯ ЖАНРА ТОЙУК

В. В. Обоюкова

Интерес к изучению истоков духовной культуры саха проявляется в пристальном внимании к данной теме современных исследователей, порождая дискуссионные вопросы. Для их решения надо принять во внимание, что во многих жанрах устного народного творчества якутов можно проследить архаичные элементы духовной и материальной культуры тюрко-монгольских народов Южной Сибири. Якуты не имели своей письменности. Богатый познавательный (мифологический, космологический, философский, эпический) и культурно-исторический опыт минувших эпох народ хранил в памяти, излагая и передавая его из уст в уста. Исследование якутского традиционного разножанрового фольклора способствует раскрытию исторических и генетических связей народного творчества ряда народов. Фольклору свойственно собирать и закреплять опыт традиции в его «разноцветии», в контрастных столкновениях [Путилов 2003: 67–70]. Кроме того, следует учитывать тот факт, что, согласно классификации тюрколога Н. А. Баскакова, якутский язык относится к уйгуро-огузской группе восточно-хуннской ветви тюркских языков [Ярцева, Солнцев, Толстой 1996: 513].

Жанр устного народного творчества якутов *тойук* мало изучен, он только упоминался учеными в связи с изучением песенной, музыкальной культур и отдельных жанров якутского фольклора, а также в исследованиях ритмики и метрики якутского стихосложения (Г. У. Эргис, Н. К. Антонов, Д. К. Сивцев, Г. М. Васильев, Н. Н. Тобуроокап, С. П. Ойунская, В. В. Илларионов, Н. Е. Петров, М. Н. Жирков, Э. Е. Алексеев, Н. Н. Николаева, Г. Г. Алексеева, А. П. Решетникова, А. С. Ларионова, Ю. И. Шейкин и др.).

В литературе *тойук* определяется как развернутая эпическая музыкально-поэтическая импровизация [Ларионова 2004: 56]. Древние ее формы строились на ритмико-синтаксическом параллелизме, «характерном для древнего эпического стиха тюрк-

ских народов» [Жирмунский 1974: 680]. Высказано мнение, что *тойук* как отдельный существующий вид песенного фольклора встречается в эпическом произведении *олонхо*, а также в первой части традиционного танца *осуохай* у якутов вилюйского региона. Исследователь Г. Г. Алексеева в книге «От фольклора к профессиональной музыке» отмечает, что первая часть *осуохай* вилюйского региона подразделяется на *күөрэтэр тойук* и *куолаһыран туюуу*, тем самым определяя локальную вариативность *тойук* [Алексеева 1994: 84–85]. Жанр *тойук* исполняется в стиле *дьиэрэтии*. Петь в стиле *дьиэрэтии* (протяжно, цветисто, широко) означает манеру и стиль пения. Указанный стиль введен в музыкальную культуру якутов самодельным композитором Ф. Корниловым.

Исполнитель *тойук*, называемый *тойуксут*, в народе пользуется большим уважением и любовью. *Тойуки* создавались народными певцами, которые являлись яркими носителями якутского художественного языка, умело использующими традиционные клише, метафоры, эпитеты, сохраняя аллитерационную форму импровизации и передавая своё «внутреннее состояние души» через пение-*тойук* с использованием *кылыһаха*. *Кылыһах* — это особое украшение голоса певца, которое обладает удивительным свойством привлечь к себе внимание слушателей и приобщить к песенному миру якутов. Каждый певец обладал своей манерой пения, которая отличалась по тембральной окраске голоса, диапазону, технике исполнения. Манеры *күөрэтэр тойук* придерживались почти все маститые певцы, которые достигли высокого исполнительского мастерства и заслужили признание народа. Манера *куолаһыран туюуу* присуща певцам, находящимся на раннем этапе овладения мастерством *тойук*, поющим исключительно «горлом» — *бэлэһинэн ыллыыр*. *Тойук* имеет региональные и локальные различия, что определяет вариативность его бытования: *бүлүүдүү тойук*, *этэн ыллыыр*,

илин энэрдиш тойук, муоралы тойук, а в последнее время народ определяет певцов, перенявших стиль, манеру исполнения тойук знаменитыми певцами, следующим образом: по С. А. Звереву — «Сибизэрэптии туойар», по У. Г. Нохсорову — «Нохсооронтуу туойар», по Г. Г. Колесову — «Куолаһантымы туойар».

В словаре Э. К. Пекарского *тойук* определяется как род поэзии: «[*tojuk*] (от *toi*+ук; ср. джаг. *tojuk* род стихотворного размера. Песнь, песня (ср. ырыа), воспевание, пьснопение; напевание, запевание...)» [Пекарский 1959: стлб. 2710]. Г. У. Эргис в «Очерках по якутскому фольклору» отметил, что наряду с терминами *ырыа* (песня), *ырыаһыт* (певец), *ыллаа* (петь) употребляется и термин *тойук*, от глагола *туой* — петь, воспевать, величать, *тойуксут* — певец вообще, певец-импровизатор, в частности. Эти термины относятся преимущественно к песням импровизационного характера, к воспеванию чего-либо, например, *кыыһы туойуу* — воспевание девушки, *туойсуу* — взаимное воспевание девушек и парней, или к песням-заклинаниям, таким, как *ойуун тойуга* — шаманское песнопение, заклинание [Эргис 1974: 291]. В настоящее время *туойсуу*, *ойуун тойуга* забыты, утратили свою функцию; предпринимаются попытки возрождения *туойсуу*, для чего организуют конкурсы на национальном празднике ысыах.

В народе *тойук* применяется в паре с понятием *ырыа-тойук*. В словаре Э. К. Пекарского термин *ырыа* определяется так: «*ырыа* [ср. ылла, тюрк. ыр, jir, цыр песнь, песня (ср. *tojuk*), пение, песнопение] [Пекарский 1959: стлб. 3823]. «*Ыллыыр-туойар*» — поёт песню, изливает душу, рассказывая обо всём, импровизирует; «*тута хоһууар*», «*таптал туһунан туойар*» — «поёт о любви»; «*олох, айылба туһунан туойар-ыллыыр*» — поёт о жизни, о любви.

Рассмотрим зафиксированные материалы по жанрам, аналогичным жанру *тойук*, у других тюркских народов. Теоретик тюркского *аруза* (квантаитативное стихосложение. — В. О.) Алишер Навои в ранних записках конца XV в. в трактате по метрике «Мизан ал-авзан» писал: «... еще есть размеры, распространенные среди тюрков, в особенности среди чагатайского народа; и они, сочиняя этими размерами свои песни, поют [их] (*тойук*. — В. О.) в собраниях. Одна из них — *туюг*...» [Алишер 1949: LXVII]. В

трактате по стихосложению З. М. Бабура (первая треть XVI в.) сказано, что *туюг* пользовался большой популярностью «в собраниях монгольских ханов и тюркских султанов...» [Стебелева 1970: 135]. В древнейшем энциклопедическом труде «Диван Лугат ат-тюрк» («Словарь тюркских наречий») Махмуда Кашгари (XI в.), посвященном культуре тюркских племен, *туюг* определяется как жанр народной лирической поэзии.

Жанр *туйюг*, при изучении и исследовании других жанров тюркского стихосложения, рассматривали турецкие стиховеды (Ф. Кеprüлю, П. Н. Боратав, Р. Араз, Ф. Кырзыюглу, Х. Диздарюглу и др.) и европейские тюркологи (Э. Соссей, И. Кунош, Т. Ковальский).

Из отечественных ученых особое внимание уделили жанру *туюг* А. Н. Самойлович [1926], П. М. Мелиоранский, В. В. Радлов [1963], И. В. Стебелева [1970; 1985; 1993]. Так, А. Н. Самойлович, изучая в библиотеке Стамбульского Университета рукопись № 2753 в своде чагатайских диванов Неваи, Лютфи, Эмири [Самойлович 1926: 75–77], обратил особое внимание на четверостишия-*туюги* с игрой рифмующих слов, определив, что *туюги* Лютфи и прочих чагатайских поэтов дают наряду с чагатайскими и «огузско-туркменские» формы [Самойлович 1926: 78–80]. А. Н. Самойлович предполагал, что «*туюг* является специфически тюркской поэтической формой, не встречавшейся ни в арабской, ни в персидской поэзии, и это заставило думать о привнесении его в классическую поэзию из фольклора» [цит. по: Стебелева 1970: 137]. Почти в этом же смысле *туюг* рассматривали тюрколог В. В. Радлов, определив в «Опыте словаря тюркских наречий» [Радлов 1963] *туюг* как жанр народной лирической поэзии.

И. В. Стебелева в статье «Связь формы и содержания в жанре *туюг*» пишет: «В эпоху расцвета классической тюркоязычной литературы Средней Азии (вторая половина XV – первая треть XVI в.) в поэзии не только функционировали жанры, пришедшие к тюркам из арабской и персидской литератур (газель, касыда, месневи и др.), но также была распространена и самобытно тюркская форма *туюг*» [Стебелева 1985: 45].

Таким образом, «*Туюг* считается специфически тюркской поэтической формой, которой не было ни в арабской, ни в персидской литературах» [Стебелева 1993: 72].

Именно к этому времени в творчестве тюркоязычных авторов появились законченные *туюги*, по форме и содержанию отвечающие канонам этого древнего поэтического жанра.

И. В. Стебелева пишет, что в основе жанра *туюг* лежит четверостишие, которое включает метр (отличительная черта *туюг* от рубаи), систему рифмы, метафору, составной омоним (умелое и логичное использование разных значений одного и того же слова) [Стебелева 1993: 72]. Уникальное поэтическое наследие тюрков включает произведения выдающихся мастеров жанра *туюг*: самого изысканного Лютфи (1366–1465), самого красивого Навои (1441–1501), самого эмоционального Бабур (1483–1530), самого техничного Камьяба: каждый из них и все вместе они показывают необычайно высокую культуру поэтического слова [Стебелева 1993: 84]. Произведения этих авторов сохранили до нашего времени ту степень формальной завершенности этого жанра, которая является его эталоном.

Традиционной темой *туюг* является тема любви, страданий влюбленного, включающая описание женской красоты.

В ранние периоды развития жанра *туюги* могли представлять собой назидания, афористические высказывания с мотивами покорности судьбе или сетований на отсутствие добродетели, в *туюгах* могли упоминаться реальные исторические лица, как, например, хан Тохтамыш и «хромой» Тимур в одном из *туюгов* Ахмеда Бурханеддина, могли также содержаться аллюзии и отголоски определенных реальных событий.

Как было упомянуто выше, творцы жанра *туюг* были высокими мастерами слова, их находчивость и словесное величие дополнили сокровищницу классической тюркоязычной поэзии Средней Азии. Но, к сожалению, в последующем *туюги* утратили свое бытование. *Туюг* восходит к традициям глубокой древности, с течением веков этот жанр менялся, приобретая новые черты как в области своей формы (от древнетюркского стиха и аллитерационной системы к метру аруза и конечной римфе), так и по содержанию [Стебелева 1993: 147].

Продолжая эту тему, Х. Г. Короглы в статье «Трансформация жанра *туйуг*» пишет: «... термин *туйуг* давно исчез из лексики западных тюрков, хотя как жанр продолжает существовать под другими на-

званиями, например: у азербайджанцев — *баяти*, у туркмен — *лялелер*, у крымских и добруджских татар — чинг или мани и др.» [Короглы 1980: 194]. Ученый отмечает, что под термином *йир* (джир) (-ыр, -ырыа. — В. О.) этот жанр известен и бытует по сей день у тюркоязычных народов Средней Азии, Казахстана и Южной Сибири. О том, что *туйуг* исконно являлся жанром устного народного творчества, упоминал английский востоковед Э. В. Гибб: «... *туйуг* никогда не являлся жанром турецкой письменной литературы. Он продолжает бытовать в турецком народном творчестве под названием “*мани*”» [цит. по: Короглы 1980: 194]. Высказывание Х. Г. Короглы о том, что «...жанр *туйуг* как один из фольклорных жанров сохранился только у самых древних тюрков — якутов, чья культура не испытала влияния арабо-иранской культуры» [Короглы 1980: 192], весьма интересно для дальнейшего исследования якутского фольклорного жанра *тойук*.

На основании приведенного в статье материала можно предположить, что древнетюркские фольклорные жанры *туюг*, *туйук*, *тойук* имеют сходство, причем некоторые — по содержанию и форме, что можно объяснить генетической близостью этих народов [Короглы 1976: 276]. Некогда бытовавшее у ряда имеющих единый корень тюркских народов древнетюркское народное песенное творчество *туйуг* со временем было утрачено. Сохранился только якутский *тойук*, который, по нашему мнению, имеет генетическую связь с другими аналогичными жанрами тюркоязычных народов. Но это предположение нуждается в дальнейшем изучении и требует дополнительной аргументации.

Литература

- Алексеева Г. Г. От фольклора до профессиональной музыки. Якутск: Бичик, 1994. 158 с.
- Алишер Н. Мезонул авзон. Ташкент: Изд-во лит. и иск-ва, 1949. С. LXVII.
- Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. Избранные труды. Л.: Наука, 1974. 680 с.
- Короглы Х. Г. Западные огузы // Огузский героический эпос. М.: Наука, 1976. 276 с.
- Короглы Х. Г. Трансформация жанра *туйуг* (К проблеме фольклорных связей тюркоязычных и ираноязычных народов) // Типология и взаимосвязи фольклора народов СССР. Поэтика и стилистика. М.: Наука, 1980. С. 192–205.

- Ларионова А. С.* Вербальное и музыкальное в якутском дьизэрэтии ырыа. Новосибирск: Наука, 2004. 320 с.
- Пекарский Э. К.* Словарь якутского языка. Т. III. Вып.10–13. Л.: Изд-во АН СССР, 1959. Стлб. 2509–3868.
- Путилов Б. Н.* Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 2003. 464 с.
- Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. М.: Изд-во вост. лит., 1963. Т. 1–4. 4232 с.
- Самойлович А. Н.* Из туюгов чагатайца Эмири // Доклады Академии наук СССР. Л.: Изд-во АН СССР, 1926. С. 75–77.
- Самойлович А. Н.* Чагатайские туюги Лютфи // Доклады Академии наук СССР. Л.: Изд-во АН СССР, 1926. С. 78–80.
- Стебелева И. В.* К вопросу о происхождении жанра туюг // Тюркологический сборник. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1970. С. 135–147.
- Стебелева И. В.* Связь формы и содержания в жанре туюг // Теория жанров литератур Востока. Сб. ст. / сост. И. В. Стебелева. М.: Издат. фирма «Вост. лит. РАН», 1985. С. 40–45.
- Стебелева И. В.* Ритм и смысл в классической тюркоязычной поэзии. М.: Наука. Издат. фирма «Вост. лит.», 1993. 178 с.
- Эргис Г. У.* Очерки по якутскому фольклору. М.: Наука, 1974. 291 с.
- Ярцева В. Н., Солнцев В. М., Толстой Н. И.* Языки мира: Тюркские языки. Издат. дом «Кыргызстан». Бишкек, 1997. С. 513.

УДК 398.1
ББК 82.3 (2Рос=Алт)

ПРЕДАНИЯ ТЕЛЕНГИТОВ ДОЛИНЫ ЭРЕ-ЧУЙ

К. В. Яданова

Теленгиты — этническая группа южных алтайцев. Большинство их проживает на юго-востоке Республики Алтай, в Улаганском и Кош-Агачском районах. Улаганские теленгиты расселены по долинам рек Чолушмана, Башкауса, Улагана. Кош-Агачские теленгиты живут по долинам рек Чуи, Аргута и, кроме общего названия *теленит* (теленгит), именуют себя по месту проживания *Чуй ичининг кишииси* (обитатель долины р. Чуй). Чуйскую долину местные жители называют *Эре-Чуй*. Существуют различные версии толкования значения этого топонима; по одной из версий, название долины переводится ‘Чуй с переливающимися [песками]’.

В фольклорной традиции теленгитов значительное место занимает несказочная проза. В жанрах устной несказочной прозы отражены традиционные верования, духовная культура, история народа. В народе общим термином *куучын / куучун* (устный рассказ) обозначают все жанры несказочной прозы. Очевидно, *куучын / куучун* — слово, заимствованное из монгольских языков. В. И. Рассадин считает, что монгольское прилагательное *qayicin* ‘старый, прежний’ в алтайском языке стало существительным ‘рассказ’ [Рассадин 1980: 22]. В алтайской фольклористике общепринятым термином является *кеп-куучын* — предание. Предание (*кеп-куучын*) — жанр несказочной прозы с установкой на историческую достоверность. *Кеп-куучын* сохраняет память о событиях и исторических деятелях. Вымысел в предании служит объяснению реальных фактов или их правдоподобию.

С 2004 по 2007 гг. и в 2010 г. нами проводился целенаправленный поиск несказочной прозы теленгитов Кош-Агачского района в селах Курай, Чаган-Узун, Ортолык, Мухор-Тархата, Бельтир, Кош-Агач, Теленгит-Сортогой, Кокоря. Нам удалось собрать: топонимические предания (более 50 текстов), предания о камнях (9 текстов); предания о шаманских листовницах (15 текстов); предания о священных горах

— *ыйык* (3 текста); предания о потопах (10 текстов); этиологические предания о животных (25 текстов); предания о силачах (8 текстов); предания об алмысах (более 30 текстов); предания о родах — *сёдж* (более 10 текстов); предания о шаманах (*камах*) — (13 текстов); единичный образец предания о встрече с духом-хозяином Алтая; легенды о сотворении мира (2 текста); былички (более 10 текстов); устные рассказы о вихре — *түүнек* (4 текста); предания о магическом камне, используемом для влияния на погоду — *јада таш* (5 текстов); рассказы-воспоминания о заклинателях погоды — *јадачы* (2 текста); рассказы-описания обряда, направленного на управление погодными условиями — *јада* (3 текста) и др. Запись производилась на диктофон; фольклорные материалы хранятся в Архиве Института алтаистики им. С. С. Суразакова (ФМ № 513) и в личном архиве автора. Расшифровка и перевод текстов с языка оригинала на русский язык также сделаны нами.

Топонимические предания

Большинство наших записей составляют тексты преданий о местностях: Чолтыксой (3 текста), Балакан (6 текстов), Дьустыт (10 текстов), Дьаланаш (9 текстов), Сукманды (7 текстов), Курай (6 текстов), Абыйым боом (более 30 текстов) и др.

Местность Чолтыксой находится вблизи села Курай Кош-Агачского района. Топоним состоит из двух слов: *чолтык* (букв. ‘куцый, бесхвостый’) + *сойо* (‘трехлетний марал’). Рассказчики приводят предание с основным сюжетным ядром: в местности Чолтыксой охотник прострелил трехлетнему маралу *сойо* хвост, из-за этого местность назвали *Чолтыксойо* — ‘Трехлетний марал (*сойо*) с куцым хвостом (*чолтык*)’.

Топоним Балакан образован от *бала* (сущ. ребенок, дитя) + *аккан* (гл. утонул), букв. ‘утонул ребенок’. Местность расположена недалеко от села Теленгит-Сортогой Кош-Агачского района. Среди жителей распространено предание о Балакане, в ко-

тором говорится, что когда-то в реке утонул ребенок, поэтому название местности и реки стало *Бала аккан* — ‘утонул ребенок’.

Примерно в 11 км от села Ортолык находится местность *Дьустыт* (*Јустыт* — числит. *јус* ‘сто’ + сущ. *тыт* ‘лиственница’, т. е. ‘сто лиственниц’). Существуют несколько версий толкования топонима. Большинство исполнителей приводят предание со следующим основным ядром сюжета (10 текстов в нашей записи): в местности *Дьустыт* (*Јустыт*) во время некоей войны / несчастий спаслись / прятались сто человек, из-за этого её называли ‘Сто лиственниц’ — *Јустыт*.

В двух километрах от местности *Дьустыт* простирается долина реки *Дьаланаш* / *Елангаш* (алт. *Јаланаш*), которая имеет начало далеко на юге. *Јаланаш* / *јалангыш* / *јыланаш* в переводе с алтайского языка означает ‘голый, нагой’. Пояснения жителей о значении топонима *Јаланаш* / *Јалангыш* перекликаются с сюжетом предания о местности *Дьустыт*. В этой местности спасаются не просто люди, а ‘голые люди’ / ‘голый ребенок’.

В преданиях о местностях *Дьаланаш* (*Јаланаш* / *Јалангыш*), *Дьустыт* (*Јустыт*) отражены исторические события, «смутные времена» (по одной версии — время гражданской войны). Жители рассказывают, как мирное население, скрываясь там, спасло свою жизнь. В некоторых случаях топонимы выступают сюжетобразующим компонентом преданий, рассказчики пытаются объяснить их значения, исходя из названия самой местности.

Местность *Сукманды* расположена в 36 км к западу от Кош-Агача, вблизи поселения *Чаган-Узун*. По объяснению жителей, топоним состоит из двух лексем: глагола (II л., повел. накл., ед. ч.) ‘сук’ — ‘прячь, спрячь’ и имени *Манды*. Судя по записанным семи вариантам, местные жители дают одно и то же толкование: пастух, который жил в местности *Сукманды*, украл скот; когда пришли его обыскивать (в трех вариантах — милиционеры), он закричал своему сыну / жене по имени *Манды* / *Манъя*: ‘Сук, *Манды* / *Манъя*!’ — ‘Спрячь, *Манды* / *Манъя*!’. Из-за этого название местности стало «*Сукманды*».

Примерно в 18 км к западу от местности *Сукманды* находится село *Курай* (около 72 км от Кош-Агача). Нами записаны варианты и версии предания о местности *Курай*.

Одна из версий предания имеет следующее основное ядро сюжета: раньше в местности *Курай* жили тувинцы / один человек; выпало очень много снега, и весь их скот пал; тувинцы / один человек с проклятием: ‘Будь *кубакай Курай*’ / ‘*Кокумай Курай*’,¹ — покидают то место.

В преданиях о *Курае* повествуется о суровых климатических условиях этой местности, неудобных для содержания скота, особенно в холодную, снежную зиму. Возможно, предание относится к началу XIX в., когда люди еще не заготавливали много сена на зиму и терпели из-за этого большой урон в скотоводческом хозяйстве.

Приблизительно в 40 км к западу от районного центра, между населёнными пунктами *Курай* и *Чаган-Узун*, расположена местность *Абыйым боом*. О. Т. Молчанова в топонимическом словаре указывает: «*Абым-Боом* — гора; п[равый] бер[ег] р. Чуи выше *Курайской степи*». Здесь же приводится объяснение слова *абым* / *абум* (алт.) — ‘мой отец, мой батюшка; мой старший брат’ [Молчанова 1979: 114]. Словом *боом* (*ноом*) в алтайском языке обозначают узкое место между горой и рекой, где пролегает дорога, а также скалистый обрыв, крутой обрывистый берег [Там же: 30].

Самая ранняя запись предания о местности *Абыйым боом* была сделана В. В. Радловым во время одной из его поездок в Кош-Агач (1860, 1865 гг.) и опубликована в «Образцах народной литературы тюркских племен...» [Образцы 1866: 171]. После В. В. Радлова топонимическое предание об «*Абым-бом*» записал Г. Н. Потанин через переводчика и поместил в трех вариантах в четвертом выпуске «Очерков Северо-Западной Монголии» [Потанин 1883: 214–215]. Со времен Г. Н. Потанина и до наших дней предание об *Абыйым боом* не записывалось. На протяжении летних сезонов 2004–2007 гг. нами проводился опрос среди жителей Кош-Агачского района. Выяснилось, что многие жители до сих пор знают это предание и охотно его рассказывают. Благодаря этому нам удалось зафиксировать более тридцати вариантов предания в поселениях *Курай*, *Чаган-Узун*,

¹ *Кубакай* — от алт. ‘куба’ — ‘бледный, бледно-желтый’. Слово ‘куба’ имеет также значения: ‘голый, скудный’. Голую, скудную растительностью, выжженную солнцем степь называют ‘куба чөл’. *Кокумай* / *кокумай* — ‘дурной, плохой’.

Ортолык, Мухор-Тархата, Бельтир, Теленгит-Сортогой, Кокоря. Самая дальняя точка бытования топонимического предания в пределах района — это *журт* (село) Кокоря, находящийся приблизительно в 70 км от Абыйм боома.

В вариантах у В. В. Радлова, Г. Н. Потанина и у нас во всех вариантах повторяется основное ядро сюжета: девушка / невеста, одетая в шёлк / в девять слоёв шёлка / в девятислойный халат из шёлка, по дороге замерзает в местности Абуум / Абым / Абыйм боом / поом.

В десяти современных записях, в отличие от ранних (В. В. Радлова и Г. Н. Потанина), появляется ещё один персонаж, который сопровождает дочь бая / зайсана, — бедный слуга / слуги / бедняк в «рваной», «потрепанной» шубе. Если девушка, одетая в «девять слоёв шёлка» / в «халат из девятислойного шёлка», в местности Абыйм боом замерзает, то со слугой / слугами ничего не случается.

Примечательны записи от одного и того же исполнителя. Уже в первой записи (2003 г.) событие описывается как состязание дочери бая с бедняком. Рассказчик тверд в своей версии, в повторной записи через год снова приводит этот же сюжет, но не указывает время события. По словам В. Г. Яданова, он слышал это предание от своей бабушки родом из Улаганского района [Яданова 2006: 53].

Предание о местности Абыйм боом дошло до нас со времен В. В. Радлова, правда, с некоторыми утратами (не во всех вариантах присутствуют топонимы, имена персонажей) и с переосмыслениями: появляется персонаж, противоположный по социальной принадлежности дочери богача, — бедняк / слуга, возникает версия предания (состязание дочери богача с бедняком).

Нам удалось выявить ареал бытования топонимических преданий. Степень знания жителями топонимических преданий о местностях Чолтыксойо и Сукманды ограничивается одним селением: предание о местности Чолтыксойо известно жителям Курая, о Сукманды — жителям Чаган-Узуна.

Предания о местностях Дьустыт (Жестыт), Дьаланаш (Жаланаш / Жалангыш), Балакан, Курай, Абыйм боом рассказывают в разных селах Кош-Агачского района. Вероятно, они бытуют среди населения уже давно.

Предания о камнях

В селах Кош-Агачского района нам удалось зафиксировать предания о камнях богатыря Сартакпая (5 текстов) и предания о камне с заклитием — *каргышту таш* (4 текста).

Мифический герой Сартакпай (Сартактай, Сартакай, Сартакбан) известен от Западной Монголии до Горного Алтая. С его именем связывают возникновение географических мест. Он прокладывает русла рек, оставляет отпечатки следов на камне / на почве, брошенный им камень до сих пор лежит в какой-либо местности. Вероятно, имя богатыря Сартактая / Сартакпая возникло от *сарт* — названия земледельческого племени Средней Азии. Возможно, какие-то алтайские роды имели связи с сартами. Жители показывают в разных местах Кош-Агачского района большие камни, которые Сартакпай метал в лису; камень, на котором богатырь сушил потник своей лошади; камни, брошенные Сартакпаем вслед сыну и невестке, и рассказывают предания, связанные с этими камнями.

Мотив «появления холмов, возвышенностей от бросания камней великаном / богатырем» известен в устном творчестве многих народов. В алтайском фольклоре самый распространенный сюжет — о построении моста Сартакпаем. По одной из версий предания, Сартакпай со своим сыном строит мост через реку Катунь. Мост был уже почти готов, Сартакпай просит, чтобы сын не спал с женой. Сын нарушает запрет, Сартакпай не может достроить мост, который разрушается. Богатырь, рассердившись, бросает камни вслед сыну и невестке.

Варианты и версии предания зафиксированы В. В. Радловым [Образцы народной литературы... 1866: 170], Г. Н. Потаниным [Потанин 1883: 286–287] и др. В тексте у В. В. Радлова Сартактай, очевидно, рассердившись на сына, «...положил камень в подол и бросил вверх к небу» — «...ташты äдäктäйñб-алды, таңарäя öрö чачыб-ïдї...». Нас заинтересовал в этом предложении глагол (*ташты*) *äдäктäйñб-алды* — букв. **положил** (камень) **в подол** (именной глагол, образован от сущ. *эдек* — ‘подол’), т. к. этот глагол, несмотря на большой временной отрезок, встречается в последующих записях (в тексте в записи Г. Н. Потанина и в нашей записи от В. С. Ундулганова в с. Чаган-Узун) [Личный архив автора].

Предание о богатыре Сартакпае дошло до сегодняшнего дня. В памяти рассказчиков сохранились, с некоторыми переосмыслениями, мотивы, детали предания, которые присутствовали в тексте почти двести лет назад (названия мест, глагол действия *эдектепит* и др.). Это говорит о некоторой устойчивости, традиционности фольклорного текста.

В преданиях о богатыре Сартакпае прослеживаются сюжеты разного времени, очевидно, произошла циклизация вокруг данного персонажа. В нем слились образы великана, бросающего камни, богатыря-силача, строящего мосты, культурного героя / устроителя земель. Для подробного анализа преданий о богатыре Сартакпае нужно продолжить поиск вариантов и версий в обширном ареале — от Алтая до Западной Монголии.

В селе Мухор-Тархата нами записаны предания о камне с заклятием — *каргышту таш*, который, по словам рассказчиков, находится в местности Шинбашы² Кош-Агачского района. Камень *каргышту таш* навис на скале; по преданию, камень упадет, когда случится несчастье. Некоторые рассказчики утверждают, что камень обрушился в 2003 г. во время сильного землетрясения в Кош-Агачском районе. Предания о камне с заклятием — *каргышту таш*, по-видимому, можно отнести к разряду эсхатологических преданий, устных рассказов-прорицаний о бедствиях и болезнях.

Предания о шаманах (камах)

Предания о шаманах (*камах*) записаны нами в основном в 2004–2005 гг. (13 текстов). Рассказчики утверждают, что раньше почти в каждой деревне были свои *камы*. Настоящего имени шаманов люди не называли — боялись, хотя в народе известны и их истинные имена. В селе Ортолык бытует цикл рассказов о *камах*: Курай эдье (алт. Курай эје), Алтын Тон (Золотая шуба; *алтын* — букв. ‘золото, золотой’; *тон* — ‘верхняя одежда, шуба’).

Шаманка Курай эдье (букв. сестра Курай) примерно в 1960-е гг. переселилась в село Ортолык из села Курай Кош-Агачского района, поэтому жители называли ее *Курай эје*. Настоящего имени шаманки многие

² Шинбашы (Чинбашы) — местность находится далеко на юге от Кош-Агача. Чынг / шин — алт. глухой, шын јер — глухомань; башы — зд. в значении ‘верховье, начало’.

даже не знают, тем не менее рассказывают о ней, будто шаманка посредством своих духов-помощников помогала поймать бандитов, обладала чудесными способностями оборотничества, превратившись в молодую девушку, устраивала скачки и т. д.

Предания о шамане Алтын тоне объясняют, как *кам* приобрел свое имя. По одной версии, *кама* Алтын тона заключили в тюрьму, тот же чудесным образом вышел из заточения, гулял на улице / сидел на заваulinке тюрьмы. Его привели к священнику, который попросил отпустить шамана домой, подарил ему расшитую золотом одежду. Шамана назвали «Золотая шуба» — *Алтын тон* [Яданова 2013: 111–113]. Сюжет о чудесном освобождении шамана из тюрьмы — один из распространенных в алтайском фольклоре: шамана сажают в тюрьму, через некоторое время обнаруживают, что *кам* ходит на свободе (сидит на крыше тюрьмы / на дереве).

По другой версии, силу шамана испытывает священник в «позолоченной ризе»: бросает *кама* в костер, тот вылетает из костра, не сгорев; священник отпускает шамана. Шаману дают имя *Алтын тон*. По словам исполнителя, Тебекова Анчы Сергеевича, *кам* Алтын Тон — его прадед по матери [Личный архив автора].

Сюжет об испытании шамана сожжением на костре распространен на Алтае и в Монголии. Некоторые исследователи видят в этом сюжете отражение исторических событий, имевших место в период Джунгарского ханства, когда монгольские правители усиленно насаждали среди своих подданных буддизм и преследовали служителей шаманского культа [Подузова, Сагалаев 1983: 111–114].

Традиционные верования теленгитов сохранились до настоящего времени. Шаманы, «знающие люди» — *неме билер улус* (букв. ‘нечто знающие’) выступают основными хранителями народных обычаев, традиций и верований. Они участвуют в проведении свадебных, похоронных обрядов, являются посредниками между человеком и духами его предков. Почти у каждого алтайца в роду кто-нибудь из родственников был шаманом. Поэтому на вопрос: «У вас в роду были *камы*?», — в большинстве случаев рассказчик отвечает утвердительно и начинает свой рассказ о предке-шамане.

Предания — *кеп-куучындар* прочно вошли в местную фольклорную традицию.

Значительная часть преданий носит топонимический характер: предания о местностях, о камнях, о священных лиственницах, о священных горах — *ыйык*. Они представляют собой короткие сюжетные повествования. *Кеп-куучындар* этиологического характера о животных объясняют особенности внешнего вида, поведения животного: почему верблюд оглядывается, когда пьет воду, как сурок — *тарбаган* стал зверем и т. д.

Устные народные рассказы сохранили память о далеких предках, о силачах — *бөккөлөр*, о шаманах — *камах*. Они рассказывают о происхождении родов (*сөбөктөр*) и племен. Эти предания локализованы, связаны с местами, где развернулась деятельность исторического лица / персонажа.

Записи несказочной прозы теленгитов Кош-Агачского района (2004–2007 гг. и 2010 г.) представляют богатый материал духовной культуры алтайского этноса. Сюжетный состав преданий теленгитов значителен. Генетически родственные сюжеты обнаруживаются в тюрко-монгольской фольклорной традиции, типологически сходные параллельные формы встречаются и у других народов.

Литература

- Молчанова О. Т.* Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск: Горно-Алтай. отд. Алтай. кн. изд-ва, 1979. 398 с.
- Образцы народной литературы* тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи, собраны В. В. Радловым. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1866. Ч. 1. 410 с.
- Подузова С. А., Сагалаев А. М.* Из истории шаманства на Алтае // Известия Сибирского отделения АН СССР. Сер. обществ. наук. Новосибирск: Наука, 1983. № 6. Вып. 2. С. 111–114.
- Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1883. Вып. IV. 1025 с.
- Рассадин В. И.* Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М.: Наука, 1980. 114 с.
- Яданова К. В.* Несказочная проза теленгитов / Науч. ред. Ю. И. Смирнов. М.: Тип. ООО «РЕЖАНС», 2006. 128 с.
- Яданова К. В.* Предания, легенды, былички теленгитов долины Эре-Чуй. Горно-Алтайск: ОАО «Горно-Алтай. тип.», 2013. 256 с.
- Личный архив автора*

УДК 398.21

ББК 82.3 (2Рос=Баш)

ПЕРСОНАЖИ БАШКИРСКОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ: МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОТИВНИКИ ГЕРОЯ

Г. Р. Хусаинова

В башкирской фольклористике мифические образы были впервые классифицированы профессором А. Н. Киреевым по функциям каждого из них: 1) образы чудищ: аждахи, дэвы, ифриты и т. п., представляющие злое начало; 2) безобидные существа, к которым относятся «хозяева» (эйэ) гор, лесов, полей, пещер, хозяйственных и жилых строений (амбаров, хлевов, бань). Они не причиняют зла, если люди сами не задевают их; 3) добрые силы, помогающие человеку (эпическому герою) в его справедливых делах. Это кони-тулпары, крылатые акбузаты, волшебные шункары (кречеты), ыласын (сокол), торна (журавль), гигантская мифическая птица симруг и т. п. Основой такой классификации стало, как отмечает автор, «отношение мифических существ к действительности, проявляемое во взаимоотношениях их с людьми» [Киреев 1969: 17]. На наш взгляд, классификация А. Н. Киреева дает основательное представление о мифологических персонажах в башкирском фольклоре и не потеряла своей актуальности до настоящего времени, о чем свидетельствуют современные записи традиционного фольклора [Хусаинова 2012: 150–155].

Мифические образы встречаются в разных жанрах фольклора. Так, в эпосе, сказках действуют образы чудищ и добрые силы, помогающие герою, редко — хозяйка воды, другая же группа мифических персонажей больше характерна для башкирских быличек (хөрәфәти хикәйә).

В башкирских волшебных сказках мифологические персонажи представлены в двух ипостасях. Это антагонисты героя (дейеу, аждаха, иргәйел, ғифрит, мәскәй, йылан, юха и др.) и его помощники — Акбузат (волшебный конь), Сәмриғош (гигантская мифическая птица), чудесная супруга героя. Нас в данном случае интересует первая группа мифологических персонажей, т. е. противники героя, или антагонисты.

Функции противников героя заключаются в причинении ему вреда: они похища-

ют его невесту или жену [БНТ: Сказки 1: 123], воруют яблоки из сада или урожай с поля [БНТ: Сказки 1: 52; 55], проглатывают героя [БНТ: Сказки 1: 200, 203], сосут кровь у девушек (сестры или жены героя) [БНТ: Сказки 1: 183; БНТ: Сказки 2: 229].

Дэв (дейеу) — наиболее распространенный персонаж башкирских сказок. Исследователь башкирской богатырской сказки Н. Т. Зарипов выделяет две разновидности дэвов: 1) неповоротливые и глупые — в сказках о глупом черте и 2) невероятные силы, часто многоголовые ... [Зарипов 2008: 114]. Исследователь из Татарии Л. Жамалетдин посвятил отдельную статью образу дэва (татарск. дию) в татарских волшебных сказках, в которой выделил шесть разновидностей: похититель, выкупщик, колдун (учитель), слуга, глупый (на наш взгляд, не очень удачно выделенный тип дэва по способностям, т. к. в остальных случаях он определен по функциям. — *Х. Г.*), помощник героя [Жамалетдин 2000: 155]. Все обозначенные шесть сюжетных разновидностей дэва характерны и для волшебных сказок башкир: «Уральская вода»; «Девушка-змея и Ванюшка», «Дандан батыр» — похититель; «Шейх», «Серый ворон», «Младший сын» — выкупщик; «Нурхутдин», «Карамулла» — колдун; «Генерал Хорка» — помощник; «Старик и дейеу» — слуга. Образ дэва в них незначительно отличается от персонажа татарских сказок. Вместо выкупщика дэва в башкирской встречаются также аждаха («Царь, джигит, аждаха»), убырәбей («Золотая игральная кость»), мәскәй эбей («Шагали»), волк («Биранхылыу — дочь бире»), старик («Тысячелетний»); похитителями могут быть неизвестные персонажи («Молниеносный меч»), иргәйел («Булансы-Мэргән»); слугой — аждаха («Тимерказык»). Функция дэва-колдуна в башкирской сказке не ограничивается обучением мальчика способам колдовства, еще он и заманивает героя в ловушку, используя в качестве приманки свою дочь («Сайфелмулюк»).

По утверждению казахского мифолога Серикбола Кондыбая, «Дау/дэв — образы персидского фольклора — позаимствованы тюркскими народами в эпоху распространения ислама <...> Как мифологический персонаж дэвы наиболее распространены среди узбеков, а у других народов чаще выступают как сказочные образы...» [Кондыбай 2005: 101]. В башкирском фольклоре дэв (дейеу) встречается в эпосе, сказках, а в жизни слово дейеу используется в качестве эпитета по отношению к вспыльчивым (дейеу кеуек кызыу — ‘горячий, как дэв’), а также здоровым, сильным людям (дейеу кеуек здарауай — ‘здоровый, как дэв’), т. е. применяется в двух значениях.

Портретная характеристика дэва (дейеу) в башкирских сказках встречается редко. Так, в сказке «Сайфельмулюк» царь дэвов описывается таким образом: «Әзәмгә лә, хайуанға ла окшамаған, һыңар мөгөзлө бер йән эйәһе килеп сыккан. Өстөндә йыртык тун, ти» (‘Появилось однорогое существо, не похожее ни на человека, ни на животное. На нем была старая шуба’) [БНТ: Сказки 1: 163]. В эпосе «Кузый курпяч» тоже появляется образ дэва: «...ғәләмәт зур, үзе кот оскос, ытырғаныс бер януарзы күрә. Биле буға кеуек бөгөлгән, ерәнһыу йөнө қасмақланып. Урыны-урыны менән төләп бөткән йәмһез дәү башында озон қолактары һалынып төшкән, ике қолак араһында сак-сак күренеп торған күззәре бар» [БНТ: Эпос IV 1999: 75] (‘...необычайной величины страшный и безобразный зверь. Стан его был дугою, на нем рыжая шерсть была космата и местами свалына, на превеликой голове его хлопали длинные уши, между коими белые глаза едва были приметны’) [БНТ: Эпос IV: 276]. Несмотря на редко встречающуюся конкретность портретной характеристики в текстах сказок, в сознании народа образ дэва представлен как большое, волосатое, безобразное существо. Он представляется физически очень сильным, что проявляется как в его многоглавости (семь — см. сказку «Байская дочь и Плешивый», девять, двенадцать голов — см. сказки «Уральская вода», «Каменное изваяние»), так и в устрашающем грозном появлении: например «төн урталары еткәс, қапыл ел-дауыл күтәрелеп, ағас баштары шаулай башлаған, қая таштар, шарлауықтар үкергән, күк йөзөн қара болот қаплап алған, ти» (‘В полночь поднялся ураганный ветер, сильно качая верхушки деревьев, вызывая

гул скал и водопадов. Небо покрылось черными тучами’) [БНТ: Сказки 1: 169].

Душа дэва всегда находится вне тела, чаще всего в яйце, которое хранится в сундуке или в гнезде на высоком дереве, растущем на необитаемом острове [БНТ: Сказки 1: 115, 118; БНТ: Сказки 2: 98].

В башкирских волшебных сказках также часто встречается мифологическое существо аждаха [Хисамитдинова 2010: 7]. В народном сознании оно представляется чудовищем, живущим в водоемах, на болоте и требующим себе в жертву молодых девушек и женщин. Внешне аждаха напоминает змею: «өйзө ике тапқыр уратып ята» (‘лежит, обложив дом двойным кругом’) [БНТ: Сказки 1: 109]. Среди мифологических персонажей оно самое многофункциональное: «Сәмреғоштоң балалары сырылдаша башлай. Аждаһа ағас башына үрмәләп менеп бара» (‘Птенцы самригуш начинают беспокоиться. Аждаха лезет по дереву (к гнезду птицы. — Х. Г.)’) [БНТ: Сказки 1: 113]; «[батша] һыу эсеп торһа, ел-дауыл куптарып бер аждаһа килеп сыға ла: “Артында бер нәмән бар, шуны бирмәһән, мин һине хәзер үк ашайым» (‘Царь стоял ипил воду, и в этот момент, вызвав сильный ветер, появился аждаха и говорит: “Если не отдашь то, что есть у тебя дома, я тебя съем”) [БНТ: Сказки 1: 156]; «...һарайза һигез тоткон малай бар, туғыз тоткон қыз бар. Уларзы аждаһа һаклай» (‘Во дворце есть восемь пленников и девять пленниц. Их охраняет аждаха’) [БНТ: Сказки 2: 273].

В башкирских сказках, несмотря на различие в названиях мифологических персонажей, функции их существенно не отличаются. Многоголовый дэв (дейеу) в различных сказках может называться многоголовым йылан или аждахой. Даже в одной сказке один и тот же персонаж может называться по-разному (см. сказку «Царь, джигит и аждаха»): и аждаха, и дэв [БНТ: Сказки 1: 156, 157] или иргаил и дэв [БНТ: Сказки 1: 114]. Правда, в последней сказке есть оговорка «иргәйел саф әзәм затынан түгел. Уның әсәһе әзәм затынан, атаһы — дейеу затынан. Уның сихырзары — дейеу сихырзары. Уның менән көрәшһән, барыбер еңә алмас инең» (‘Иргаил не из рода человеческого. Его мать — человек, а отец из дэвов. Колдовство иргаила — колдовство дэвов. Даже если герой вступил бы с ним в схватку, то не смог бы его победить’) [БНТ: Сказки 1: 114].

Аждаха, как и дэв, может быть многоголовым [БНТ: Сказки 2: 108], может летать, требовать себе жертву [БНТ: Сказки 1: 156], принимать разные обличья [БНТ: Сказки 2: 56], появляться, вызвав сильный ветер, ураган [БНТ: Сказки 1: 162]. Главное отличие аждахи от дэва — возможность превращаться в юху. Юха — самый оригинальный мифологический персонаж в мире башкирских волшебных сказок. Башкиры верили в то, что если аждаха доживет до ста лет, то может превратиться в юху, принимающую разные облики. Юха чаще принимает облик красивой женщины и женит на себе джигита, а потом «табанын ялап, канын эсеп йөрөй» («сосет его кровь из пятки») [БНТ: Сказки 1: 165], — или, «һандыктан үлек кулы сығарып, иренең битен һыйпап, йоклатып сығып китә <...> кәбергә инеп, үлектә шытырзатып ашап кайта» («из сундука вытаскивает руку покойника, гладит им лицо мужа и усыпляет его <...> сама приходит к могиле, чтобы питаться мясом покойника») [БНТ: Сказки 1: 267, 271].

Среди противников героя не последнюю роль играют женские мифологические персонажи: мэскэй эбей (соответствует ведьме-людоедке, бабе-яге, упырю-кровопийце в русских сказках) и убырлы карсык/убыр/убырэбей (букв. старуха-обжора, старуха-людоедка), которые живут уединенно, вдали от людей. Так, мэскей эбей живет «алыста <...> бер бэлэкэй өйзә» («далеко, в маленьком доме») [БНТ: Сказки 1: 116], «урман эсендәге бер емерелеп кенә ултырган өй» («в полуразрушенном доме в лесу») [БНТ: Сказки 1: 183]. Убырлы карсык тоже живет «йыракта <...> тау араһындағы мәмерйәлә» («далеко <...> среди гор в пещере») [БНТ: Сказки 1: 184], «урманда <...> бэлэкэй генә бер өйзә» («в лесу <...> в одном маленьком домике») [БНТ: Сказки 2: 55], «ер астында» («под землей») [БНТ: Сказки 2: 93]. Герой попадает в их дом случайно [БНТ: Сказки 1: № 44], в поисках огня [БНТ: Сказки 1: № 61; БНТ: Сказки 2: № 39]. Портретная характеристика названных персонажей почти отсутствует, имеется лишь косвенный намек на то, что они внешне безобразные, даже страшные: убырлы карсык «сәстәре тузған» («лохматая») [БНТ: Сказки 1: 228], «өскө ирене түшәмдә, асқы ирене изәндә» («верхняя губа до потолка, нижняя губа до пола») [БНТ: Сказки 2: 55]. Функция мэскэй эбей, прежде всего, — высасывать кровь [БНТ: Сказки 1: 183], а убыр эбей — проглатывать [БНТ: Сказки 1: № 61, 66].

Оба указанных персонажа обычно пытаются убить героя. Так, в сказке «Молодой охотник» мэскэй велит герою выполнить трудные задания (трижды привести из леса трех коней), за что обещает одну из дочерей отдать ему в жены [БНТ: Сказки 1: 116]. В башкирских народных волшебных сказках встречаются сюжеты, согласно которым свекровь оказывается убырлы карсык и преследует свою невестку [БНТ: Сказки 1: № 66, 67].

Так же, как и в случае с дивами и аждахой, в некоторых сказках функции мэскэй эбей и убырлы карсык идентичны. Например, образы мэскэй эбей сказки «Семь девушек» [БНТ: Сказки 1: № 61] и убырлы карсык сказки «Кильтай-Мэргән» [БНТ: Сказки 2: № 39] сливаются, они выступают и как хозяйка огня, за которым приходит героиня, и как существа, высасывающие кровь / сердце. В сказке «Шагали» [БНТ: Сказки 1: № 61] мэскэй эбей, а в сказке «Золотая игральная кость» [БНТ: Сказки 1: № 61] убырлы карсык напоминают дэва (или аждаху) тем, что хватают героя за бороду, когда тот приводит своего коня на водопой.

Перечисленные выше мифологические персонажи встречаются в сказках и у других тюркских народов, в частности, у татар, чувашей — тюрков Урало-Поволжья. Больше сходства башкирские сказки имеют с татарскими сказками. У башкир и татар в волшебных сказках противником героя чаще является дэв (дейу). Это сложный, противоречивый мифологический образ. В некоторых башкирских и татарских сказках он может не вредить, а помогать герою, что мы отметили на примере башкирской сказки «Генерал Хорка».

Таким образом, в башкирской народной волшебной сказке мифологические персонажи — противники героя делятся на персонажей мужского рода (дэв, аждаха, иргил) и женского рода (мэскэй эбей и убырлы карсык). Несмотря на различные названия, по сути они очень похожи и являются противниками героя. Их часто объединяют безобразный внешний вид, а также основные функции. В то же время имеются и отличительные особенности: если дэв запоминается в качестве похитителя женщин, то аждаха — как требующий в жертву молодых девушек, а мэскэй эбей — как причиняющая вред жене или сестре героя, тайно высасывающая кровь, что ведет к постепенной их гибели; убырлы карсык предстает как вампир, особенно по отношению к своей невестке.

Источники

- [БНТ: Эпос I] Башкирское народное творчество. Т. I. Эпос. Сост. М. М. Сагитов. Комментар. Н. Т. Зарипова, М. М. Сагитова и А. М. Сулейманова. Отв. ред. Н. Т. Зарипов. Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1987. 544 с.
- [БНТ: Сказки 1] Башкирское народное творчество. Сказки. Кн. первая. Сост. М. Х. Мингажетдинов и А. И. Харисов. Вступ. ст. М. Х. Мингажетдинов. Комментар. Л. Г. Бараг и М. Х. Мингажетдинов. Отв. ред. Н. Т. Зарипов. Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1976. 376 с. (на башкир. яз.).
- [БНТ: Сказки 2] Башкирское народное творчество. Сказки. Кн. вторая. Сост. М. Х. Мингажетдинов и А. И. Харисов. Вступит. ст. М. Х. Мингажетдинов. Комментар. Л. Г. Бараг и М. Х. Мингажетдинов. Отв. ред. Н. Т. Зарипов. Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1976. 370 с. (на башкир. яз.).
- [БНТ: Эпос IV] Башкирское народное творчество. Т. IV. Эпос. Сост. М. Сагитов, Б. Баимов. Вступ. ст. М. Сагитов, Б. Баимов, С. Галин. Отв. ред. А. Харисов, С. Галин. Уфа: Китап, 1999. 400 с. (на башкир. яз.).

Литература

- Жамалетдин Л. Ш.* Образ дэва в волшебных сказках // На путях научных изысканий (к 75-летию со дня рождения Ильбариса Надирова). Отв. ред. Ф. И. Урманчеев. Казань: Фикер, 2000. С. 134–158 (на татар. яз.).
- Зарипов Н. Т.* Башкирские богатырские сказки. Отв. ред. Г. Р. Хусаинова, А. М. Сулейманов. Уфа: Гилем, 2008. 240 с.
- Киреев А. Н.* Отражение мифологических воззрений в эпическом творчестве башкирского народа // Эпические жанры устного народного творчества. Ученые записки. Вып. 33. Сер. филол. № 13 (17). Труды обществ. науч.-иссл. ин-та фольклористики при Башкирском госун-те. Под ред. проф., д.ф.н. А. Н. Киреева. Уфа: БашГУ, 1969. С. 5–20.
- Кондыбай С.* Казахская мифология. Краткий словарь. Отв. ред. к. филос. н. З. Наурзбаева. Алматы: Нурлы Алем, 2005. 272 с.
- Хисамитдинова Ф. Г.* Мифологический словарь башкирского языка. М.: Наука, 2010. 452 с.
- Хусаинова Г. Р.* О современных записях башкирского фольклора: мифологические рассказы // Хусаинова Г. Р., Юлдыбаева Г. В. Современное состояние башкирского фольклора (сб. науч. ст.). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. С. 150–155.

УДК 398.87

ББК 82.3 (2Рос=Калм)

**ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТРЕХ ВАРИАНТОВ КАЛМЫЦКОЙ
НАРОДНОЙ ПЕСНИ «ШАРА ШИЛИН ГҮЛЗИГЕ» / «[НА] АРХАРА
С ЗОЛОТИСТОЙ ГОРЫ»***Д. В. Убушиева*

В настоящее время сотрудниками отдела фольклора и джангароведения КИГИ РАН готовится к изданию Свод калмыцкого фольклора. В Свод войдут все жанры калмыцкого фольклора: мифы, легенды, предания, эпос, сказки, песни, малые жанры и др. Основной целью свода является двуязычное научное издание уникальных калмыцких фольклорных произведений и введение в широкий научный оборот ранее не публиковавшихся текстов.

Издание свода калмыцкого фольклора основывается на научных принципах текстологии фольклора, изложенных в работах С. Н. Азбелева [Азбелев 1966], В. М. Гацака [Гацак 1971], К. В. Чистова [Чистов 2005] и др. Согласно современным методологическим рекомендациям, тексты фольклора, в том числе и песенные, должны приводиться в оригинальном виде, т. е. без использования метода контаминации, с сохранением всех особенностей исполнительского стиля того или иного сказителя (например, индивидуального произношения или диалектизм). Одной из важных проблем является проблема выбора наиболее репрезентативного из имеющихся вариантов текстов. «Мы обязаны признавать основной ту из нескольких форм одной записи, которая в наибольшей степени отражает конкретный народный вариант, зафиксированный собирателем» [Гацак 1971: 111].

В настоящей статье объектом текстологического анализа стали три варианта калмыцкой народной песни «Шара шилин гүлзиге» / «[На] архара с золотистой горы». Сюжет песни повествует о смертельном ранении младшего брата старшим братом (или дядей) во время охоты. Этот мотив известен многим народам. В монгольском песенном фольклоре он описан К. Н. Яцковской [Яцковская 1987], в калмыцком фольклоре подробно освещен в работах А. Ш. Кичикова [Кичиков 1969], Т. Г. Борджановой [Борджанова 2007] и В. К. Шивляновой [Шивлянова 2003].

Первый вариант песни¹ записан А. М. Листопадовым в 1902 г. во время фольклорной экспедиции в Денисовской станице Сальского округа. Сведения о записи и публикации материалов экспедиции А. М. Листопадова освещены в работах В. К. Шивляновой [Листопадов 1998] и П. Э. Алексеевой [Алексеева 2002]. В. К. Шивлянова отмечает, что в Рукописном отделе ИРЛИ хранится черновая рукопись А. М. Листопадова «Калмыцкие песни, записанные в Денисовской станице Сальского округа в ноябре 1902 г.», содержащая «Приложение» [Листопадов 1998]. Подробное изучение «Приложения» могло бы выявить наиболее полные сведения об информанте, о котором известны лишь его инициалы и фамилия — У. А. Ямчегеров.

Второй вариант обнаружен в Научном архиве КИГИ РАН в личном фонде А. В. и Т. А. Бурдуковых [НА КИГИ РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. 144], в архивном деле под названием «Материалы экспедиции ИВ в Калмыкию (калмыцкие песни, списки информантов...)», которое представляет собой папку, содержащую 14 тонких тетрадей, три подборки листов, дневник калмыцких песен (записей), отчет о поездке в Автономную Калмыцкую область с 16 июля по 15 августа 1935 г. Все материалы написаны от руки на калмыцком и русском языках перьевой ручкой или простым карандашом, с пометками и исправлениями. Тетради и отдельные листы содержат полевые записи калмыцких народных песен, комментарии к ним, пояснения и переводы к отдельным словам. Всего в рукописном деле около 90 образцов песен. Интересующий нас вариант песни датирован 1936 г., в данной работе он впервые вводится в научный оборот. Данный текст представлен в подборке песен, написанных от руки на листах размером 15,5*20 под названием «Выписка текстов песен из газет». Здесь же отмечено, что пес-

¹ Из тех, что стали известны нам до настоящего времени.

ня «Шар шилин хунзд² / Архар с золотистой горы» зафиксирована от сказителя Мучкан Санджи родом из Дунд нутуг Бага-Чоносовского колхоза им. Городовикова вместе с еще восемью образцами калмыцких народных песен, опубликованных в газете «Улан Хальмг» за 1936 г.

Третий вариант песни зафиксирован А. Ш. Кичиковым от 65-летней Б. Боова³, которая, в свою очередь, переняла текст песни от своего свекра Эльстэн Нэвдв, и опубликован в 1969 г. в газете «Хальмг унн» [Кичиков 1969].

В качестве «образцового» варианта песни, следуя хронологическому порядку, определен текст песни в записи 1902 г. от

информанта У. А. Ямчегерова. Для рассмотрения сохранности и изменчивости данных песен применен метод синоптического анализа (развертки) фольклорного текста. Методика «синоптической» записи и установления сходства и различий в сопоставляемых текстах разработана В. М. Гацаком [Гацак 1989]. Данная методика применялась при анализе калмыцких фольклорных текстов Б. Б. Манджиевой, Т. Г. Басанговой [Манджиева 2003; Басангова, Манджиева 2011], Е. Э. Хабуновой [Хабунова 2006] и Д. В. Убушиевой [Убушиева 2012]. Методика предполагает вертикальную развертку текста, которая представляется в таблице.

Таблица результатов синоптического анализа

№	Информант У. А. Ямчегеров (запись А. М. ЛИСТОПАДОВА 1902 г.)	Информант Мучкан Санджи (запись А. В. БУРДУКОВА 1936 г.)	Информант Борлхан Боова (запись А. Ш. КИЧИКОВА 1969 г.)
1	1902 г. — Шара шилин гүлзиге⁴ / [На] архара с золотистой горы 1936 г. — Шар шилин хунздас / От архара с золотистой горы 1969 г. — Шар шилин хунздтнь / Архара с золотистой горы		
2	Шартха гижэ мордлав. / Охотиться отправился [я].	Шархан юнгад оольдв? / Почему соловый ускакал?	Шархтаж харвлав. / Ранил, выстрелив из лука.
3	Шалһдг дагни Бүүмн чамаг / Изысканного красавца, Бюмен в тебя	—	Шалһдг бичкн Бүүмн чаманан / Изысканный маленький Бюмен, в тебя
4	Аакчин эндүрже харвла. / Дядя твой по ошибке выстрелил из лука.	—	Аакнь эндүрэд харвлав. / Дядя твой по ошибке выстрелил из лука.
5	Хо шилин гүлзиге / Архара с желтой горы	—	—
6	Хорахар шииджи мордлав. / С решением убить выехал.	—	—
7	Хулсндан бултасн Бүүмн чамаг / В камышах спрятавшегося Бюмена, в тебя,	—	—
8	Аакчин эндүрже харвла. / Дядя твой по ошибке выстрелил из лука.	—	—
9	Көк шилин гүлзиге / Архара с синей горы	—	—
10	Көөхэр шииджи мордлав. / С решением поймать выехал.	—	—

² Относительно написания и перевода слова «хунзд» А. Ш. Кичиков отмечает, что в тексте песни они неверны. В ойратском языке существует слово «хулз», означающее «архар» [Кичиков 1969]. Учитывая мнение А. Ш. Кичикова, в переводе мы использовали значение «архар».

³ Речь идет о Борлыкковой Боове (Борлхан Боова), записи песен которой, а также аудио-записи сохранились в архиве А. Ш. Кичикова (прим. ред.).

⁴ Тексты песен представлены с сохранением авторской записи, но с использованием современного калмыцкого алфавита.

11	Көөрк бичкин Бүүмн чамаг / Бедняжка маленький Бюмен, в тебя,	—	—
12	Аакчин эндүрже харвла. / Дядя твой по ошибке выстрелил из лука.	—	—
13		1902 г. — Булц уга һазртэ / В местности без впадин 1936 г. — Булг уга һазрт / В местности без родников 1969 г. — Булг уга һазртнь, / В местности без родников,	
14		1902 г. — Бурһсн юн гиже урһсымбэ? / Зачем произрос кустарник? 1936 г. — Бурһсн юнгад урһдв? / Зачем произрос кустарник? 1969 г. — Бурһсн, юнгад учрсмбч? / Зачем появился кустарник?	
15	—	1936 г. — Бух уга һазрт / В местности, где нет оленей 1969 г. — Бух уга һазртнь / В местности, где нет оленей	
16	—	1936 г. — Бүүмн юнгад мөлкдв, / Зачем ползал Бюмен, 1969 г. — Бүүмн, юнгад мөлксмбч? / Зачем же ползал ты, Бюмен?	
17	—	Эмтин бичкн Бүүмниг / Самого маленького Бюмена	
18	Бурһснднь булталгсн Бүүмн чамаг / В кустарнике спрятавшегося Бюмена, в тебя	—	—
19		1902 г. — Аакчин эндүрже харвла. / Дядя твой по ошибке выстрелил из лука. 1936 г. — Ахнь эндүрж харвлн. / Старший брат твой по ошибке выстрелил из лука.	
20	Дзеерин арсыг зүслсн / Шкурой джейрана отмеченный	—	—
21	Ээжин эркэ таниг йаһ бя/? / Что с вами делать, любимец матушки?	—	—
22	Герин эмтн гемжһә, гилә, / Домашние люди говорят, что наивны,	—	Герин күн генн биләл, / Домашние люди наивны были,
23	Гертән /ла/ юуһан келнәт? Дома-то, что скажете?	—	Гертән бичә соңсхит, / Дома не дайте узнать,
24	—	—	Хотна күмн ховч биләл, / Люди из хотона сплетниками были,
25	—	—	Хотндан бичә соңсхит. / В хотоне не дайте узнать.
26	Ардэ эмтн әәмтхә билә. / Оставшиеся [дома] люди боязливы были.	—	—
27	Ардан юуһан келнәт? / Что скажете [дома] потом?	—	—
28	— Аав мини йаһв гихлә, / Отец мой если спросит, где [я]?	—	—
29	Аашна гижә келитә. / Скажите, что иду [я].	—	—
30	Ээжи мини йаһва гихлә, / Мать моя если спросит, где [я]?	—	—
31	Ирхә гижә келитә. / Скажите, что придет.	—	—

32	Гелүң мини йаһва гихлә, / Гелюнг мой если спросит, где [я]?	—	—
33	Гертән гижә келитә. / Скажите, что дома.	—	—
34	1902 г. — Цусн цаһан киилге мини / Окровавленную белую рубашку мою 1936 г. — Цууга цаһан киилгиг / Кипельно- белую рубашку	—	—
35	1902 г. — Цустаһинь оражи ганзһлтн / С кровью к торокам привяжите 1936 г. — Цустаһинь һанзһлад һарлав / С кровью к торокам приладив, выехал.	—	—
36	Цурха цаһан бийи мини / [Как у] шуки белое тело мое	—	—
37	Цулвртын менд өгит. / Отдайте поводьям [коня].	—	—
38	—	1936 г. — Цусн зеерд мөринь / Кроваво –рыжую лошадь 1969 г. — Цусн өңгтә зеердичнь / Кроваво –рыжего [коня]	—
39	—	1936 г. — Цулвраснь көтләд һарлав. / За поводья ведя, вышел. 1969 г. — Цулврарнь көтләд һарлалъв. / За поводья ведя, вышел.	—
40	—	См. № 34	Цудахн цаһан киилгичнь / Кипельно- белую рубашку твою
41	—	См. № 35	Цустаһинь һанзһлад мордлалъв. / С кровью к торокам приладив, отправился.
42	—	—	Зурин арсар зүслгсн / Шкурой косули отмеченный
43	—	—	Ээжнь эркәһән зальгтха! / Пусть мать проглотит свой большой палец!
44	—	—	Алдл уга харвдг / Без промаха стреляющий из лука
45	—	—	Аакиннь цецкәнһ бүлтртхә! / Пусть [глаз] дяди останется без зрчка!

Текст песни 1902 г. содержит 32 строки, 1936 г. — 12 строк, 1969 г. — 20 строк. Синоптическая развертка трех вариантов песни выявила 45 строчных позиций, из которых 3 позиции (№ 1, 13, 14) совпадают текстуально и варьируются в незначительной степени, 2 позиции (№ 1, 2) совпадают строчно, но не текстуально. Выявлено 3 позиции (№ 19, 34, 35) текстуального совпадения в записях 1902 г. и 1936 г. Также выявлено 6 текстуальных совпадений (№ 15, 16, 38, 39, 40, 41) в песнях 1936 г. и 1969 г., из которых 2 позиции (№ 40, 41) строчно не совпадают. Имеются также совпадения

между записями песен 1902 г. и 1969 г. — 4 позиции (№ 3, 4, 22, 23), которые не имеют соответствий в песне записи 1936 г.

Таким образом, наибольшее количество совпадений выявлено в записях песен 1936 г. и 1969 г. — 9 позиций (№ 1, 13, 14, 15, 16, 38, 39, 40, 41), в записях песен 1902 г. и 1969 г. — 7 позиций (№ 1, 3, 4, 13, 14, 22, 23), следовательно, в образцах текстов 1902 г. и 1936 г. наименьшее число совпадений — 6 позиций (№ 1, 13, 14, 19, 34, 35). Так как «варьировать может нечто обладающее устойчивыми характеристиками» [Путилов 2003: 201], то можно за-

ключить, что песня «Шара шилин гүлзиге» / «[На] архара с золотистой горы» однозначно сохраняется во времени: временной промежуток между фиксациями песен 33 и 34 года, а между первой и последней фиксацией — 67 лет. Память сказителя (певца) сохраняет константные единицы⁵, скрепляющие основные композиционные звенья лиро-эпического повествования и обеспечивающие сохранность фольклорного текста во времени.

В Том «Калмыцкие народные песни» Свода калмыцкого фольклора предварительно включены все три варианта песни «Шара шилин гүлзиге» / «[На] архара с золотистой горы». Образцовым и представленным в основном разделе выделен вариант песни, записанный А. М. Листопадовым в 1902 г. Образцы песен, представленные А. М. Бурдуковым в 1936 г. и А. Ш. Кичиковым в 1969 г., будут включены в Приложение как варианты.

Источники

Научный архив КИГИ РАН (НА КИГИ РАН)
Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. 144.

Литература

- Азбелев С. Н.* Основные понятия текстологии в применении к фольклорному материалу // Принципы текстологического изучения фольклора. М.; Л.: Наука, 1966. С. 260–302.
- Алексеева П. Э.* Богшрахинский аймак и богшрахинцы: Краткие исторические очерки / Автор-сост. П. Э. Алексеева. Элиста: АПП «Джангар», 2002. 256 с.
- Борджанова Т. Г.* Обрядовая поэзия калмыков (система жанров, поэтика). Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 592 с.
- Гацук В. М.* Героические песни собрания Александри и проблема их основного текста // Текстологическое изучение эпоса. М.: Наука, 1971. С. 109–147.
- Гацук В. М.* Устная эпическая традиция во времени. Историческое исследование поэтики. М.: Наука, 1989. 256 с.
- Кичиков А. Ш.* Хуучна нег дууна тускар // Хальмг үнн. 1969. 21 июня.
- Манджиева Б. Б.* Пролог Малодербетовской версии «Джангара» (Синоптический разбор трех вариантов) // Монголоведение в новом тысячелетии. Мат-лы Междунар. науч. конф. Элиста: КалмГУ, 2003. С. 140–141.
- Манджиева Б. Б., Басангова Т. Г.* Калмыцкая кумулятивная сказка: проблемы классификации и сохранности текстов // Вестник КИГИ РАН. 2011. № 1. С. 177–181.
- Путилов Б. Н.* Фольклор и народная культура; In memoiam. СПб.: Петербург. востоковед., 2003. 464 с.
- Убушиева Д. В.* Синоптический анализ калмыцкой народной песни, посвященной Отечественной войне 1812 года // Участие народов России в Отечественной войне 1812 г.: Мат-лы Всерос. науч. конф. (г. Элиста, 11–14 сентября 2012 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2012. С. 242–245.
- Хабунова Е. Э.* Героический эпос «Джангар»: поэтическая константа богатырского жизненного цикла (сравнительное изучение национальных версий). Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2006. 255 с.
- Чистов К. В.* Фольклор. Текст. Традиция: Сб. ст. / К. В. Чистов. М.: ОГИ, 2005. 272 с.
- Листопадов А. М. Калмыцкие песни, записанные в Денисовской станице Сальского округа в ноябре 1902 г. / публ. В. К. Шивляновой // Из истории русской фольклористики. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. Вып. 4, 5. С. 541–560.
- Шивлянова В. К.* Два варианта монгольской народной охотничьей песни // Mongolica–VI: Сб. ст. СПб.: Петербург. Востоковед., 2003. 94–95.
- Яцковская К. Н.* Дэрбэт Хархүүгийн Гүнзэн и его песни // Актуальные проблемы современного монголоведения. Улан-Батор: Госиздат, 1987. С. 234–239.

⁵ В тексте выделены полужирным шрифтом.

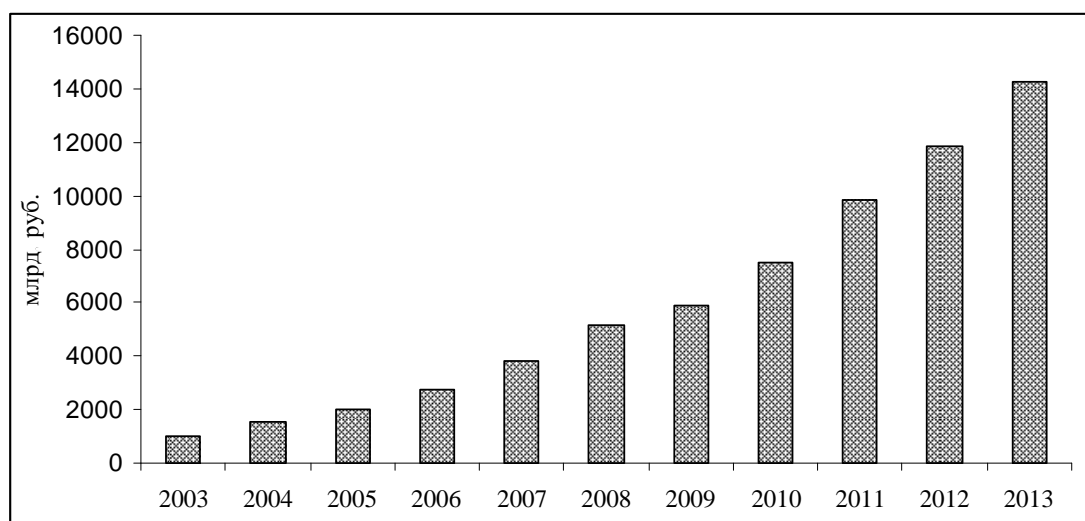
УДК 311:336.71
ББК 60.6+65.05

**СТАТИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РЫНКА ЧАСТНЫХ ДЕПОЗИТОВ:
РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

С. Г. Бабич

Для финансирования долгосрочных инновационных проектов и создания конкурентоспособной на международном рынке продукции функционирующие в стране коммерческие банки должны обладать необходимыми финансовыми ресурсами, важным источником которых в течение последних десяти лет являются депозиты физических лиц.

В течение рассматриваемого периода объем частных вкладов в российских коммерческих банках увеличился почти в 13,8 раз и к началу 2013 г. составил, по данным Центрального Банка (ЦБ) России, 14251,0 млрд руб., их удельный вес в ВВП страны возрос с 9,5 % до 22,9 %, а в совокупных пассивах банковского сектора страны — с 24,8 % до 28,8 % (см. рис. 1).

*Рис. 1. Динамика депозитов населения в кредитных организациях РФ, млрд руб.
[Обзор банковского сектора 2008: 2; 2013: 2]*

Росту объемов депозитов физических лиц способствовало не только улучшение финансового положения предприятий и организаций и повышение уровня жизни населения, но и принятие Федерального закона «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации», и формирование системы страхования вкладов.

Позитивной тенденцией на рынке частных вкладов за период 2003–2012 гг. является рост доверия населения к банковской системе, в результате чего наблюдалось

увеличение удельного веса депозитов физических лиц сроком свыше 1 года с 35,3 % до 58,9 %. Доля депозитов до востребования и сроком до 30 дней возросла в течение рассматриваемого периода на 1 п.п. и составила 19,1 %, а удельный вес вкладов граждан сроком от 31 дня до 1 года сократился с 45,8 % до 22,0 %, т. е. в настоящее время в стране сохраняется возможность и желание граждан направлять свои средства в банковский сектор на достаточно продолжительный период (см. рис. 2).

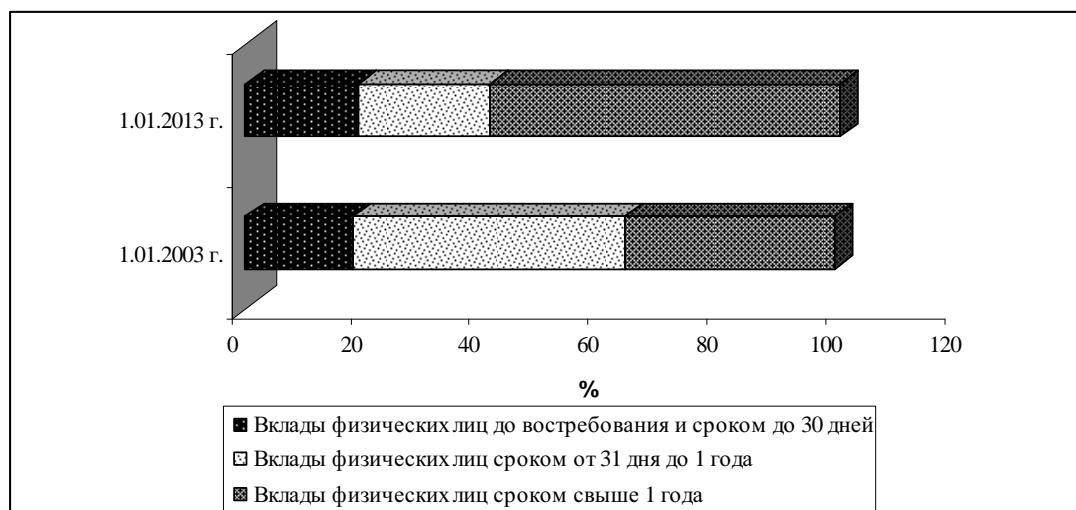

Рис. 2. Структура вкладов физических лиц в кредитных организациях страны по срокам, в %
 Рассчитано по: [Обзор банковского сектора 2003: 17; 2013: 27]

В течение рассматриваемого периода времени объем вкладов физических лиц до востребования и сроком до 30 дней увеличился в 14,6 раз, вкладов сроком

от 31 дня до 1 года — в 6,7 раз, но самые высокие темпы роста демонстрировали депозиты населения сроком свыше 1 года — в 23,1 раза (см. рис. 3).

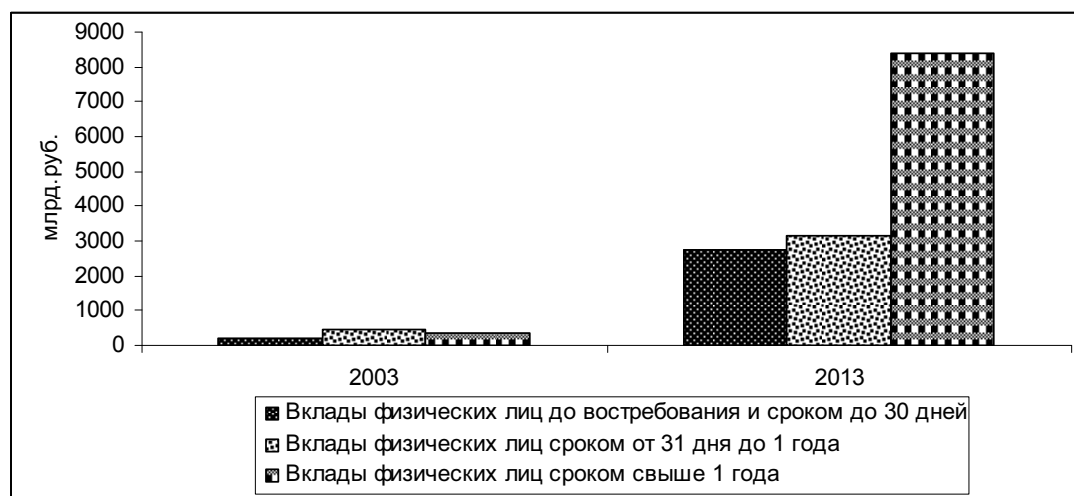

Рис. 3. Динамика вкладов населения в кредитных организациях РФ, млрд руб.
 [Обзор банковского сектора 2003: 17; 2013: 27]

Одновременное увеличение объема вкладов физических лиц и сроков привлечения денежных средств создает благоприятные условия для формирования долгосрочной ресурсной базы коммерческих банков страны и расширения их участия в кредитовании реального сектора экономики.

О росте доверия граждан к национальной валюте свидетельствует и тот факт, что подавляющая часть всех привлекаемых банковским сектором страны средств населения размещается на рублевых счетах. За период с 2003 г. по 2012 г. удельный вес средств в национальной валюте возрос на 20 п.п. (с 62,6 % до 82,6 %) (табл. 1).

Таблица 1. Структура вкладов физических лиц в кредитных организациях (в %)

	1.01.2003			1.01.2013		
	Депозиты населения всего	в том числе		Депозиты всего	в том числе	
		в рублях	в иностранной валюте		в рублях	в иностранной валюте
Центральный	100,00	50,10	49,90	100,00	75,08	24,92
Северо-Западный	100,00	62,02	37,98	100,00	83,56	16,44
Южный	100,00	74,52	25,48	100,00	91,97	8,03
Северо-Кавказский	100,00	73,33	26,67	100,00	93,13	6,87
Приволжский	100,00	77,00	33,00	100,00	91,85	8,15
Уральский	100,00	72,85	27,15	100,00	88,83	11,17
Сибирский	100,00	78,51	21,49	100,00	93,64	6,36
Дальневосточный	100,00	69,89	30,11	100,00	93,06	6,94
РФ	100,00	62,56	37,44	100,00	82,57	17,43

Рассчитано по данным: [Бюллетень банковской статистики 2003: 30–33; 2013: 177–179] в соответствии с новым административным делением округов

Несмотря на рост доли депозитов граждан в рублях в кредитных организациях всех федеральных округов, наблюдаются региональные различия в предпочтениях граждан: в коммерческих банках Центрального федерального округа четвертая часть всех депозитов физических лиц размещается на валютных счетах, а в кредитных организациях пяти федеральных округов данный показатель не превышает 10 %.

В регионах страны соотношение рублевых вкладов физических лиц и депозитов в иностранной валюте различается. Так, например, если в начале 2003 г. в кредитных организациях г. Москвы и Калининградской области удельный вес вкладов населения в рублях в общем объеме частных депозитов в кредитных организациях региона составлял 40 % и 49 % соответственно, а в большинстве субъектов РФ доля частных депозитов в рублях находилась в пределах от 65 % до 85 %, то к январю 2013 г. удельный вес частных рублевых депозитов в г. Москве и Калининградской области возрос до 69 % и 82 % соответственно, а в коммерческих банках подавляющего количества регионов (73 субъектах) страны доля рублевых депозитов населения превышала 90 % в общем объеме вкладов физических лиц. Такое изменение структуры вкладов населения в субъектах РФ объясняется не только возрастанием доверия граждан к национальной валюте, но и улучшением

макроэкономической ситуации в нашей стране.

Объем депозитов населения в течение рассматриваемого периода увеличивался во всех федеральных округах, но наиболее высокими темпами возрастали вклады физических лиц в Центральном Федеральном округе — в 15,2 раз, наименьшими (в 11,1 раз) — в Северо-Кавказском.

Необходимо отметить, что, несмотря на значительное снижение Индекса Хиршмана-Герфиндаля, характеризующего степень концентрации операций, в течение последних десяти лет, по данным ЦБ России, с 0,460 до 0,216, в банковском секторе страны сохраняется высокая концентрация на рынке вкладов населения [Отчет о развитии 2002: 61; 2012: 20]

Снижение доли Сбербанка России в общем объеме привлекаемых банковским сектором депозитов физических лиц в 67,3 % в начале 2003 г. до 45,7 % к январю 2013 г. [Отчет о развитии 2002: 16; 2012: 25] свидетельствует об изменении ситуации на данном сегменте рынка банковских услуг и усилении конкуренции за привлечение вкладов граждан.

О существенной концентрации на рынке частных вкладов свидетельствует и тот факт, что удельный вес пяти банков, имеющих наибольшие объемы вкладов в общем объеме вкладов, на 1.01.2013 составлял 53,8 % [Отчет о развитии 2012: 20].

Неравномерность социально-экономического развития субъектов РФ и различия в уровне жизни населения проявляются в существенной региональной дифференциации кредитных организаций по объему привлекаемых депозитов физических лиц. По данным ЦБ России, на начало 2013 г. почти

половина общего объема частных вкладов приходилась на коммерческие банки Центрального Федерального округа, причем за период с 2003 г. по 2012 г. концентрация денежных средств физических лиц в кредитных организациях данного федерального округа только усилилась (см. рис. 4).

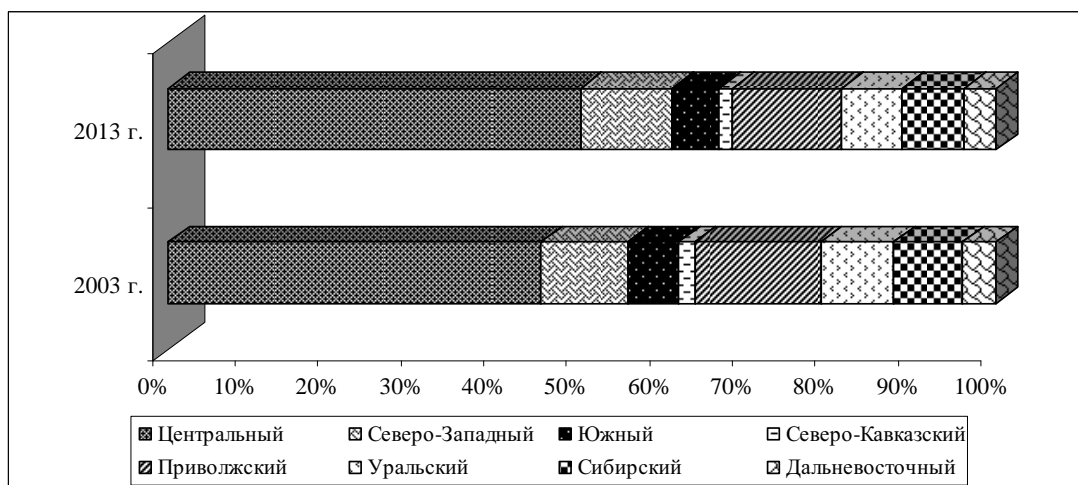

Рис. 4. Структура привлекаемых вкладов населения в кредитных организациях федеральных округов на начало года, в % к итогу

Рассчитано по: [Бюллетень банковской 2003: 30–33; 2013: 177–179]
в соответствии с новым административным делением округов

Второе место по объему привлекаемых в коммерческие банки депозитов населения занимает Приволжский Федеральный округ, несмотря на снижение его удельного веса в течение рассматриваемого периода с 15,2 % до 13,2 %. Но самая неблагоприятная ситуация на рынке частных депозитов сохраняется в Северо-Кавказском Федеральном округе, на долю кредитных организаций которого приходится менее 2 % от общего объема депозитов физических лиц в банковском секторе страны.

Из субъектов РФ по объему вкладов физических лиц в кредитных организациях лидирует г. Москва, на долю которой на начало 2013 г. приходилось 36,6 % от общего объема частных депозитов. Из других регионов страны на рынке частных депозитов

в коммерческих банках заметно выделяются г. Санкт-Петербург, Московская область, Краснодарский край, Республика Татарстан, Самарская, Свердловская и Тюменская области, удельный вес которых в начале 2013 г. достигал 23,5 %.

Если на рынке депозитов населения в рублях, по данным на начало 2013 г., удельный вес коммерческих банков Центрального Федерального округа составлял 45,0 %, то рынок депозитов физических лиц в иностранной валюте отличается более высокой концентрацией вкладов в кредитных организациях Центрального Федерального округа, удельный вес которого составлял 71,2 %.

По объему вкладов населения в расчете на душу населения также отмечаются региональные различия (см. рис. 5).

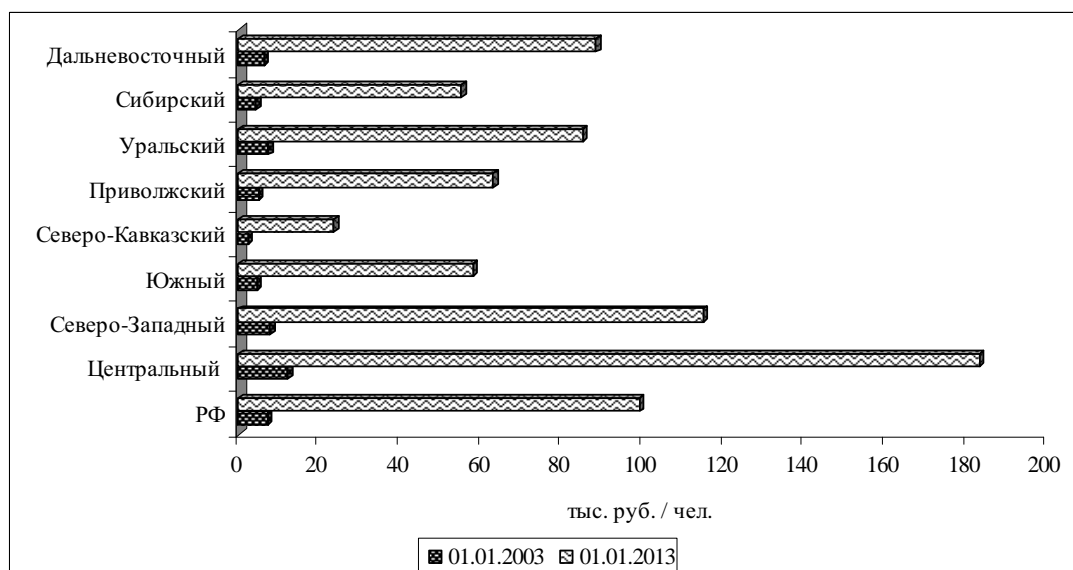

Рис. 5. Динамика объемов вкладов населения в кредитных организациях в расчете на душу населения (тыс. руб./чел.)

Рассчитано по: [Бюллетень банковской 2003: 30–33; 2013: 177–179; Российский статистический 2006; Россия в цифрах 2013: 46–52] в соответствии с новым административным делением округов

Если в целом по РФ к январю 2013 г. объем депозитов физических лиц в расчете на душу населения в кредитных организациях составлял 99,2 тыс. руб., то самое высокое значение данного показателя, почти в 2 раза превышающее аналогичный среднероссийский уровень, отмечается в Центральном Федеральном округе, наименьшее — в Северо-Кавказском Федеральном округе. Как видно на рис. 4, только в двух федеральных округах страны (Центральном и Северо-Западном) среднедушевой объем депозитов населения в коммерческих банках превышает среднероссийский уровень. Региональные различия по степени склонности размещения средств граждан в кредитных организациях страны объясняются не только дифференциацией населения по величине среднедушевых денежных доходов, но и менталитетом населения, степенью доверия граждан к системе страхования банковских вкладов, а также наличием других возможностей для размещения своих денежных средств.

Депозиты населения являются важным источником роста пассивов кредитных организаций, а их объем в свою очередь во многом зависит от уровня денежных доходов населения в конкретном регионе страны. На основе проведенного корреляционно-регрессионного анализа можно утверждать о наличии сильно выраженной прямой зависимости объема частных вкладов

в расчете на душу населения от величины среднедушевых денежных доходов населения. Рассчитанный по данным на начало 2013 г. линейный коэффициент корреляции (r_{yx}) в целом по РФ составил 0,824. Коэффициент детерминации $r^2_{yx} \approx 0,679$, т. е. изменение объема частных вкладов в кредитных организациях страны на 67,9 % зависит от размера среднедушевых денежных доходов населения, а на 32,1 % — от изменений прочих факторов.

Необходимо отметить, что практически во всех федеральных округах страны отмечается сильная зависимость объема депозитов физических лиц в расчете на душу населения от величины среднедушевых денежных доходов населения, кроме Северо-Кавказского Федерального округа, в котором наблюдается слабая связь между данными показателями. Это объясняется прежде всего низким уровнем доходов населения и недостаточной институциональной обеспеченностью банковскими услугами в субъектах Северо-Кавказского Федерального округа.

Для сравнительной характеристики уровня депонирования денежных средств физических лиц в коммерческих банках субъектов страны наиболее предпочтительно применение индексного метода. Важнейшим показателем, характеризующим степень развитости рынка частных вкладов

в кредитных организациях в регионах страны, является Индекс развития сберегательного дела физических лиц ($I_{сб.д}$), который рассчитывается путем сравнения отношения объема частных вкладов в расчете на душу населения в кредитных организациях региона к величине среднедушевых денежных доходов населения в регионе с аналогичным показателем в целом по РФ.

По величине рассчитанного по данным Росстата и ЦБ России на начало 2003 г. и 2013 г. Индекса развития сберегательного дела физических лиц субъекты РФ, по которым производилось исследование, можно условно разделить на пять групп. В первую группу включены регионы страны, в которых степень депонирования средств физических лиц в коммерческих банках находится на очень низком уровне — с величиной Индекса развития сберегательного дела физи-

ческих лиц более чем в два раза ниже аналогичного среднероссийского показателя ($I_{сб.д} < 0,50$). Вторую группу составили регионы, в которых степень депонирования средств физических лиц в коммерческих банках находится на низком уровне — при величине Индекса развития сберегательного дела физических лиц от 0,51 до 0,90. В третью группу включены регионы, в которых степень депонирования средств населения находится на уровне страны в целом ($0,9 < I_{сб.д} < 1,10$). Регионы, составляющие четвертую группу, отличаются повышенным (по сравнению с аналогичным показателем в целом по стране) уровнем депонирования денежных средств физических лиц в кредитных организациях ($1,11 < I_{сб.д} < 1,50$). Регионы пятой группы характеризуются очень высокой степенью развитости сберегательного дела ($I_{сб.д} > 1,50$) (табл. 2, 3).

Таблица 2. Группировка субъектов РФ по величине Индекса развития сберегательного дела на начало 2003 г.¹

№ группы	Величина $I_{сб.д}$	Регионы	
1 (14 регионов)	до 0,5	Республики: Края: Области: Города федерального значения: Автономные области: Автономные округа:	Алтай, Бурятия, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкарская, Калмыкия, Карачаево-Черкесская, Северная Осетия – Алания, Тыва Камчатская, Ленинградская, Сахалинская Еврейская Чукотский
2 (35 регионов)	0,50–0,90	Республики: Края: Области: Города федерального значения: Автономные области: Автономные округа:	Адыгея, Башкортостан, Карелия, Коми, Марий Эл, Мордовия, Саха (Якутия), Чувашская, Хакасия Алтайский, Красноярский Амурская, Архангельская, Астраханская, Брянская, Волгоградская, Иркутская, Кемеровская, Кировская, Курганская, Курская, Липецкая, Новгородская, Новосибирская, Омская, Оренбургская, Орловская, Пермская, Псковская, Ростовская, Смоленская, Тамбовская, Томская, Челябинская, Читинская

¹ Составлена автором.

3 (16 регионов)	0,91–1,10	Республики: Края: Области: Города федерального значения: Автономные области: Автономные округа:	Коми, Татарстан, Удмуртская Хабаровский Вологодская, Костромская, Московская, Новосибирская, Пензенская, Рязанская, Самарская, Саратовская, Свердловская, Тверская, Тюменская, Ульяновская
4 (13 региона)	1,11–1,50	Республики: Края: Области: Города федерального значения: Автономные области: Автономные округа:	Краснодарский Белгородская, Владимирская, Воронежская, Ивановская, Калининградская, Калужская, Мурманская, Нижегородская, Тульская, Ярославская Москва, Санкт-Петербург
5 (2 региона)	1,50 и более	Республики: Края: Области: Города федерального значения: Автономные области: Автономные округа:	Ставропольский Магаданская

Таблица 3. Группировка субъектов РФ по величине Индекса развития сберегательного дела на начало 2013 г.²

№ группы	Величина $I_{сб.д}$	Регионы	
1 (13 регионов)		Республики: Края: Области: Города федерального значения Автономные области: Автономные округа:	Адыгея, Алтай, Бурятия, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкарская, Калмыкия, Карачаево-Черкесская, Северная – Осетия (Алания), Тыва, Чеченская Забайкальский Курганская

² Составлена автором.

2 (54 регионов)	0,50–0,90	Республики: Края: Области: Города федерального значения: Автономные области: Автономные округа:	Башкортостан, Карелия, Коми, Марий Эл, Мордовия, Саха (Якутия), Татарстан, Удмуртская, Чувашская, Хакасия Алтайский, Краснодарский, Красноярский, Пермский, Ставропольский Амурская, Архангельская, Астраханская, Белгородская, Брянская, Волгоградская, Вологодская, Ивановская, Иркутская, Калужская, Кемеровская, Кировская, Костромская, Курская, Ленинградская, Липецкая, Московская, Нижегородская, Новгородская, Омская, Оренбургская, Орловская, Пензенская, Псковская, Ростовская, Рязанская, Саратовская, Сахалинская, Свердловская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Томская, Тульская, Тюменская, Ульяновская, Челябинская Еврейская Чукотский
3 (9 регионов)	0,91–1,10	Республики: Края: Области: Города федерального значения: Автономные области: Автономные округа:	Камчатский, Приморский, Хабаровский Владимирская, Воронежская, Магаданская, Мурманская, Новосибирская, Ярославская
4 (2 региона)	1,11–1,50	Республики: Края: Области: Города федерального значения: Автономные области: Автономные округа:	Калининградская, Самарская
5 (2 региона)	1,50 и более	Республики: Края: Области: Города федерального значения: Автономные области: Автономные округа:	Москва, Санкт-Петербург

Как видно из таблиц 2 и 3, в стране произошли существенные изменения в составах групп регионов РФ по величине Индекса развития сберегательного дела физических лиц. Количество субъектов, составляющих вторую «слабую» группу

по величине данного Индекса, возросло в течение рассматриваемого периода на 19 единиц (на 54,3 %) за счет уменьшения числа регионов, отличающихся более высоким уровнем депонирования средств в банковском секторе.

Полученное распределение субъектов РФ по величине Индекса развития сберегательного дела объясняется значительной дифференциацией регионов страны по величине среднедушевых денежных доходов населения, что обуславливает и различия возможностей граждан депонировать свои средства в коммерческих банках. Так, например, величина среднедушевых денежных доходов населения в г. Москве в начале 2013 г. более чем в два раза превышала аналогичные показатели в субъектах Северо-Кавказского Федерального округа, составляющих первую (самую «слабую») группу по величине Индекса развития сберегательного дела физических лиц.

В большинстве регионов страны наблюдается умеренная (по сравнению со среднероссийским уровнем) активность на рынке привлечения средств граждан в кредитные организации. На современном этапе для более активного участия банковского сектора в развитии реального сектора экономики и модернизации промышленного производства необходимо создание условий для того, чтобы население предпочитало депонировать свои средства в коммерческих банках страны на долгосрочный период времени, и прежде всего речь идет о повышении ставок по вкладам населения.

Источники

- Бюллетень* банковской статистики [электронный ресурс] // URL: <http://www.cbr.ru/publ/BBS/Bbs1301r.pdf> (дата обращения: 04.09.2013; 26.09.2013).
- Обзор* банковского сектора Российской Федерации (интернет-версия) февраль 2003 г. [электронный ресурс] // URL: http://www.cbr.ru/archive/archive/root_get_blob.aspx?doc_id=4447 (дата обращения: 12.09.2013; 02.10.2013).
- Обзор* банковского сектора Российской Федерации (интернет-версия) № 64 2008 г. [электронный ресурс] // URL: http://www.cbr.ru/archive/archive/root_get_blob.aspx?doc_id=8555 (дата обращения: 04.09.2013).
- Обзор* банковского сектора Российской Федерации (интернет-версия) № 124 февраль 2013 г. [электронный ресурс] // URL: http://www.cbr.ru/analytics/bank_system/obs_1302.pdf?pid=bnksyst&sid=ITM_43323 (дата обращения: 14.09.2013; 03.10.2013).
- Отчет* о развитии банковского сектора и банковского надзора в 2002 году [электронный ресурс] // URL: http://www.cbr.ru/publ/archive/root_get_blob.aspx?doc_id=7204 (дата обращения: 12.09.2013; 1.10.2013).
- Отчет* о развитии банковского сектора и банковского надзора в 2012 году. [электронный ресурс] // URL: http://www.cbr.ru/publ/archive/root_get_blob.aspx?doc_id=9410 (дата обращения: 14.09.2013; 3.10.2013).
- Россия в цифрах*. 2013. [электронный ресурс] // URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_11/Main.htm (дата обращения: 03.09.2013; 23.09.2013).
- Российский* статистический ежегодник 2006. [электронный ресурс] // URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b06_13/IssWWW.exe/Stg/d01/04-03.htm (дата обращения: 06.02.2013).

УДК 330.322(2Чеч)

ББК 65.053(2Чеч)

ПЕРСПЕКТИВЫ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕГИОНЕ (на примере Чеченской Республики)

Т. Ш. Ахмадова

Для определения приоритетных отраслей экономики Чеченской Республики (далее — ЧР) необходимо выявить потенциал региона, включая промышленно-производственные, интеллектуальные, социально-экономические составляющие, и на основе комплексного анализа определить оптимальный путь развития на долгосрочную перспективу [Программа комплексной стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского Федерального округа до 2025 г. 2010: 79]. Устойчивая динамика позитивных изменений в стабилизации общественно-политической ситуации и социально-экономическом развитии Чеченской Республики могла бы способствовать повышению интереса к данному региону как российских, так и иностранных инвесторов [Стратегия социально-экономического развития Чеченской Республики до 2020 г. 2009: 58].

До последнего времени в экономической науке не было сформировано четкое целостное представление об анализе инвестиций как самостоятельном направлении исследований в рамках экономического анализа. В ходе постановки и решения комплекса задач, относящихся к проблемам реализации долговременных капиталовложений, возникает необходимость аналитического обоснования одновременно финансовых, инвестиционных и операционных решений [Колмыкова 2009: 21].

Цель инвестиционного анализа состоит не только в объективной оценке целесообразности осуществления кратко- и долгосрочных инвестиций, но и в разработке базовых ориентиров инвестиционной политики компании. В условиях ЧР необходимо провести SWOT-анализ, чтобы выявить преимущества и слабые стороны региона при активизации инвестиционной деятельности на его территории [Колмыкова 2009: 22].

По нашему мнению, перспективы дальнейшего развития Чеченской Республики в этой области могут быть связаны с ростом

мирового энергопотребления (углеводородного сырья) и увеличением интереса к региону со стороны иностранных инвесторов; со стабильно высокими темпами роста спроса на внутреннем рынке региона; с реализацией приоритетных национальных и межрегиональных проектов и региональных стратегий крупного бизнеса, способствующих росту капитализации региона; с интеграцией транспортной и энергетической систем региона как в общероссийскую, так и в глобальную сеть; с ускоренным развитием «городского узла» — Грозного и близлежащих городов, с акцентом на инновационные кластеры, образование и технологически сложные производства; с увеличением степени переработки природных ресурсов и развитием соответствующих кластеров, включая увеличение доступа малых и средних компаний к сырьевым ресурсам и продукции первичной переработки; с развитием специализированного образовательного кластера при использовании имеющегося потенциала образовательных и научных учреждений региона; с развитием кластеров и сфер, связанных с производством продукции и услуг для ресурсодобывающих и перерабатывающих секторов, включая поставщиков оборудования комплектующих и связанных услуг; с развитием новых секторов и кластеров, связанных с технологиями охраны окружающей среды и энергосбережением, а также с потребительскими товарами и услугами (пищевая промышленность, строительные материалы и др.); с развитием туризма на Юге России.

Слабыми сторонами в развитии экономики Чеченской Республики являются: дефицит квалифицированных кадров, высокий уровень безработицы; низкая добавленная стоимость продукции, значительные издержки производства, в том числе обусловленные высокими тарифами на электроэнергию; неразвитость финансовой инфраструктуры, низкий уровень инновационной активности, диспропорции тер-

риториального развития [Стратегия социально-экономического развития Чеченской Республики до 2020 г. 2009: 72].

Основными факторами ограничения в развитии Чеченской Республики выступают: повышение конкуренции на мировом рынке углеводородов; возможность высокого уровня инфляции в национальной экономике в связи с мировым финансово-экономическим кризисом; структурный дисбаланс рынка труда, высокая дифференциация уровня жизни населения, рост теневой экономики [Стратегия социально-экономического развития Чеченской Республики до 2020 г. 2009: 74].

В целях разрешения вышеуказанных проблем в Чеченской Республике сформирован пакет приоритетных инвестиционных проектов с объемом инвестиций более 149 млрд рублей, а также определен перечень наиболее приоритетных инвестиционных площадок. Приняты нормативные правовые акты, которые гарантируют инвесторам максимальную защиту прав инвесторов и реальную поддержку со стороны государства, в числе которых Закон Чеченской Республики «Об инвестициях и гарантиях инвесторам в Чеченской Республике»; Постановление Правительства Чеченской Республики «О залоговом фонде Чеченской Республики» [Стратегия социально-экономического развития Чеченской Республики до 2020 г. 2009: 59]. Ведется активное позиционирование республики на ведущих мировых площадках по продвижению инвестиционных проектов и привлечению инвестиций.

В список приоритетных для Чеченской Республики проектов вошло строительство 40 мини-ГЭС суммарной мощностью 100 мегаватт. Запуск каскада ГЭС на реке Аргун позволит республике обходиться собственной энергией даже во время пиковых нагрузок. Электроэнергией будут обеспечены до 500 тысяч жителей сел и городов.

В сфере развития промышленности важен проект стоимостью 325 млн рублей, направленный на организацию производства светодиодных осветительных приборов, который планируют реализовать в Заводском районе Грозного. В то же время четыре крупных российских банка заявили, что заинтересованы в кредитовании строительства завода литиево-ионных аккумуляторов стоимостью 2,5 млрд рублей. В сфере легкой промышленности запланировано открытие обувного и кожевенного заводов.

Что касается отрасли АПК, то в перечень приоритетных предложений вошло строительство комбината детского питания на территории Октябрьского района Грозного, рисоперерабатывающего комплекса и консервного завода. Первый проект оценивается в 1,3 млрд рублей, возможно, он получит софинансирование Инвестиционного фонда РФ.

Инвестиционную деятельность на территории Чеченской Республики активно ведут естественные монополии. В 2008 г. подразделениями ОАО «Газпром», ОАО «Российские железные дороги», РАО «ЕЭС России», НК «Роснефть» было предусмотрено инвестирование в экономику Чеченской Республики 7 133,0 млн рублей, в том числе в производственную сферу — свыше 5 700 млн рублей. Государственная корпорация «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)» и Закрытое акционерное общество «Инновационный строительный технопарк „Казбек“» подписали кредитное соглашение о предоставлении республике 4,4 млрд рублей сроком на 9,5 лет. Согласно документу, кредитные средства будут направлены на финансирование проекта строительства первого инновационного технопарка на территории Чеченской Республики, объединяющего комплекс четырех взаимосвязанных производств современных строительных материалов: блоков и плит из газобетона, фиброцементных плит, сухих строительных смесей и строительной извести.

Проект включен в перечень приоритетных проектов Чеченской Республики, а также в перечень перспективных проектов Стратегии развития Северо-Кавказского Федерального округа до 2025 г. Целью его реализации является обеспечение строительного рынка СКФО качественными и доступными по цене строительными материалами на базе освоения собственных минерально-сырьевых ресурсов региона. В связи с высокой значимостью данного проекта для социально-экономического развития СКФО ОАО «Корпорация развития Северного Кавказа» также примет участие в реализации проекта путем вхождения в уставный капитал заемщика. Общая стоимость проекта составляет 5 млрд рублей. Кредит «Внешэкономбанка» планируется направить на приобретение иностранного оборудования, строительство основных производственных объектов проекта, создание необходимой инфраструктуры.

Реализация соглашения будет способствовать: созданию более 250 новых рабочих мест, а также увеличению занятости в смежных отраслях более чем на 2 тыс. человек; внедрению инновационных ресурсосберегающих технологий в строительную отрасль республик Северного Кавказа; успешной реализации государственной программы «Обеспечение доступным и комфортным жильем граждан Российской Федерации» на Северном Кавказе, в том числе за счет снижения себестоимости строительства жилья не менее чем на 30 %; созданию дополнительного источника налоговых поступлений в бюджет Чеченской Республики.

Одним из свидетельств стабилизации общественно-политической ситуации в Чеченской Республике является строительство жилья за счет внебюджетных источников. Как полноправный субъект Российской Федерации Чеченская Республика уделяет особое внимание развитию межрегионального сотрудничества. Чеченская Республика имеет договорные отношения с 44 субъектами Российской Федерации. Укрепление межрегиональных интеграционных связей стимулирует взаимовыгодные для всех сторон инвестиции, внедрение инноваций, более эффективное разделение труда и рост его производительности, повышение уровня жизни населения.

Между Правительством Чеченской Республики и южнокорейской фирмой «Ко-Чен» заключен контракт на реализацию инвестиционного проекта по строительству и эксплуатации модульного кирпичного завода мощностью 35 млн штук условного кирпича в год с ориентировочным объемом инвестиций 15 млн долларов США.

В целях дальнейшего развития инвестиционной деятельности руководством Чеченской Республики проводится работа, направленная на налаживание взаимовыгодных экономических отношений с деловыми кругами России и зарубежья. В частности, реализованы два совместных инвестиционных проекта: предприятие «Электропульт — Грозный» по производству современного высоковольтного и низковольтного оборудования, а также организация совместного производства на базе ГУП «Электромеханический завод» по производству лифтов [Стратегия социально-экономического развития Чеченской Республики до 2020 г. 2009: 62].

В последние годы наблюдается значительный рост объема инвестиций в регионы СКФО, но, тем не менее, объем частных инвестиций на душу населения остается в республике самым низким среди федеральных округов России.

Распределение инвестиций по регионам очень неравномерно. Так, Республика Дагестан, Чеченская Республика и Ставропольский край по этому параметру вполне сопоставимы с регионами Центрального Федерального округа, тогда как остальные регионы сильно отстают.

Доля государства в структуре инвестиций в регионы СКФО очень существенна, в среднем она составляет примерно 40–50 % от общего объема (при среднем показателе по РФ около 30 %). В ЧР этот показатель превышает 90 % [Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского Федерального округа до 2025 г. 2010: 79]. При этом важно отметить, что инвестиции направлены не на развитие «реального» сектора экономики, а на социальные проекты и мероприятия.

Возможность экономической кооперации республик Северного Кавказа стратегически базируется на основе определения «точек роста», на особенностях экономических потенциалов для стабильного и поступательного развития территории, охватывающей Северо-Кавказский экономический район и обеспечивающей увязку интересов бизнеса и населения через выработку различных производственных, инвестиционных, социальных проектов, региональных и межрегиональных программ.

Стоимость строительства региональной мультисервисной сети в Чеченской Республике составит 1,8 млрд руб., выделенных из федерального бюджета, согласно постановлению Правительства РФ. Мультисервисными называют сети, поддерживающие передачу голоса, данных и видеоизображений. Проект «Мультисервисная сеть Чеченской Республики» включает в себя как собственно строительство, так и проектно-изыскательские работы. Исходя из вышеуказанного постановления, к 2013 г. в рамках проекта будут возведены 44 базовые станции, 15 зданий узлов доступа, 13 земных станций спутниковой связи, 52 пункта широкополосного радиодоступа, создана мультисервисная сеть связи пропускной способностью 10 Гбит/сек и проложена волоконно-оптическая линия связи протяженностью 372 км.

В основе аналитического обоснования при принятии управленческих решений инвестиционного характера лежат оценка и сравнение объема предполагаемых инвестиций и будущих денежных поступлений. Общая логика анализа с использованием формализованных критериев состоит в сравнении величины требуемых инвестиций с прогнозируемыми доходами. Поскольку сравниваемые показатели относятся к различным моментам времени, ключевой становится проблема их сопоставимости [Колмыкова 2009: 23].

Низкий показатель частных инвестиций в СКФО обусловлен, на наш взгляд, несколькими причинами, среди которых высокие риски, недостаток инфраструктуры и стимулов для инвесторов; отсутствие крупных инвесторов на внутреннем рынке; недостаток компетенций и средств на проработку проектов у предприятий и предпринимателей регионов СКФО; неразвитый сектор предпринимательства.

Наибольшая доля инвестиций в СКФО приходится на транспорт и связь. На втором и третьем местах — производство и распределение электроэнергии, газа и воды, операции с недвижимым имуществом. В целом структура инвестиций по регионам СКФО похожа. Однако стоит отметить, что в Республике Ингушетия, в которой инвестиции в сферу государственного управления составили 58 %, доля инвестиций в промышленность и сельское хозяйство — меньше 2,5 % [Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского Федерального округа до 2025 г. 2010: 80].

Традиционно под инвестиционной привлекательностью понимается наличие таких условий инвестирования, которые влияют на предпочтения инвестора в выборе того или иного объекта инвестирования. Объектом инвестирования может выступать отдельный проект, предприятие в целом, корпорация, город, регион, страна. Нетрудно выделить то общее, что ставит их в один ряд: наличие собственного бюджета и собственной системы управления. Объект каждого уровня (и его инвестиционная привлекательность) обладает собственным набором значимых свойств [Колмыкова 2009: 158].

Основные преимущества при создании благоприятного инвестиционного климата на территории Чеченской Республики: наличие в структуре потребления населения

высокой доли продукции, ввозимой из-за пределов республики (по экспертным оценкам — до 90 %), делает потенциально конкурентоспособными практически любые инвестиционные проекты, связанные с импорт замещением и направленные на удовлетворение местного спроса; ресурсно-сырьевая база позволяет осуществлять проекты в области нефтедобычи и нефтепереработки, добычи и переработки попутного газа, различных строительных материалов; лесной фонд Чеченской Республики характеризуется высокой долей ценных пород древесины, что может быть использовано для организации деревоперерабатывающей и мебельной промышленности; климатические условия в Чеченской Республике способствуют развитию многих секторов агропромышленного комплекса; невысокая стоимость рабочей силы делает более конкурентоспособной реализацию на территории республики проектов сторонних инвесторов [Стратегия социально-экономического развития Чеченской Республики до 2020 г. 2009].

Таким образом, компетентное осуществление политики инвестиционной привлекательности как экономической категории, характеризующейся эффективностью использования имущества предприятия, его платежеспособностью, устойчивостью финансового состояния, способностью к развитию на базе повышения доходности капитала, технико-экономического уровня производства, качества и конкурентоспособности продукции, является востребованным в настоящее время, а также будет применимо в будущем в экономике республики.

Литература

- Косиков И. Г., Косикова Л. С. Социально-экономический справочник. М., Микронпринт, 1999. 304 с.
- Колмыкова Т. С. Инвестиционный анализ. Учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2009. 204 с.
- Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского Федерального округа до 2025 г. М., 2010 [электронный ресурс] // URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/175166> (дата обращения: 01.09.2013).
- Стратегия социально-экономического развития Чеченской Республики до 2020 года. Грозный, 2009 [электронный ресурс] // URL: http://www.apchr.ru/npa/govern_posts/2010/202.pdf (дата обращения: 01.09.2013).

УДК 338.24
ББК 65.9

О ВОЗМОЖНОСТЯХ РЕАЛИЗАЦИИ КЛАСТЕРНОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКЕ: ЗАРУБЕЖНЫЙ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ*¹

Э. П. Хулхачиева

Кластерная политика — это система государственных мер и механизмов по формированию и поддержке кластеров для повышения конкурентоспособности регионов, имеющая различные формы: политика с четкой стратегией и бюджетом; составляющая других видов экономической политики; элемент стратегий экономического развития (инновационного, регионального и т. д.); меры по локальной поддержке производств.

Кластерная политика сосредоточена на упрочении кластерных подразделений и делает акцент на инновациях только в конкурентоспособных видах деятельности. Термин кластерная политика применяется как общее название для различных способов поддержки инициатив по разработке, внедрению и развитию сетевых объединений [Гаджиев 2008: 31].

Западная модель взаимодействия отраслевых производственных комплексов и территорий присутствия получила название теории кластеров. Кластерная концепция непосредственно связана с работами Майкла Портера, который детально рассматривает связь между кластерным партнерством и конкурентоспособностью предприятий. Под понятием кластер М. Портер подразумевает «сконцентрированную по географическому признаку группу взаимосвязанных предприятий, фирм в соответствующих отраслях, а также влияющих на их деятельность организаций» [Porter 1990: 119]. Существует множество теорий кластеров, используемых в исследованиях ученых. Основой используемых в развитии теории кластеров методов послужило множество теорий. Очевидно, что экономические теории имеют общие основы с другими экономическими дисциплинами и региональной экономикой. В работах С. Розенфельда [Rosenfeld 1997: 14],

М. Энрайта [Enright 1993: 102] и др. обосновывается междисциплинарный теоретико-методологический подход к региональному кластерообразованию.

Эволюция кластеров представлена в кластерной политике. Исследователи различают две основные модели кластерной политики. Либеральная модель — это рыночный организм, где роль государства минимальна, сводится только к устранению препятствий для его естественного развития и не предполагает прямого государственного вмешательства. В дирижистской же модели государство играет более активную роль в процессе формирования кластера, который включает в себя комплекс мер — от выбора приоритетных направлений и финансирования программ по развитию кластеров до целевого создания ключевых факторов их успешного развития.

Следует заметить, что либеральная кластерная стратегия присуща странам, традиционно проводящим либеральную экономическую политику — США, Великобритании, Австралии и Канаде. При дирижистской стратегии власть проявляет большую активность и усиливает свою роль в процессе формирования кластеров. Данная политика включает в себя комплекс мер — от выбора приоритетных направлений и финансирования программ по развитию региональных кластеров до целевого создания ключевых факторов их успешного развития. Подобная стратегия характерна для Франции, Кореи, Сингапура, Японии, Швеции, Финляндии. Региональные кластеры как в развитых, так и в развивающихся странах отличаются уровнем развития, составом участников, структурой и особенностями расположения, видами производимой продукции и предоставляемыми услугами [Мангаева, Куркудинова 2012].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Исследование организационно-экономических условий и разработка управленческого инструментария формирования и функционирования сельскохозяйственных инновационных кластеров, способных обеспечить устойчивое развитие Республики Калмыкии» (№ 13-12-08002).

Таблица 1. Модель кластеров зарубежных стран

Модель	Страны	Характеристика
Дирижистская	Япония, Республика Корея, Сингапур, Швеция, Франция, Финляндия и Словения	Большую роль играет активная государственная (федеральная) политика развития кластеров
Либеральная	США, Великобритания, Австралия, Канада	Кластер рассматривается как рыночный организм. Роль федеральных властей заключается в снятии барьеров для его естественного развития

Сравнительный анализ западного и отечественного опыта кластеризации выявил наличие общих условий развития кластеров, что подтверждает необходимость разработки и внедрения «смешанной» модели управления по созданию кластеров в отечественной экономике. Кластерный подход реализуется через разработку кластерной политики, определяющей приоритеты в организации кластеров, и кластерной программы (мероприятия, сроки, ответственные исполнители). Целесообразно не стандартизировать, а разрабатывать комплекс мер поддержки применительно к конкретному кластеру.

На организацию и функционирование сельскохозяйственных кластеров Калмыкии, безусловно, влияют природные (аридная территория), экономические условия и факторы. Сельское хозяйство — это основная отрасль в Калмыкии (рис. 1). В состав агропромышленного комплекса республики входят 116 сельскохозяйственных предприятий, 4565 крестьянских (фермерских) хозяйств и более 60 тысяч личных подсобных и индивидуальных хозяйств. В хозяйствах всех категорий насчитывается поголовья: КРС более 604 тыс. гол., овец и коз — свыше 2400 тыс. гол.

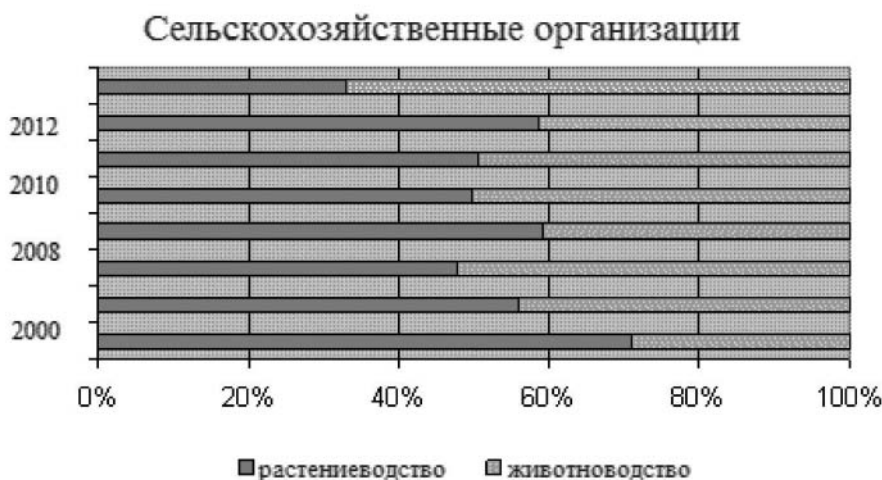

Рис. 1. Процентное соотношение специализаций сельскохозяйственных организаций РК [Стат. сборник по РК 2013]

Республика занимает 7-е место в Российской Федерации по численности КРС, 3-е место — по численности овец. Сегодня в степном регионе реализуются 13 федеральных целевых программ. В рамках реализации Государственной программы развития сельского хозяйства, других федеральных и республиканских программ в области АПК в 2012 году в республику направлено бо-

лее 873 млн руб. В частности, на поддержку животноводства выделено порядка 294 млн руб. Получателями государственной поддержки стали 80 сельскохозяйственных предприятий, 1461 крестьянское (фермерское) хозяйство и индивидуальных предпринимателей, 22 сельскохозяйственных потребительских кооператива, 5005 личных подсобных хозяйств. Фермеры получили

финансовые средства в размере 45 % от общего объема. Пастбища занимают 80 % территории республики по экспликации земель. Возможностей и условий для введения территориальных сельскохозяйственных кластеров достаточно, но при условии соблюдения научного пастбищеоборота на аридных территориях. Доля животноводства превалирует над долей растениеводства ввиду природных условий и факторов, влияющих на производство продукции.

В территориальном кластере отрасли животноводства, который определен как основной, задействованы все виды ресурсов (трудовые и природные ресурсы, научный потенциал, инфраструктура и т. д.) Выделение инвестиций дает толчок к конкурентной борьбе среди сельхозпроизводителей. Формированию кластеров способствует также наличие рабочей силы: в республике высокий уровень безработицы, наблюдается отток активного населения, в то время как по условиям спроса «калмыцкое мраморное мясо» востребовано во всех уголках России. Характер и состояние спроса на продукцию на внутреннем рынке, пригодность для развития на внешнем рынке увеличивают объемы спроса и предложения. Поскольку продукция имеет безусловный спрос, ста-

новятся невыгодны закупки у других отечественных товаропроизводителей, соответственно, появляется конкуренция товаропроизводителей.

При соответствующей наладке смежных и обслуживающих производств, которые неплохо впишутся в экономику региона, есть возможность создать территориальный кластер по производству мяса. При этом важна разработка стратегии по созданию бренда продукции калмыцких аграриев через кластерный подход, что поможет сделать продукцию узнаваемой и способной к конкуренции. В центр по агропромышленному кластеру Калмыкии могут войти крупные сельхозпредприятия, крестьянско-фермерские хозяйства, предприятия по откорму скота, переработке сельхозпродукции. Для его развития необходима научная организация производства. Решение таких проблем, как своевременная поставка оборудования для обеспечения всех процессов, производство тары и упаковки, организация логистического центра, жизненно необходимо. Целью создания территориального кластера на базе действующих сельскохозяйственных предприятий и учреждений является повышение конкурентоспособности предприятий (см. рис. 2).

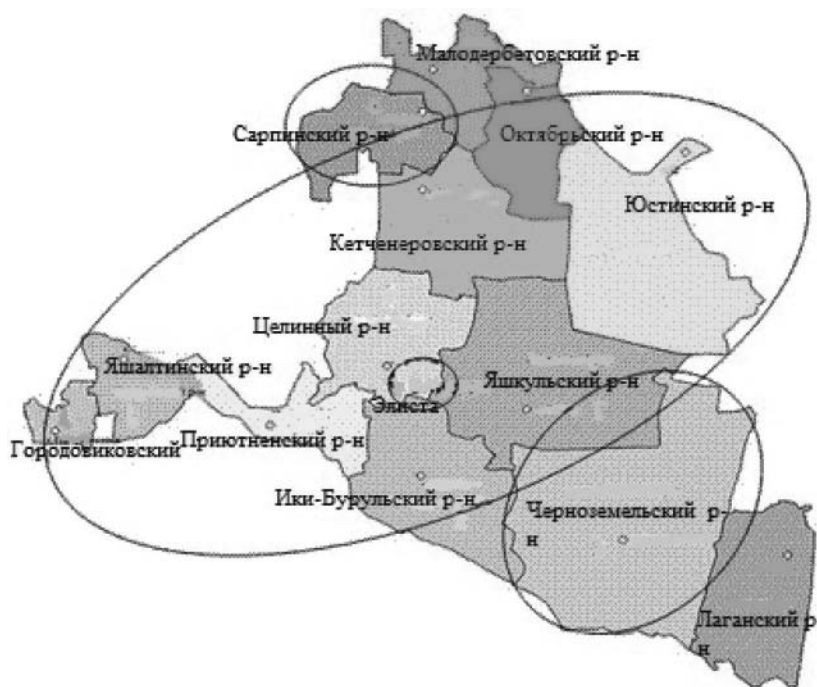

Рис. 2. Территориальный кластер отраслей сельского хозяйства РК
[Инвестиционная стратегия РК 2013]

Участие в кластере выгодно не только для сельскохозяйственных предприятий, но и для перерабатывающих, торговых, сервисных, логистических, а также заводов по поставке сельхозтехники.

Научный потенциал должен работать над выстраиванием маркетинговой политики в стратегическом и тактическом плане. Благодаря кластерному подходу снизится риск для инвесторов, могут применяться различные формы страхования. Правильное сочетание видов деятельности в сельском хозяйстве, применение эколого-ориентированного управления производством на кластерной основе обеспечат конкурентное преимущество и устойчивое развитие производства, в том числе за счет применения передовых информационных технологий.

Кластерная организация аграрного сектора производства, безусловно, направлена на создание новой формы организации труда и обращена к накоплению трудовых и финансовых ресурсов на территории кластера. Данная форма организации национальной экономики, по сути, является связующим элементом вертикали проектов, взаимоувязывающей в одно целое общероссийское и региональное развитие. Именно такой кластер по производству мяса позволит включить региональные решения Республики Калмыкия в масштабные российские проекты. Работа кластера будет строиться на основе не простого копирования мировых практик, а с обязательной адаптацией их к региональным условиям.

Применительно к условиям депрессивных регионов требуют уточнения как понятийно-терминологический аппарат, так и механизм оценки и реализации их потенциа-

ла кластерообразования с учетом присущих им особенностей. Предлагаемые подходы и направления, на наш взгляд, перспективны, поскольку они соответствуют современному состоянию теоретических исследований региональной экономики и могут обогатить практику управления региональным развитием.

Источник

Инвестиционная стратегия РК до 2020 г. (проект программы) / под ред. Ходыковой Н. В. Элиста: ИКИАТ, 2013.

Литература

- Гаджиев Ю. А. Новые формы территориальной организации производства и другие теории регионального экономического роста и развития // Вестник НИЦ СГУ. 2008. № 3. С. 30–31.
- Мантаева Э. И., Куркудинова Е. В. Мировой опыт кластерной модели развития [электронный ресурс] // URL: <http://uecs.ru/uecs-38-38=2012> (дата обращения: 17.10.2013).
- Статистический сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Калмыкия. Элиста: Калмстат, 2013. 161 с.
- Enright M.* The Geographical Scope of Competitive Advantage // *Stuck in the Region. Changing scales for regional identity* / Ed. by E. Dirven, J. Groenewegen and S. van Hoof. Utrecht. 1993. P. 87–102.
- Porter M.* The Competitive Advantage of Nations. New York: Free Press, 1990. 180 p.
- Rosenfeld S. A.* Bringing Business Clusters into the Mainstream of Economic Development // *European Planning Studies*. 1997. Vol. 5. № 1. P. 3–23.

УДК 332.12
ББК 65.04

НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОЭКОНОМИКИ*

С. Б. Болдырева, Т. Н. Аксенова

Межрегиональная дифференциация, вызванная экономическими и социальными реалиями, определяется природно-ресурсными особенностями, расширением границ рынка в условиях географических открытий, этапами хозяйственного освоения территории страны.

Регионы России, по мнению О. В. Иншакова, «дифференцированы по таким детерминантам, как уровень хозяйственной культуры этноса и его сообществ, населяющих территорию, степень развития региональных хозяйственно-автохтонных систем» [Иншаков 2010: 86]. Этноэкономика выступает «исторически определенной формой хозяйства, конкретно обусловленной функциональными и структурными связями этноса в процессе хозяйственной деятельности» [Иншаков 2010: 86].

С теоретических позиций этноэкономика, как научное направление, исследующее особенности экономической деятельности этносов, — понятие многогранное, оно отличается множественностью трактовок и имеет разную степень содержательности. Спорным является сам предмет изучения этноэкономики. Исследуя понятийный аппарат, можно отметить, что этноэкономике рассматривают на различных уровнях ее применения: макро-, мезо-, микро-.

Специфические направления этноэкономики исследуют экономическую деятельность этнических групп мигрантов, «этнические» экономико-социальные сети, «анклавные» рынки труда, контроль этнических диаспор за определенными секторами экономики, экономический национализм с выраженной этнократической компонентой» [Печура, Сурнина 2012: 67]. Целью этноэкономики является «устойчивое, гармоничное и эффективное функционирование всех ее подсистем и элементов, обеспечи-

вающее полный жизненный цикл системы в целом. Исследование этноэкономики как управляемой системы особенно важно на региональном и локальном уровнях» [Печура, Сурнина 2012: 68].

По нашему мнению, этноэкономика как научное направление есть наука, исследующая взаимодействующие процессы территориально локализованных этнодемографических, социальных, культурных и экономических явлений и структур в целях выявления перспективных путей устойчивого, гармоничного, рационального социально-экономического развития общества.

Исторический анализ показывает, что «к моменту присоединения к Российской империи все этносы находились на разных социально-экономических уровнях развития. Этноэкономика большинства этнических регионов России носит в основном агропромышленный характер. Мировой опыт свидетельствует, что регион преуспевает в основном в тех секторах, которые отвечают исторически сложившимся условиям и национальному характеру» [Хулхачиева 2006: 114].

С позиций современной теории этноэкономики, в научных исследованиях объясняются причины, по которым предлагается расширить методологию изучения регионального хозяйства в национальных республиках России за счет введения в анализ этнических факторов как социокультурной подсистемы, которая в значительной степени определяет внутренние и внешние детерминанты реструктуризации экономики в национальных регионах, функционирование в них хозяйственного комплекса.

В условиях неустойчивости окружающей среды в регионе более полный учет «латентных факторов» позволит повысить уровень многоаспектности, научности и

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Исследование потенциала экономического роста и обеспечения социальной безопасности депрессивных территорий» (№ 2012-1.2.2-12-000-3002-4494).

реалистичности разрабатываемых механизмов реализации региональной социально-экономической политики в национальных образованиях субъектов Российской Федерации. Среди «латентных факторов» можно выделить отрицательные явления этноэкономики: «клановость и принадлежность к родам, коррупция, криминализация, местничество, возрастающий теневой сектор; воздействие этнических группировок, этнополитических процессов на социальную напряженность и конфликтность; неуправляемые миграционные потоки при избыточности населения и открытых конфликтах на межэтнической почве, отток молодежи и приток неквалифицированной рабочей силы; свертывание индустриального сектора экономики, что привело к полной дотационности республик; рост предельного уровня безработицы, снижение уровня и качества жизни, урбанизация; учет национальных традиций и менталитета при вовлечении в систему самоуправления и социальные процессы; доминирующая роль этнического фактора для оценки туристического потенциала в полиэтническом регионе» [Канцеров 2005: 44].

Сложность ситуации в Республике Калмыкия состоит в том, что «этноэкономика была не очень-то восприимчива в советский период (депортация народов очень сильно повлияла на социально-экономическое развитие региона), с трудом адаптируется к рыночным условиям: произошло свертывание индустриального сектора экономики, усиливается сырьевая направленность, ухудшается экология и т. д.» [Хулхачиева 2006: 115].

Исследование этноэкономики как открытой полиэтнической системы требует, по нашему мнению, ее расширенного понимания, а также учета теории эволюционного развития этнического предпринимательства, при этом в условиях воздействия экзогенных и эндогенных факторов необходимо выделять автохтонную этноэкономику исконного населения, родившегося или укоренившегося в данном этносе, его пространстве, сформировавшегося или в поколениях принявшего и воспроизводящего его культуру, и аллохтонную этноэкономику некоренного населения, появившегося в данной местности из другого, генетически первичного для него, региона, привносящего свою культуру хозяйствования и адаптирующего ее в экономическом пространстве (см. рис. 1). Эти этноэкономические формы,

сосредотачиваясь на отдельной территории, образуют устойчивую этноэкономику.

На наш взгляд, этноэкономика может иметь перспективу развития в рамках использования кластерного подхода. Формирование латентного кластера, имеющего сложносочиненный характер, поскольку кластерообразующим моментом выступает этнодемографический территориальный фактор, позволит создать социокультурные и экономические условия для эффективного ведения хозяйственной деятельности субъектами рынка. Этноэкономический кластер, кроме свойств непрерывности, представляет тесную и продолжительную взаимoadaptацию процессной, творческой и туристической кластерных форм, образуя своеобразную горизонтальную интеграцию.

Поскольку этноэкономическими проблемами в России занимается довольно ограниченный круг ученых на протяжении сравнительно короткого периода времени, то налицо нерешенность многих теоретико-методологических вопросов и недостаточная разработанность, во многом даже практическое отсутствие приемов, методов и методик выявления и идентификации этноэкономики региона, особенно открытого и полиэтнического.

Инновационный подход в развитии современной России подразумевает формирование механизма стратегической модернизации с соответствующими целями и задачами, направленными на укрепление и усиление экономических, политических, социальных, культурных основ многообразия и потенциала глобальной хозяйственной системы.

Обращение к этнокультурной специфике хозяйства, определяющей уровень инерции, риски и потенциал экономики регионов и макрорегионов России, становится особенно актуальным в связи с утверждением стратегического подхода к их развитию в глобализирующемся мире. Эта специфика и сегодня определяется сложившимися устойчивыми различиями, уровнем дифференциации и неравномерной динамикой эволюции отдельных частей хозяйственного пространства России.

Для российской экономической науки характерен поиск принципиально новых концепций, которые могли бы стать фундаментальными опорами для понимания сложных процессов развития мирового хозяйства. К числу главных атрибутов новой модели относятся этноэкономические сис-

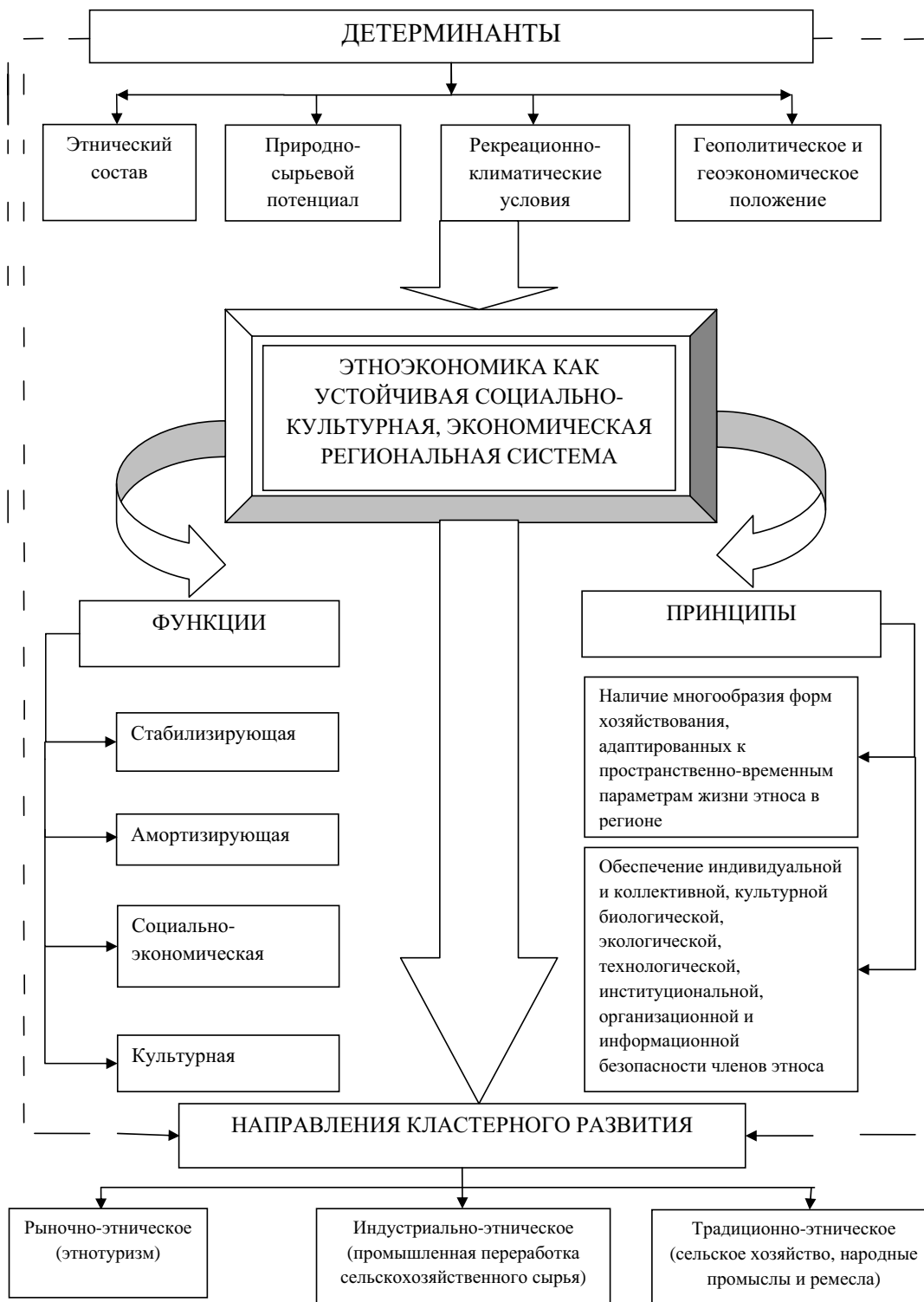

Рис. 1. Этноэкономика как устойчивая региональная система

темы, которые существовали всегда при одновременной борьбе с постиндустриальной моделью, генетически подрывающей их право на существование. Сейчас их «оживлению» и интересу к ним способствует глобальная ситуация. В постиндустриальной модели, основанной на инновациях, в том числе с использованием новых ресурсов, актуализируются проблемы выживания человека, сохранения естественных форм его бытия: природных, национальных, экономических, культурных и т. п., что вызывает сосредоточение еще больших разрушений единства и целостности, интенсивности и напряженности в тех точках мирового сообщества, где этническая палитра отличается особой яркостью, как, например, в России.

В XXI в. мировая экономическая система вышла из равновесного состояния. Для гармонизации мирового сообщества необходимо считаться с «вырвавшимися вперед» этноэкономическими системами, которые составляют основной формат неэкономической модели. Следовательно, глобальная цель управления социально-экономическим развитием современной России — повышение уровня и улучшение условий жизни населения, что включает, в первую очередь, решение задач повышения качества жизни населения и комплексного социально-экономического развития территории.

Литература

- Иниаков О. В.* Этноэкономика Юга России: стратегические перспективы в координатах модернизации // Проблемы теории и практики управления. Международный журнал. 2010. С. 86–93 [электронный ресурс] // URL: http://uptp.ru/content/Disp_Art.php?Num=1670 (дата обращения: 16.08.2013).
- Канцеров Р. А.* Основные тенденции рыночных преобразований этноэкономики (на примере КЧР) // Этноэкономика Юга России: концепции, параметры, механизмы. Мат-лы Всерос. науч. конф. (п. Домбай, март 2005 г.). Черкесск: Карачаево-Черкес. гос. технол. акад., 2005. С. 43–46.
- Печура О. В., Сурнина Н. М.* Этноэкономика территории: синтезированная парадигма, количественная характеристика и проблемы управления // Муниципалитет: экономика и управление. 2012. № 1. С. 67–71 [электронный ресурс] // URL: <http://municipal.uara.ru/ru-ru/issue> (дата обращения: 01.02.2012).
- Хулхачиева Э. П.* Социальная этноэкономика региона: опыт, проблемы, перспективы развития // Восстановление национальной государственности репрессированных народов России и перспективы их развития на современном этапе. Мат-лы рос. науч.-практ. конф. г. Элиста, 12–13 января 2007 г. Элиста: КалмГУ, 2007. С. 114–117.

УДК 336.02
ББК 65.053

К ВОПРОСУ О ФИНАНСОВЫХ РЕСУРСАХ КАК ОСНОВЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНА

К. А. Кекеева

Функционирование государства характеризуется прежде всего состоянием его экономики. Среди определяющих особенностей государственного устройства России — ее огромная территория, разный уровень экономического развития регионов и др. Развитие национальной экономики в целом возможно только при условии динамичного развития производственных сил в регионе. Экономическое развитие обуславливает финансовое состояние и социальное развитие регионов, сбалансированность материальных и стоимостных пропорций народного хозяйства, уровень заработной платы и благополучия населения. Регулирование развития социально-экономических отраслей и исполнение значительной части полномочий находятся в ведении региона, где возникает много сложных вопросов, от решения которых зависит будущее всего российского государства.

Зачастую действующие законы, постановления, нормативно-правовые акты исполняются не полностью или неэффективно ввиду того, что не учитывается региональная специфика субъектов. Но результативное функционирование невозможно без учета региональных особенностей экономической системы государства. Нашей задачей является попытка охарактеризовать финансовые ресурсы в качестве основы функционирования экономики региона.

От развития экономики зависит состояние финансов как в регионах, так и в стране в целом. Чем более развитой является экономика, тем больше налоговых и неналоговых поступлений получают бюджеты всех уровней и тем выше становится уровень отчислений, поступающих в государственные внебюджетные фонды.

Регион является важнейшей составляющей экономических и политических отношений. Рассматривая финансовые ресурсы региона, необходимо уточнить понятие «регион».

Регион можно охарактеризовать как пространство, образовавшееся как естественным путем, так и в ходе исторической

эволюции. В рамках региона происходит социальная, общественная и экономическая деятельность населения. На уровне региона осуществляется связь между центральными и местными органами самоуправления, и большая часть миграционных и воспроизводственных процессов совершается на территории субъектов Федерации.

Согласно Конституции Российской Федерации, в стране насчитывается 83 субъекта [Конституция Российской Федерации 1993]. Многие из них были образованы как административные единицы во времена СССР и без изменения затем преобразованы в субъекты Российской Федерации. В масштабах национальной экономики любой субъект можно считать основой функционирования региональных финансов. Поэтому в данной работе под понятием «регион» подразумевается субъект Российской Федерации.

Таким образом, регион — это составная часть государства, обладающая определенными политическими, экономическими, финансовыми, социальными и культурно-историческими признаками. Регион выступает посредником между макро- и микроуровнями всех систем: экономической, социальной, политической, национальной. Каждый регион имеет свою отличительную инфраструктуру, организацию производства, миграцию и густоту населения, количество рабочих мест, условий духовной жизни человека. Регион функционирует с целью создания наилучших условий жизни населения.

Как известно, финансы — это система денежно-экономических отношений, связанных с формированием, распределением и использованием централизованных и децентрализованных фондов денежных средств. Региональные финансы, в свою очередь — система денежно-экономических отношений по формированию, распределению и использованию фондов денежных средств, согласно функциям соответствующих органов власти. Вместе с тем, финансы региона — неотъемлемая составная часть финансовой системы страны. Их

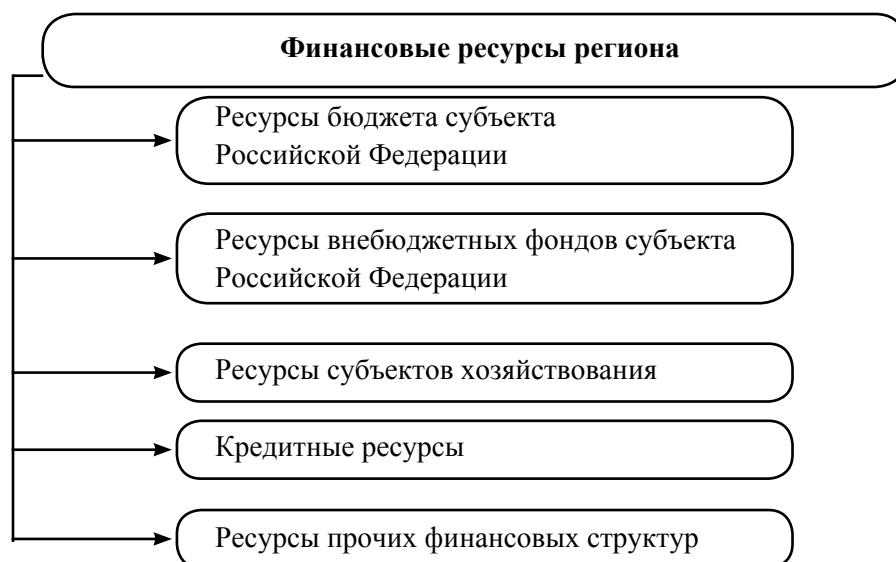
содержание и функции определяются теми же характеристиками, что и для финансовой системы страны в целом, а их роль отличается спецификой задач управления, которые реализуются на данном уровне федеративной структуры государства с учетом сложившейся и нормативно закреплённой системы распределения полномочий Рос-

сийской Федерации [Сенчагов 2004: 333].

Региональные финансы формируют денежные фонды на региональном уровне и призваны использовать эти фонды для выполнения региональных задач.

Из чего же состоят финансовые ресурсы региона? Звенья финансовых ресурсов представлены на рис. 1.

Рис. 1. Звенья финансовых ресурсов региона

К основным составляющим финансовых ресурсов региона относятся *ресурсы бюджета и внебюджетных фондов субъекта Российской Федерации*.

Согласно ст. 14 Бюджетного Кодекса Российской Федерации, каждый регион (субъект) имеет собственный бюджет [Бюджетный кодекс Российской Федерации 1998]. Бюджетная система Российской Федерации является трехуровневой и включает в себя федеральный бюджет и бюджеты государственных внебюджетных фондов Российской Федерации, бюджеты субъектов Российской Федерации и бюджеты территориальных государственных внебюджетных фондов, а также местные бюджеты.

Региональный бюджет позволяет субъектам реализовывать свои полномочия в соответствии с Конституцией Российской Федерации, осуществлять текущее финансирование экономики региона, его социальной сферы и стимулировать эффективное использование материальных и трудовых ресурсов.

Ресурсы регионального бюджета образуются за счет средств, поступающих в соответствии с законодательством на безвозмездной и безвозвратной основе в распоряжение органов государственной власти

субъектов Российской Федерации. Данными средствами являются налоговые и неналоговые поступления, а также безвозмездные перечисления. Помимо этого, ресурсы регионального бюджета пополняются за счет федерального бюджета в виде межбюджетных трансфертов: дотаций, субсидий и субвенций. Трансферты из федерального бюджета или федеральных инвестиционных фондов выделяются в целях финансирования полномочий, переданных на региональный уровень, и в целях покрытия дефицита бюджета, выравнивания бюджетной обеспеченности региональных бюджетов. Например, в проекте федерального закона «О федеральном бюджете на 2014 г. и на плановый период 2015 и 2016 гг.» планируется, согласно распределению, выделение следующих сумм дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации: в 2014 г. — 439 771,9 млн рублей, в 2015 г. — 392 496,5 млн рублей, в 2016 г. — 369 408,4 млн рублей [Результаты распределения дотаций... 2014].

В соответствии с законодательством составляется также консолидированный бюджет — свод бюджетов всех уровней бюджетной системы на соответствующей

территории за исключением бюджетов государственных внебюджетных фондов и без учета межбюджетных трансфертов между этими бюджетами. Консолидированный бюджет субъектов Российской Федерации включает в себя бюджеты субъектов Российской Федерации и местные бюджеты. Данный бюджет не утверждается законодательно и является статистическим сводом бюджетных показателей по доходам и расходам, источником поступления средств и направлением их использования. Его необходимость обусловлена тем, что по действующему законодательству все бюджеты существуют как самостоятельные, обособленные денежные фонды. Однако для управления делами России в целом и ее территориальных подразделений, для прогнозирования их развития важно знать, какие средства аккумулируются в рамках данной территории через действующие на ней бюджеты. Это имеет значение также для формирования взаимоотношений с выше- и нижестоящими органами власти. Поэтому и составляются консолидированные бюджеты субъектов Российской Федерации.

Консолидированный бюджет Российской Федерации используется для характеристики показателей и анализа данных всей бюджетной системы — например, при определении нормативов отчислений от федеральных налогов в бюджеты субъектов Федерации. Он является важным макроэкономическим показателем, применяемым при прогнозах развития хозяйства и финансовой системы и при анализе всех финансовых проблем экономики. Такие вопросы, как тяжесть налогообложения, общий объем социальных расходов, нельзя обсуждать без данных консолидированного бюджета страны.

Внебюджетные фонды призваны перераспределять и использовать финансовые средства, привлекаемые государством для финансирования не включенных в бюджет определенных социальных программ. На сегодняшний день в России действуют 3 внебюджетных фонда: Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации и Фонд обязательного медицинского страхования.

Ресурсы внебюджетных фондов комплексно расходуются в строгом соответствии с целевым назначением фондов на социальные и экономические нужды государства. Внебюджетные фонды предназначены для реализации конституционных прав граждан на социальное обеспечение по возрасту и в случае безработицы, получение бесплатной

медицинской помощи, социальное обеспечение по болезни, инвалидности и в других случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации о социальном обеспечении. В бюджеты государственных внебюджетных фондов подлежат зачислению следующие доходы: обязательные платежи, добровольные взносы, налоговые доходы, предусмотренные Бюджетным кодексом Российской Федерации, и другие доходы, предусмотренные законодательством.

Наряду с бюджетной системой и системой внебюджетных фондов важная роль в эффективном аккумулировании денежных средств принадлежит таким звеньям, как ресурсы субъектов хозяйствования, кредитные ресурсы, ресурсы прочих финансовых структур.

К ресурсам субъектов хозяйствования мы относим финансы предприятий. Данные ресурсы используются для финансирования оборотных средств и капиталовложений, содержания социальных объектов, находящихся в собственности соответствующих субъектов хозяйствования. Они создают финансовые ресурсы, обеспечивающие потребности экономического и социального развития территории. Финансы предприятий являются основополагающей частью экономики вообще и финансовой составляющей, в частности. Так, например, предприятия, стабильно работающие в регионе, на постоянной основе пополняют бюджеты различных уровней путем налоговых и неналоговых отчислений, пользуются кредитными ресурсами и услугами страхового рынка, являются непосредственными участниками рынка ценных бумаг. Поэтому от функционирования финансов предприятий зависит развитие всех остальных звеньев финансовых ресурсов региона.

Кредитные ресурсы используются для срочного и возвратного финансирования оборотных средств и капиталовложений. Работу кредитного рынка обеспечивают коммерческие банки и их региональные филиалы. Поскольку в банковский сектор масштабно вовлечено значительное количество финансовых ресурсов, он очень быстро реагирует на любые изменения в экономической и социальной жизни регионов. Банковский сектор и сектор реальной экономики зависят друг от друга. Устойчивое комплексное развитие экономики регионов невозможно без использования ресурсов, накопленных банковским сектором.

К ресурсам прочих финансовых структур мы относим ресурсы таких рынков, как рынок ценных бумаг и страховой рынок.

Региональный рынок ценных бумаг представлен ценными бумагами субъектов и муниципальных органов власти Российской Федерации. Следует отметить, что ощутимый удар по российскому региональному рынку ценных бумаг нанес кризис 1998 года: почти все регионы прекратили погашение и выплату по займам. В настоящее время, после мирового кризиса 2008 года, рынок ценных бумаг утратил популярность среди инвесторов в связи с ненадежностью и низкой доходностью. К сожалению, региональный рынок ценных бумаг отличается низкой капитализацией, низкой ликвидностью акций местных предприятий и компаний, малочисленностью профессиональных участников регионального рынка [Болдырева 2009: 81].

В регионе функционируют крупнейшие страховые компании, целью которых является защита материальных, финансовых и личностных интересов различных субъектов от непредвиденных и неблагоприятных событий. С каждым годом возрастает роль страхования как одного из необходимых механизмов защиты интересов населения. Объемы страховых операций растут, рынок имеет значительный потенциал [Сарибегов 2012: 114].

Финансы региона находятся в тесной взаимосвязи и полностью зависят друг от друга. Ни одно из звеньев не может существовать самостоятельно. При этом именно эффективное и рациональное взаимодействие звеньев финансовых ресурсов имеет первостепенное значение. Только при условиях эффективного функционирования каждого звена возможно поступательное развитие экономики, увеличение финансовых потоков внутри региона и повышение его инвестиционного потенциала.

Ресурсы региона способствуют развитию производства, росту занятости, привлечению инвестиций, в том числе в те отрасли, которые являются приоритетными в текущей и долгосрочной перспективе. Финансы региона обеспечивают необходимыми жизненными ресурсами те группы населения, которые по возрасту или иным причинам не в состоянии участвовать в процессе материального производства, но должны иметь гарантированный минимальный доход [Сенчагов 2004: 337].

Региональные финансы, являясь инструментом государственной социальной политики, также призваны обеспечивать через территориальные бюджеты финансирование части расходов на образование, здравоохра-

нение, жилищно-коммунальное хозяйство и на социальную поддержку населения. Они играют важную роль в выравнивании уровней социально-экономического развития регионов. Межбюджетное перераспределение ресурсов, нацеленное на сглаживание существенных межрегиональных различий, также осуществляется через бюджетную систему региона. С точки зрения финансирования государственных программ субъектов, направленных на развитие региональной инфраструктуры, создание условия для привлечения в регион дополнительных ресурсов, разрешение социальных и экономических проблем региона, региональные финансы являются важнейшим условием социально-экономического развития региона

Таким образом, ресурсы региона напрямую зависят от уровня экономического развития субъекта Российской Федерации. Изменения, связанные с развитием финансовых отношений в регионе, приводят к изменению механизмов формирования и распределения ресурсов региона. Финансовая политика государства позволяет системно реагировать на изменение реальной ситуации в сфере финансовых отношений и экономики региона [Кара-оол 2009: 12].

Литература и источники

- Болдырева Л. В.* Реализация принципов системного подхода в обосновании структуры и функции региональных финансов региона // Региональные финансы. 2009. № 28. С. 79–83.
- Бюджетный кодекс Российской Федерации* от 31.07.1998 г. № 145-ФЗ [электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149838/ (дата обращения: 08.10.2013).
- Кара-оол Ш. В.* Бюджет субъекта Российской Федерации в социально-экономическом развитии региона // Финансы. 2009. № 2. С. 9–13.
- Конституция Российской Федерации.* 1993 г. [электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2875/ (дата обращения: 08.10.2013).
- Результаты распределения дотаций* на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации на 2014 г. [электронный ресурс] // URL: http://minfin.ru/common/img/uploaded/library/2013/09/FFPR_2014_-2016.pdf (дата обращения: 10.10.2013).
- Сарибегов Г.* Повышение роли института страхования в обеспечении национальной экономической безопасности // Вестник Института экономики РАН. 2012. № 2. С. 113–119.
- Сенчагов В. К.* Финансы, денежное обращение и кредит. М.: Проспект, 2004. 720 с.

УДК 342.8
ББК 67.400.6

ОСОБЕННОСТИ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПО ВЫБОРАМ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ 1905–1907 гг. ДЕПУТАТОВ ОТ КОЧЕВЫХ НАРОДОВ

Г. К. Максимов

Правовая база формирования и деятельности представительных и законодательных органов государственной власти России прошла в своем развитии длительный путь. Первым опытом относительно широкого вовлечения полиэтничного и многослойного населения России стала правовая база, установившая избирательные права и избирательные процедуры в начале XX в.

Появление в России формы парламентской демократии связано в начале XX в. с изменениями в государственном устройстве и политической жизни страны. Впервые в ее истории был создан выборный общегосударственный представительный и законодательный орган в составе двух палат — Государственной думы и Государственного совета. В «Манифесте об учреждении Государственной думы» (6 августа 1905 г.), подписанном Николаем II, указывалось: «Ныне настало время, следуя благим начинаниям Их [предшественников Николая II. — *Г. М.*], призвать выборных людей от всей земли Русской к постоянному и деятельному участию в составлении законов, включив для сего в состав высших государственных учреждений особое законосовещательное установление, коему предоставляется предварительная разработка и обсуждение законодательных предположений и рассмотрение росписи государственных доходов и расходов» [ПСЗ РИ 1908: ст. 26656].

В тот же день (6 августа) царь подписал еще один закон — «Положение о выборах в Государственную думу», фактически установившее нормы избирательного права, определившее избирательную систему, избирательный процесс. Однако в примечании статьи 1 указывалось, что «выборы в Государственную думу от губерний Царства Польского, областей Уральской и Тургайской и губерний и областей Сибирских,

генерал-губернаторств Степного и Туркестанского и наместничества Кавказского, а также выборы от кочевых инородцев производятся на основании особых правил» [ПСЗ РИ 1908: ст. 26662].

Манифестом от 6 августа 1905 г. предполагалось сформировать Государственную думу «не позднее половины января 1906 года». Однако революционные события 1905 г. заставили царскую администрацию принять 17 октября 1905 г. манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» и внести коррективы в ранее принятые законодательные акты, составившие обновленную правовую базу формирования и деятельности Государственной думы. Теперь предстояло образовать ее в соответствии с указом «Об изменении Положения о выборах в Государственную думу и изданных в дополнение к нему узаконений» (11 декабря 1905 г.), манифестами от 20 февраля 1906 г. «Об изменении Учреждения Государственного совета и пересмотре “Учреждения Государственной думы”» и «Учреждение Государственной думы».

Государственную думу, наделенную законодательными полномочиями, предстояло формировать «из членов, избираемых населением Российской Империи на пять лет ...», но «до истечения пятилетнего срока полномочий...» Дума могла быть распущена императором. Существенной новацией являлось то, что к участию к выборам в Думу намечалось «привлечь, в мере возможности, те классы населения, кои избирательными правами не пользовались» [ПСЗ РИ 1908: ст. 27029. С. 877]. Однако и в новом законодательстве имелось множество оговорок и ограничений, касающихся избирательных прав населения. Выборы депутатов Думы предусматривалось проводить не напрямую, а через выборщиков, из-

бранных в зависимости от имущественного ценза, отдельно по трем куриям — землевладельческой, городской и крестьянской, а также рабочей. Для первых двух выборы были двухстепенные, для третьей — трехстепенные. Таким образом, в основе избирательной системы продолжал оставаться принцип сословности. Интересно, что к избранию выборщиков в землевладельческой курии допускались настоятели церковных учреждений, «владеющие в уезде землею», всех вероисповеданий. Избирательные права не предоставлялись женщинам, лицам моложе 25 лет, учащимся учебных заведений, воинским чинам армии и флота, состоящим на действительной военной службе, бродячим инородцам и иностранным подданным. Кроме того, избирательные права не предоставлялись лицам, подвергавшимся суду, состоящим под следствием и под судом по ряду преступлений, а также некоторым иным категориям населения [ПСЗ РИ 1908: Ст. 2662].

Верхняя палата законодательного органа Российской империи — Государственный совет по именному высочайшему указу от 20 февраля 1906 г. формировался «из членов по высочайшему назначению [98 чел. — Г. М.] и членов [98 чел. — Г. М.] путем выборов: а) от духовенства Православной Российской церкви; б) от губернских земских собраний; в) от дворянских обществ; г) от императорской Академии наук и императорских российских университетов; д) от Совета торговли и мануфактур, Московского его отделения, местных комитетов торговли и мануфактур, Биржевых комитетов и Купеческих управ» [ПСЗ РИ 1909: Ст. 27425. С. 154].

В соответствии с примечанием «Положения о выборах в Государственную думу», МВД приступило к подготовке проекта правил «О производстве выборов в Государственную думу в местностях, занимаемых кочевыми инородцами Астраханской и Ставропольской губерний и Терской области». Подготовленный проект этого документа, в соответствии с общими концептуальными принципами правил выборов, в особом делопроизводстве МВД по выборам в Государственную думу поступил 6 ноября 1905 г. в канцелярию астраханского губернатора с предписанием обсудить с участием представителей Управления калмыцким народом и улусных попечителей и представить предложения [НА РК. Ф. И–9. Оп. 10.

Д. 2. Л. 7]. В проекте, учитывая территориальную разобщенность калмыцких улусов, предлагались варианты: 1) совместное участие калмыков Астраханской и Ставропольской губерний, Терской области в выборах депутатов в Государственную думу и выдвижение единого кандидата; 2) раздельное участие — Большедербетовский улус (12 тыс. человек) на правах уезда в составе Ставропольской губернии; 8 улусов (139 тыс. чел.) в составе Астраханской губернии, терские калмыки — на «своей» территории. В последнем случае калмыки могли и не получить депутатский мандат в Государственную думу.

Следующий вопрос, связанный с особым административным устройством калмыцкого населения, заключался в альтернативном выборе двухстепенного (улусный сход и общее собрание выборщиков) или трехстепенного (аймачный и улусные сходы, общее собрание выборщиков) избрания выборщиков депутата в Государственную думу. В улусах Астраханской губернии, по данным МВД, насчитывалось 86 аймаков, в Большедербетовском улусе — 13 аймаков. В улусном сходе по существующим правилам принимали участие попечитель, назначаемый из чиновников, и его помощники, зайсанги, по одному из каждого семейства, все аймачные старшины и хотонные старосты, а также делегированные по одному человеку от 20 кибиток. В аймачном сходе участвовали зайсанги, по одному из каждого семейства, аймачный старшина, избранный населением, хотонные старосты, а также выборные от хотонов по одному человеку от 5 кибиток.

Управляющий МВД предлагал обратить внимание еще на одну особенность, связанную с имеющимися стационарными поселениями со смешанным населением. В Калмыцкой степи такими поселками являлись: Яшкуль, в котором проживали 17 русских и 60 калмыцких семей; Калмыцкий Базар с населением свыше 1200 человек (698 калмыков, 273 туркмена («трухмена»), 158 татар и 83 русских); Бислюрта (369 русских крестьян, 548 крещеных калмыков); Чилгир, Кегульта, Капкинка и Лагань. Возможны были варианты: 1) каждый поселок на правах аймака присоединить к близлежащему улусу или волости; 2) объединить их и на правах улуса выдвинуть одного выборщика в общее собрание.

МВД предложило не создавать в Калмыцкой степи отдельную избирательную комиссию, а подготовку и проведение выборов возложить на комиссию по выборам в Государственную думу близлежащего уезда Ставропольской или Астраханской губернии, включив в нее одного из улусных попечителей по рекомендации астраханского губернатора и Главного пристава калмыцкого народа [НА РК. Ф. И-9. Оп. 10. Д. 2. Л. 8–15].

Совещание, состоявшееся в Астрахани 26 ноября 1905 г. в составе астраханского губернатора генерал-майора Б. Л. Гронбчевского (председатель), председателя окружного суда И. Е. Стельмаховича, вице-губернатора И. А. Тарасенко-Стрешкова, неперменного члена губернского правления И. К. Петрова, неперменного члена губернского по городским делам присутствия М. П. Ченцова, заведующего калмыцким народом князя Н. Л. Оболенского, советника Временного совета по управлению Внутренней киргизской ордой Б. А. Кульманова и попечителя Калмыцкого Базара П. И. Богданова, рассмотрело проект документа, представленный МВД. Совещание высказало мнение о целесообразности совместного участия в выборах калмыков Астраханской и Ставропольской губерний, исключив терских калмыков, и выдвижения единого кандидата. Что касается избрания выборщиков, то совещание, признавая значительное количество аймаков (244), все же посчитало необходимым наделить аймачные сходы правом выдвижения выборщиков. По вопросу об избирательной комиссии совещание согласилось с предложением МВД и предложило возложить всю работу в Калмыцкой степи по подготовке и проведению выборов в Государственную думу на Енотаевскую уездную комиссию. Совещание предложило в стационарных поселках со смешанным населением провести сходы и присоединить их к близлежащим волостям и улусам [НА РК. Ф. И-9. Оп. 10. Д. 2. Л. 25, 25 об., 26, 26 об.].

Правительствующий сенат, рассмотрев предложения астраханского совещания, представил к высочайшему утверждению «Правила о производстве выборов в Государственную Думу в местностях, занимаемых кочевыми инородцами Астраханской и Ставропольской губерний» в новой редакции. Николай II 25 марта 1906 г. на Правилах собственноручно начертил «Быть

по сему» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 10. Д. 2. Л. 115–119]. Согласно Правилам, от калмыков Астраханской и Ставропольской губерний в Государственную думу выборщикам предстояло избрать одного депутата. Устанавливался двухступенный порядок проведения выборов: 1-й — улусный сход кочевых семейств для избрания одного выборщика и избирательный съезд домохозяев и кибитковладельцев оседлых поселений для избрания одного выборщика; 2-й — общее собрание выборщиков, на котором должен быть выдвинут один кандидат в депутаты.

Выборная кампания в Калмыцкой степи прошла в апреле 1906 г. под руководством Астраханской губернской комиссии (с участием управляющего калмыцким народом) и Енотаевской уездной комиссии, в состав которой входил попечитель Яндыко-Мочажного улуса, назначенный астраханским губернатором. В первой половине апреля 1906 г. в Калмыцкой степи Астраханской губернии и Большедербетовском улусе Ставропольской губернии были проведены 244 аймачных схода, в которых приняли участие 5216 человек от 22 800 владельцев кибиток, имеющих скот. А 5 184 калмыцкие семьи, как не обладающие имущественным цензом (не имели скота), были лишены избирательных прав. На аймачных сходах были избраны 1376 представителей от аймаков для участия в улусных сходах. На улусном сходе председательствовал один из аймачных старшин, назначаемый астраханским губернатором, поскольку попечитель улуса и его помощники не имели права в нем участвовать. На состоявшихся 18 апреля 1906 г. улусных сходах и избирательных съездах были избраны выборщиками: от Малодербетовского улуса — нойон Д. Тундутов, Александровско-Багацохуровского — зайсанг Ц. Онкоров, Эркетеневского — крупный скотовод Б. Булданов, Харахусовского — зайсанг О.-Г. Оргечкиев, Икицохуровского — зайсанг, потомственный почетный гражданин Ц. Бадмаев, Хошеутовского — зайсанг Б.-А. Шонхоров, Яндыко-Мочажного — зайсанг О. У. Джамбаев, поселков Калмыцкого Базара и Капкинки — татарский мулла Рамазан Али-Агаев, поселков Бислюрта, Яшкуль и Чилгир — крупный скотовод, крестьянин п. Бислюрта — И. Я. Носков, Большедербетовского улуса — нойон М. М. Гахаев.

На завершающем этапе выборной кампании — общем собрании, состоявшемся

25 апреля 1906 г. в Астрахани, под председательством Д. Тундутова, назначенного Высочайшим указом, указанные выборщики из своего состава на альтернативной основе, тайным голосованием избрали депутатом Государственной думы первого созыва нойона Д. Тундутова [НА РК. Ф. И-9. Оп. 10. Д. 2. Л. 27-33, 35, 85-89, 105-109, 255]. Однако I Госдума в составе 524 депутатов проработала всего 72 дня — с 27 апреля по 8 июля 1906 г.

Выборная кампания во II Государственную думу проходила в Калмыцкой степи и в Большедербетовском улусе с января по май 1907 г. в соответствии с разработанным в 1905 и 1906 гг. избирательным законодательством. В феврале – марте 1907 г. состоялись аймачные сходы, а 10 апреля — улусные, избравшие выборщиков. Так, в сходе Яндыко-Мочажного улуса, состоявшемся 10 апреля 1907 г., приняли участие 43 из 45 аймачных старшин, 147 из 169 хотонных старост, 146 из 273 человек, выбранных на аймачных сходах. На альтернативной основе, тайным голосованием улусный сход избрал большинством голосов (245) выборщиком зайсанга О. У. Джамбаева, его соперник Б. Дензенев получил 115 голосов [НА РК. Ф. И-9. Оп. 10. Д. 2. Л. 251].

5 мая 1907 г. в 12 часов в Астрахани открылось собрание выборщиков от населения Калмыцкой степи и Ставропольской губернии под председательством нойона Сереб-Джаба Батыковича Тюменя, назначенного председателем Высочайшим указом от 24 апреля 1907 г. Выборщиками были избраны: от Александровского улуса — нойон Сереб-Джаб Батыкович Тюмень, Александровско-Багацохуровского — зайсанг Церен Онкорев, Харахусовского — зайсанг Очир-Гаря Оргечкиев, Малодербетовского (сев. часть) — зайсанг Леджин Бадмаевич Арлуев, Икицохуровского — зайсанг Церен Бадмаев, Эркетеневского — Буча Бульдаков, Яндыко-Мочажного — Очир Убушиевич Джамбаев, Малодербетовского (юж. часть) — гелюнг Ики-Чонососовского хурула Цеден Кармыков, Большедербетовского — зайсанг Терменке Овшивич Опогинов, поселков Бислюрта, Чилгир и Яшкуль — ме-

шанин Николай Петрович Смирнов, поселка Калмыцкий Базар — мулла мечети Рамазан Али-Агаев. Председательствующий ознакомил присутствующих с порядком выборов, огласил список выборщиков и участвующих в баллотировке. Путем подачи записок были выдвинуты две кандидатуры на один мандат депутата. В семи записках была названа кандидатура С.-Д. Б. Тюменя и в четырех — Л. Б. Арлуева. В результате тайного голосования С.-Д. Тюмень, получив «за» — 6 голосов, «против» — 4, был избран депутатом Государственной думы второго созыва. За кандидатуру Л. Арлуева проголосовали соответственно 1 и 9 [НА РК. Ф. И-9. Оп. 10. Д. 2. Л. 264, 272-274]. Полномочия II Государственной думы продлились всего 102 дня, она была распущена манифестом императора от 3 июня 1907 г.

Избирательное законодательство 1905-1906 гг., несмотря на введение сложной и многоступенчатой системы выборов, ограничительных цензов, дифференциацию избирателей по куриям, народностям, ведущим кочевой образ жизни, являлось более прогрессивным в российской дореволюционной истории, чем новые законодательные акты 1907 г., существенно ограничившие избирательные права населения Российской империи. С введением «Положения о выборах в Государственную думу» от 3 июня 1907 г. избирательным правом могли воспользоваться лишь 15 % населения России, а многие кочевые народы, в том числе и калмыки, вовсе лишились своего представительства в законодательном органе страны. При формировании III и IV Государственных дум калмыки участия не принимали, поскольку были лишены как пассивного, так и активного избирательного права.

Источники

[ПСЗ РИ 1908] *Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXV. 1905. Отд. I. СПб., 1908.*

[ПСЗ РИ 1909] *Полное собрание законов Российской империи. Т. XXVI. 1906. Отд. I. СПб., 1909.*

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК).

УДК 342
ББК 67.400

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РЕСПУБЛИКЕ КАЛМЫКИЯ В НАЧАЛЕ XXI в.*

Е. А. Гунаев

Вопросы регулирования миграции составляют одну из насущных проблем современной России. Согласно данным ООН, Россия занимает по количеству мигрантов второе место в мире после США. В России, по данным международной организации, находятся 11 млн приезжих [Доклад ООН 2013]. Миграция является одним из существенных факторов изменения численности населения. Мониторинг и регулирование процессов миграции населения — одна из важнейших задач органов государственной власти по стратегическому планированию регионального развития. В этой связи актуальным представляется исследование регулирования миграционных процессов на уровне субъекта Российской Федерации.

Миграционные процессы в постсоветский и современный периоды в контексте демографических процессов, влияния на общественно-политическую и социально-экономическую ситуацию в Республике Калмыкия рассматривали Н. В. Бадмаева, С. С. Белоусов, Л. В. Намруева, Б. Б. Нусхаева, Н. Г. Очирова, М. Б. Убушаев, Д. М. Чурюмова [Бадмаева 2009, 2011, 2012; Белоусов 2006, 2007, 2008, 2009; Намруева 2013; Нусхаева 2012; Очирова 2011; Убушаев 2009; Чурюмова 2013]. Влияние миграционных процессов на состояние преступности в Республике Калмыкия освещал Э. Ю. Авшеев [Авшеев 2012]. Вместе с тем, на наш взгляд, практически не исследовалось нормативно-правовое регулирование миграции в Республике Калмыкия. Рассмотрим указанный вопрос.

Конституцией РФ вопросы регулирования миграции населения прямо не отнесены ни к ведению Российской Федерации, ни к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов. Тем не менее, регули-

рование миграционных отношений затрагивает интересы регионального уровня осуществления государственной власти и местного самоуправления. Поэтому управление миграционными процессами осуществляется на различных уровнях публичной власти [Хабриева 2008: 3, 10].

Запаздывание в предыдущие годы федерального правового регулирования миграционных процессов как по предметам ведения Российской Федерации (например, статус иностранных граждан), так и по предметам совместного ведения (например, обустройство мигрантов) в сочетании с напряженной ситуацией в отдельных регионах вынуждало субъекты РФ осуществлять правовое регулирование до принятия федеральных актов [Хабриева 2008: 16].

В Республике Калмыкия специальные нормативные акты по вопросам миграции стали появляться в начале 2000-х гг. Одним из первых стал Указ Президента РК «О миграционной и демографической политике Республики Калмыкия» от 9 августа 2001 № 138 [Указ 2001]. В преамбуле Указа констатировалось: «Проводимые в стране коренные экономические реформы и демократические преобразования вызвали масштабные миграционные и демографические процессы. Отмеченные объективные процессы порождают необходимость совершенствования вопросов в данных сферах» [Указ 2001].

В целях регулирования потоков внутренней миграции и для обеспечения согласованных действий органов государственной власти Республики Калмыкия и федеральных органов государственной власти и решения задач социально-демографического развития республики данным Указом постановлялось:

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтничного макрорегиона в условиях роста напряженности» в рамках проекта «Демография народов Республики Калмыкия (конец XX – начало XXI в.)».

– Правительству Республики Калмыкия, руководителям органов исполнительной власти, органам местного самоуправления анализировать протекающие миграционные и демографические процессы с участием представителей общественных объединений, широко привлекать к обсуждению проблем, имеющих местное и республиканское значение, представителей различных слоев населения и на основе высказанных рекомендаций определять стратегию развития миграционной и демографической политики Республики Калмыкия.

– государственным средствам массовой информации Республики Калмыкия широко освещать миграционные и демографические процессы, происходящие в Республике Калмыкия [Указ 2001].

Во исполнение данного Указа в последующем был принят еще один Указ Президента РК — «О мерах по организации государственного регулирования за миграционными процессами на территории Республики Калмыкия» от 20 января 2003 г. № 59 (ред. от 20.03.2006) [Указ 2003]. Целью Указа объявлялись усиление государственного регулирования миграционных процессов, защита конституционных прав и свобод всех законно находящихся на территории Республики Калмыкия лиц, охрана общественного порядка. Эффективное государственное регулирование миграционных процессов провозглашалось одной из приоритетных задач Республики Калмыкия. Предлагалась разработка Положения о Комиссии миграционного контроля в Республике Калмыкия и Положения об организации координированной работы государственных и муниципальных органов по обеспечению соблюдения на территории Республики Калмыкия Правил регистрационного учета граждан.

Министерству внутренних дел Республики Калмыкия поручалось усилить работу по выявлению лиц, нарушающих Правила регистрации по месту жительства и пребывания на территории Республики Калмыкия, органам исполнительной власти, руководителям предприятий, учреждений и организаций независимо от форм собственности, индивидуальным предпринимателям при приеме на работу граждан неукоснительно выполнять требования законодательства о порядке регистрации граждан Российской Федерации и использования иностранной рабочей силы [Указ 2003].

В республике был принят и непродолжительное время действовал Закон РК «О пребывании и жительстве на территории Республики Калмыкия и о мерах по регулированию миграционных процессов в республике» от 28 января 2003 г. № 287-П-3 [Закон 2003а, 2003б]. Целями принятия закона являлись, помимо правового регулирования отношений, связанных с пребыванием и жительством на территории Республики Калмыкия иностранных граждан и лиц без гражданства, иных лиц, прибывающих на территорию республики, также «усиление государственного контроля за миграционными процессами, снижение социально-экономической напряженности, достижение межнационального согласия в республике» [Закон 2003а]. Статьей 18 данного Закона устанавливалось, что «миграция в Республике Калмыкия должна носить регулируемый характер и допускается в том объеме, в котором геополитическая обстановка, экономические и социальные условия позволяют обеспечивать права и свободы граждан, законно находящихся на территории республики, государственную и общественную безопасность» [Закон 2003а].

Необходимость регулирования миграционных процессов подвигла субъекты РФ вносить законодательные инициативы в Федеральное Собрание РФ с целью ускоренного принятия федеральных законов в сфере миграции. Например, Народный Хурал (Парламент) Республики Калмыкия, рассмотрев проект федерального закона «О миграции в Российской Федерации», внесенный Законодательным Собранием Краснодарского края и Государственным Советом – Хасэ Республики Адыгея в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации, постановил поддержать данную законодательную инициативу [Постановление 2002].

Органы местного самоуправления также принимают нормативно-правовые акты в сфере регулирования миграции. Мэрией г. Элисты было принято Постановление «О мерах по усилению контроля за миграционными процессами на территории г. Элисты» от 12 июля 2001 № 713 [Постановление 2001]. Указанным Постановлением «в целях регулирования миграции населения, упорядочения регистрации лиц, прибывающих в город Элисту, обеспечения общественного порядка и общественной безопасности» были утверждены Правила

регистрации граждан по месту жительства, месту пребывания в г. Элисте, Положение о комиссии миграционного контроля при мэрии г. Элисты [Постановление 2001].

Основным субъектом реализации государственной политики по регулированию миграции в регионе выступает Правительство Республики Калмыкия. В полномочиях Правительства закреплена разработка и реализация мероприятий, обеспечивающих социальную защищенность населения, регулирование его занятости и миграции; участие в разработке и реализации федеральных целевых программ, формирование республиканских целевых программ и обеспечение их реализации [Закон 1998].

Одним из направлений деятельности республиканского Правительства по реализации федеральных программ является содействие добровольному переселению соотечественников в страну [Гунаев 2009]. Во исполнение Указа Президента Российской Федерации «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» от 22 июня 2006 года № 637 и распоряжения Правительства Российской Федерации от 24 августа 2006 г. № 1172-р в Республике Калмыкия был одобрен «Проект Республиканской программы по оказанию содействия добровольному переселению в Республику Калмыкия соотечественников, проживающих за рубежом, на 2009–2012 годы» [Распоряжение 2008]. Проект Программы был представлен в Правительство Российской Федерации на согласование. Распоряжением Правительства РФ от 27 января 2012 № 57-р Республике Калмыкия в числе других субъектов была предоставлена отсрочка по проектам указанных региональных программ [Распоряжение 2012].

Исполняя требования федерального законодательства, Правительство РК в 2011 г. разработало проект Закона Республики Калмыкия «О порядке создания в Республике Калмыкия специального учреждения для содержания по решению суда иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих депортации или административному выдворению за пределы Российской Федерации» для внесения в Народный Хурал (Парламент) Республики Калмыкия [Распоряжение 2011]. «В целях координации и организации работы в Республике Калмыкия по реализации действующих законода-

тельных и иных нормативных актов Российской Федерации, Республики Калмыкия в области регулирования внешней трудовой миграции» также действует Постановление Правительства Республики Калмыкия «О мерах по регулированию внешней трудовой миграции в Республике Калмыкия» от 24 мая 2007 г. № 201 (ред. от 18.03.2013) [Постановление 2007].

Данным Постановлением образована Комиссия по регулированию внешней трудовой миграции в Республике Калмыкия. Основными задачами и функциями Комиссии являются:

1) осуществление координации деятельности органов исполнительной власти Республики Калмыкия, заинтересованных территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления муниципальных образований Республики Калмыкия, региональных объединений работодателей по реализации мероприятий в области регулирования внешней трудовой миграции, в том числе использования иностранных работников в отдельных видах экономической деятельности и их замещения национальными трудовыми ресурсами;

2) согласование потребности в привлечении иностранных работников к осуществлению трудовой деятельности в Республике Калмыкия, в том числе использования иностранных работников в отдельных видах экономической деятельности, и предложений по объемам квот в Республике Калмыкия;

3) согласование предложений по формированию организационных планов по реализации мероприятий в области регулирования внешней трудовой миграции, в том числе использования иностранных работников в розничной торговле;

4) проведение информационно-разъяснительной работы по реализации принятых Правительством Российской Федерации решений в области регулирования внешней трудовой миграции, в том числе использования иностранных работников в отдельных видах экономической деятельности;

5) обеспечение контроля за постоянным проведением мониторинга:

– функционирования розничных рынков;

– реализации принятых Правительством Российской Федерации решений в области регулирования внешней трудовой мигра-

ции, в том числе использования иностранных работников в розничной торговле;

– рынка труда и перспектив изменения спроса на рабочую силу в Республике Калмыкия, в том числе за счет предусматриваемого создания рабочих мест в рамках реализации приоритетных национальных проектов, инвестиционных проектов, федеральных, отраслевых, региональных и местных программ развития и др. [Постановление 2007].

Таким образом, в настоящее время в Республике Калмыкия правовое регулирование миграции осуществляется подзаконными нормативными актами, принятыми в соответствии с федеральными законами. Отсутствие специальных законов в области регулирования миграционных процессов у субъектов РФ объясняется сужением их полномочий федеральным законодательством. Вместе с тем в последнее время ставится вопрос о передаче регионам дополнительных полномочий в указанной сфере, и, как представляется, роль субъектов РФ в реализации миграционной политики будет возрастать.

Источники

- Закон* Республики Калмыкия «О Правительстве Республики Калмыкия» от 2 ноября 1998 г. № 1-П-3 (ред. от 09.04.2010) // Консультант Плюс. База «Региональное законодательство. Республика Калмыкия».
- Закон* Республики Калмыкия «О пребывании и жительстве на территории Республики Калмыкия и о мерах по регулированию миграционных процессов в республике» от 28 февраля 2003 г. № 287-П-3 // Хальмг үнн. 2003. 11 апреля.
- Закон* Республики Калмыкия «О признании утратившими силу некоторых Законов Республики Калмыкия» от 22 сентября 2003 г. № 384-П-3 // Хальмг үнн. 2003. 11 октября.
- Постановление* Мэрии г. Элисты «О мерах по усилению контроля за миграционными процессами на территории г. Элисты» от 12 июля 2001 г. № 713 // Консультант Плюс. База «Региональное законодательство. Республика Калмыкия».
- Постановление* Народного Хурала (Парламента) Республики Калмыкия «О поддержке законодательной инициативы Законодательного Собрания Краснодарского края и Государственного Совета – Хасэ Республики Адыгея по внесению в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта Федерального закона “О миграции в Российской Федерации”» от 15 февраля 2002 г. № 653-П // Консультант Плюс. База «Региональное законодательство. Республика Калмыкия».
- Постановление* Правительства Республики Калмыкия «О мерах по регулированию внешней трудовой миграции в Республике Калмыкия» от 24 мая 2007 г. № 201 (ред. от 18.03.2013) // Консультант Плюс. База «Региональное законодательство. Республика Калмыкия».
- Распоряжение* Правительства Республики Калмыкия «О Республиканской программе по оказанию содействия добровольному переселению в Республику Калмыкия соотечественников, проживающих за рубежом, на 2009–2012 годы» от 21 ноября 2008 г. № 355-р // Консультант Плюс. База «Региональное законодательство. Республика Калмыкия».
- Распоряжение* Правительства Республики Калмыкия «О внесении в Народный Хурал (Парламент) Республики Калмыкия проекта закона Республики Калмыкия “О порядке создания в Республике Калмыкия специального учреждения для содержания по решению суда иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих депортации или административному выдворению за пределы Российской Федерации”» от 19 декабря 2011 г. № 346-р // Консультант Плюс. База «Региональное законодательство. Республика Калмыкия».
- Распоряжение* Правительства Российской Федерации «Об отсрочке разработки проектов региональных программ по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» от 27 января 2012 г. № 57-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 06.02.2012. № 6. Ст. 744.
- Указ* Президента Республики Калмыкия «О миграционной и демографической политике Республики Калмыкия» от 9 августа 2001 г. № 138 // Известия Калмыкии. 2001. 21 августа.
- Указ* Президента Республики Калмыкия «О мерах по организации государственного регулирования за миграционными процессами на территории Республики Калмыкия» от 20 января 2003 г. № 59 (ред. от 20.03.2006) // Консультант Плюс. База «Региональное законодательство. Республика Калмыкия».

Литература

- Авишев Э. Ю.* Влияние миграционных процессов на состояние преступности в Республике Калмыкия // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 1. С. 110–113.
- Бадмаева Н. В.* Внутрорегиональные миграционные процессы в Республике Калмыкия // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2009. № 1. С. 69–72.
- Бадмаева Н. В.* Мигранты и принимающее общество: оценка экспертов // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 3. С. 105–107.
- Бадмаева Н. В.* Применение социальных технологий в управлении миграционными процессами в регионе: к постановке проблемы // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 2. С. 160–162.
- Белоусов С. С.* Вынужденные переселенцы и беженцы в Калмыкии // Труды Южного научного центра Российской академии наук. Социальные и гуманитарные науки. Т. 5. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН. 2009. С. 112–124.
- Белоусов С. С.* Международные миграции в Калмыкии (1992–2005 гг.) // Современные историко-правовые и экономические исследования. Сб. науч. тр. Элиста: КФ МАЭП, 2008. С. 78–90.
- Белоусов С. С.* Международные трудовые миграции в Калмыкии в постсоветский период // Полиэтнический регион: язык, культура, политика, экономика. Тез. докл. Всерос. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 9–10 октября 2008 г.). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. С. 32–35.
- Белоусов С. С.* Миграционный фактор в прошлой и в современной политике властей в решении политико-национальных и экономических проблем Калмыкии // Мат-лы регион. науч. конф. «Системные исследования современного состояния и пути развития Юга России (природа, общество, человек)» (г. Ростов-на-Дону, 6–8 июня 2006 г.). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2007. С. 239–242.
- Белоусов С. С.* Основные тенденции миграционных процессов населения в Калмыкии в постсоветский период // Современное состояние и сценарии развития Юга России. Мат-лы науч.-практ. семинара Объединённого отдела социально-политических и экономических проблем южных регионов ЮНЦ РАН (г. Ростов-на-Дону, 7–8 декабря 2005 г.). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2006. С. 116–121.
- Гунаев Е. А.* Государственная политика Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом: федеральный и региональный аспекты (на примере Республики Калмыкия) // Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее. Мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Элиста, 13–18 сентября 2009 г.). В 2 ч. Ч. 2. Элиста.: АПП «Джангар», 2009. С. 547–551.
- Доклад ООН:* Россия занимает второе место в мире по числу мигрантов [электронный ресурс] // URL: <http://www.russian.rt.com/article/15311> (дата обращения: 12.09.2013).
- Намруева Л. В.* Миграционные установки молодежи Калмыкии (по материалам исследования) // Вестник Калмыцкого университета. 2013. № 2. С. 64–70.
- Нухаева Б. Б.* Население Республики Калмыкия по итогам Всероссийской переписи – 2010 г.: основные характеристики // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 2. С. 128–133.
- Очирова Н. Г.* Трансформация социально-демографической структуры населения в конце XX и начале XXI вв. (на примере Республики Калмыкия) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2011. № 3 (28). С. 131–136.
- Убушаев М. Б.* Миграционные процессы в Республике Калмыкия в постсоветский период // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2009. № 1. С. 65–69.
- Хабриева Т. Я.* Роль субъектов Российской Федерации в государственном управлении в сфере миграции // Журнал российского права. 2008. № 4 (136). С. 3–16.
- Чурюмова Д. М.* Основные тенденции в демографическом процессе населения Республики Калмыкия // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 2. С. 124–129.

УДК 343.3
ББК 66.3 (2Рос)ЗИ

К ВОПРОСУ О МЕРАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Г. В. Цебекова, К. Д. Адьянов

Коррупция в России стала на данный момент основным препятствием политическому, экономическому и духовному возрождению, превратилась в реальную угрозу национальной безопасности страны, в главный тормоз на пути любых преобразований. Став фактически одним из элементов функционирования государства, неотъемлемой составляющей его взаимоотношений с гражданами, коррупция не только породила диспропорции в системе управления и функционирования государственных институтов, но и привела к серьезным сдвигам в сознании граждан, которые все более утрачивают доверие к власти и веру в справедливость. Социологические опросы и оценки экспертов показывают, что коррупция поразила практически все сферы современной жизни. Уровень и масштабы существующей в стране коррупции сдерживают экономическое, культурное и политическое развитие России, негативно отражаются на инвестиционном климате, снижают международную заинтересованность в сотрудничестве с российским государством.

Поражение коррупцией властных структур неизбежно приводит к снижению роли государства как регулятора экономических и социальных процессов, стимулирует паразитирование незначительной части общества на проблемах и тяготах большинства, переводит нормальную систему взаимоотношений между людьми в теневую, зачастую криминальную сферу. Особенно опасна коррупция в системе образования. Следует признать, что практически на всех уровнях образования — от дошкольных учреждений до диссертационных советов — коррупция стала нормой и давно перешла в разряд укоренившихся форм отношений. Наиболее характерными видами преступлений, связанных с коррупцией в сфере образования, являются следующие:

- получение взятки за поступление в высшее учебное заведение. Это самая распространенная форма злоупотреблений. По

некоторым оценкам, здесь кроется 80 % от общего числа преступлений, совершаемых в данной сфере [Чебатко 2008: 2];

- репетиторство преподавателями вузов и членами экзаменационных комиссий;

- получение взятки за сдачу экзаменов и зачетов в учреждениях среднего и высшего профессионального образования;

- получение взятки за заключение договора аренды помещений в образовательном учреждении и превышение должностных полномочий путем незаконной сдачи в аренду государственного имущества;

- продажа дипломов и аттестатов лицам, не прошедшим обучения в образовательном учреждении;

- получение взятки за устройство детей в дошкольные и среднеобразовательные учреждения.

Не удивительно, что сегодня Российская Федерация занимает 27-е место в мировом рейтинге в области образования, хотя еще в 1992 г. входила в первую пятерку [Размах коррупции...].

Современные Норвегия, Швеция, Финляндия, Дания и США являются странами, в чьих системах образования фактически отсутствует коррупционная составляющая, и в этом рейтинге Россия занимает 143-е место! При этом на 142-м месте находится Пакистан, а сразу после России — на 144-м месте — Камерун... [Размах коррупции...].

Исходя из таких показателей, можно смело говорить о том, что система образования прогнила, и гнить она начала с «головой». Как отмечают правоохранительные органы, значительное влияние на рост уровня коррупции в нашей стране оказало введение на всей территории РФ Единого государственного экзамена. Специалисты отмечают, что ЕГЭ способствовал переходу коррупции из приемных комиссий высших учебных заведений в школы. Многие школы заранее информируются о заданиях, педагоги помогают учащимся с решением экзаменационных заданий, намеренно не-

верно заполняются карточки с результатами, подделываются свидетельства ЕГЭ. На данный момент оборот коррупционных денежных средств в России составляет 5,5 млрд долларов, что примерно равно бюджету небольшой страны. Такую цифру назвал зампред комитета Общества защиты прав потребителей образовательных услуг (ОЗППОУ) Виктор Панин [Чебатко 2008: 2].

Официальные оценки масштабов коррупции в образовании, правда, намного ниже — 520 миллионов долларов, по данным ЮНЕСКО, и 1,5 миллиарда долларов — по данным Департамента экономической безопасности (ДЭБ) МВД России [Размах коррупции...]. С такими данными, конечно, можно спорить, но масштаб коррупции очевиден.

Масштабное репетиторство разворачивается в процессе подготовки школьников к поступлению в вузы. Явно выделяются три вида репетиторской работы:

1) общее репетиторство, связанное с повышением качества знаний учащихся;

2) специальное репетиторство, нацеленное на подготовку к сдаче ЕГЭ;

3) репетиторская работа преподавателей, являющихся членами приёмных комиссий вуза. Последнюю работу родители ценят, в прямом и в переносном смысле, более всего. Очевидно, оплата репетиционной работы третьего вида имеет основания считаться формой взятки в случае зачисления абитуриента в данный вуз, потому что при этом плата за репетиторство, не запрещаемое законом, превращается в незаконную плату за помощь при зачислении.

Общее репетиторство помогает учащемуся лучше разобраться в учебном предмете, улучшить знание понятийного аппарата, поставить правильную речь. Это очень трудная и долгая, но и наиболее полезная для образования работа. Она стоит дорого, хотя цены везде разные. Работа осуществляется не реже одного раза в неделю в течение одного-двух и более лет.

Можно утверждать, что в стране нет практически ни одного хорошего учителя, который не привлекался бы, под разными предложениями, к репетиторской работе. Здесь коррупция незаметна. Единственная совсем не решенная государством проблема — неплата налогов с получаемых при этом заработков.

Третий вид репетиторства нуждается в правовом регулировании. Оно довольно

простое: все члены приёмных комиссий вуза должны быть лишены права заниматься репетиторством. В случае нарушения этой нормы должны последовать штраф, иск налоговой инспекции или сравнительно большее наказание [Аванесов 2008: 23].

Система образования на данный момент занимает третье место на «пьедестале» коррумпированных систем в Российской Федерации, уступая здравоохранению и полиции. Самое плачевное то, что коррупция в нашей стране стала стабильной и имеет уже свои прецеденты. Например, для поступления в престижный российский вуз требуется от 3000 до 10000 долларов, для получения «липового» аттестата — до 30000 рублей, дело доходит до крайности в той области образовательной системы, которая, казалось бы, не должна подвергнуться коррупции: для устройства ребенка в детский сад требуют определенной «материальной» помощи [Размах коррупции...].

Взятничество преподавателей вузов — также важная составляющая коррупции в образовании. Взятки имеют место на промежуточных сессиях, государственных экзаменах, защитах дипломов и т. п., а средняя «цена» взятки составляет от 1000 до 5000 рублей. Опрос студентов, проведенный в 2010 г. рядом социологических центров, показал, что 90 % из них давали мзду преподавателю хотя бы один раз в течение учебного года [Размах коррупции...].

Но руководители большинства вузов смотрят на эти явления сквозь пальцы. Многие из них сами обкладывают данью преподавателей и факультетских руководителей, ибо им приходится делиться «доходами» с чиновниками, которые периодически проводят проверки их деятельности, выдавая лицензии и подтверждая аккредитации. Рынок «услуг» при проведении проверок всех уровней составляет 25 млн долларов в год, рынок лицензионных услуг тоже равен 25 млн долларов ежегодно, а вот государственные аккредитации обходятся вузам ежегодно уже в 50 млн долларов [Комков].

Распространение коррупционных явлений в образовании приводит к таким последствиям, как:

- подрыв конституционного принципа равных возможностей. Этот принцип обычно называют «бесплатным образованием», то есть, стартовые возможности оказываются изначально не равными для тех, кто может дать взятку, и для тех, кто этой возможности не имеет;

- духовная деградация общества;
 - утрата вузами принципов объективности, неподкупности и высоких этических стандартов, которая лишает институт высшего образования общественной поддержки. Рост коррупции дискредитирует саму сущность университетского образования;

- снижение уровня знаний, влияющее на ухудшение качества человеческого капитала общества [Апресян 2005: 64–87].

Таким образом, по нашему мнению, чтобы избежать всего этого, необходимо принять ряд мер, которые могли бы снизить уровень преступности в данной сфере.

Во-первых, следует повысить оплату труда педагогов средней и высшей школы.

В западной экономической традиции принято полагать, что вознаграждение преподавателя, ученого складывается из финансового вознаграждения и академического вознаграждения (удовольствия от преподавания, свободного графика, возможности работать в нескольких местах, заниматься творческим трудом и т. д.). В России академическое вознаграждение значительно уменьшено, и преподаватели вынуждены нести огромное бремя бюрократической нагрузки. На Западе академическое вознаграждение компенсирует разрыв в зарплатах. У нас в стране — нет.

Во-вторых, следует совершенствовать нормативную базу, вносить дополнительные условия в трудовые договоры с преподавателями, регулярно проводить мониторинг коррупции в вузе (через анкетирование студентов), усиливать контрольные функции со стороны руководства образовательных учреждений, а также повышать

заинтересованность в качестве образования как у преподавателя, так и у студента.

В-третьих, важно ужесточить административно и уголовно-правовую политику в отношении коррупции в образовании.

Необходимо заметить, что данные меры будут действенны только в совокупности.

В наше время государство и само общество считают коррупцию обычным явлением, что является основным препятствием в борьбе с ней, ее искоренении. Ведь образование является основой любой деятельности, и коррупция в его сфере просто недопустима, а признание последней как составного элемента в деятельности государства означает движение к беспорядочному существованию.

Литература

- Аванесов В. С.* Противодействие коррупции и бюрократии в сфере образования // Женщины в борьбе против коррупции. М.: Торгово-промышлен. палата, 2008. С. 23.
- Апресян Р. Г.* Этика в высшем образовании // Этика образования // Ведомости Научно-исследовательского института прикладной этики. Вып. 26: / под ред. В. И. Бакштановского и Н. Н. Карнаухова. Тюмень: НИИПЭ, 2005. С. 64–87.
- Комков С. К.* Российская система образования — сфера неограниченной коррупции [электронный ресурс] // URL: <http://www.promved.ru/> (дата обращения: 14. 10. 2013).
- Размах коррупции в российском образовании — 5,5 миллиардов долларов в год* [электронный ресурс] // URL: <http://www.kp.ru/daily/> (дата обращения: 14. 10. 2013).
- Чебатко М.* Коррупция надвигается // «РБК daily». 2008. 28 апреля. № 4. С. 2.

УДК 343.34
ББК 67.408

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ СО ВЗРЫВАМИ*

В. В. Басанов, А. Н. Кравцова

В современном мире одна из сложных и актуальных — проблема террористических актов, предотвращение которых является насущной задачей общества. В условиях полиэтничной и поликонфессиональной России в целях противодействия экстремизму необходимы консолидированные усилия органов государственной власти, местного самоуправления и институтов гражданского общества. Одной из задач исследований правоведов является способствование совершенствованию законодательных актов.

Преступления, связанные со взрывами, являются сугубо криминалистическим понятием, в рамках же настоящей статьи будет предпринята попытка рассмотреть данную группу преступлений, выделяемую нами условно, с точки зрения их уголовно-правовой характеристики. Исходя из цели преступного использования взрывного устройства или взрывчатого вещества, действия виновных лиц могут быть квалифицированы в одних случаях как террористический акт (ст. 205 УК РФ), в других — убийство (п. «е» ч. 2, ст. 105 УК РФ), в третьих — умышленное уничтожение или повреждение имущества (ч. 2 ст. 167 УК РФ) или иное преступление.

Мотивация совершения преступлений с использованием энергии взрыва может быть самой разнообразной: от вымогательства, вандализма, массовых беспорядков до диверсии и сокрытия других преступлений. Но всех их объединяет одно: все эти преступления носят умышленный характер, заранее подготавливаются и совершаются общеопасным способом.

Виновные лица не только предвидят возможность наступления общественно-опасных последствий, но и желают их наступления, создавая при этом необходимые условия. Для этого ими наряду с иными предметами изыскиваются (изготавливаются, проходят испытание, похищаются) и приспособляются взрывчатые вещества и взрывные устройства.

Впоследствии взрывчатые вещества и взрывные устройства, становясь орудиями преступлений, используются для производства взрывов и оказания смертоносного, разрушительного воздействия их энергии на заранее определенный предмет посягательства.

Преступления, совершаемые посредством использования энергии взрыва, могут совершаться в целях запугивания, шантажа, устрашения отдельных лиц или групп населения, оказания на них психического воздействия. Можно согласиться с А. А. Беляковым, определяющим данные преступления как «общественно-опасные деяния, совершенные путем целенаправленного, заранее подготовленного использования из корыстных или иных низменных побуждений взрывных устройств и взрывчатых веществ для инициирования смертоносной, разрушительной энергии взрывов, рассчитанного на причинение тем самым морального, физического или имущественного вреда отдельным лицам или группам лиц, либо их убийство или уничтожение имущества» [Беляков 2003: 50].

Особое место среди преступлений, связанных со взрывами, занимают террористические акты, влекущие массовые человеческие жертвы, разрушения материальных ценностей, порождающие недоверие и ненависть между социальными и национальными группами населения.

Вместе с тем, терроризм ни при каких обстоятельствах не может быть оправдан соображениями политического, философского, идеологического, расового, этнического, религиозного или иного характера, а лица, виновные в совершении актов терроризма и других, предусмотренных указанными конвенциями преступлений, должны привлекаться к ответственности в соответствии с законом, и им следует назначать наказание с учетом тяжести совершенных преступлений [Постановление Пленума ВС РФ 2012].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект №13-13-08003.

Главной и основной формой проявления терроризма является террористический акт, ответственность за совершение которого предусмотрена статьей 205 Уголовного кодекса РФ.

В диспозиции данной статьи¹ указывается, что под террористическим актом понимается, в первую очередь, «совершение взрыва <...> опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий».

С объективной стороны, «взрыв — наиболее общественно-опасный способ совершения террористического акта, представляющий собой мгновенное мощное самораспространяющееся химическое превращение взрывчатых веществ, сопровождающееся взрывной волной, громким звуком, возгоранием. Взрыв приводит к образованию сильного нагретого газа с высоким давлением, который при расширении оказывает механическое воздействие на окружающие предметы» [Белкин 1997: 32].

Как показывает практика, абсолютное большинство террористических актов совершается путем взрывов, повлекших тяжкие последствия. Основным непосредственным объектом террористического акта являются те конкретные общественные отношения, содержание которых составляет общественную безопасность, которые поставлены под охрану Уголовного Закона и которым причиняется ущерб преступлением (террористическим актом). Дополнительный непосредственный объект — общественные отношения, содержанием которых являются альтернативно: безопасность жизни или здоровья личности; права собственности; нормальное функционирование органов власти и управления.

Позиции ученых в вопросе выделения дополнительного объекта террористического акта различны. Одни отстаивают позицию, при которой такое выделение представляется излишним [Чучаев 2010: 12]. Другие приходят к выводу о необходимости расширения перечня дополнительных объектов рассматриваемого деяния и предлагают соответствующую классификацию [Галачиева 2010: 69]. Третьи, разделяя в целом вышеприведенные позиции, полагают, что объект террористического акта характеризуется полиобъектностью [Ольдеева 2011: 50].

¹ Ст. 205 Уголовного кодекса РФ.

Именно по объекту констатируется отграничение терроризма от диверсии. По законодательной обрисовке действия (в нашем случае — совершение взрыва), диверсия почти полностью совпадает с терроризмом. Различие состоит в объекте посягательства: общественная безопасность при террористическом акте и экономическая безопасность России — при диверсии.

Уголовный Закон трактует, что любой взрыв следует квалифицировать по ч. 1 ст. 205 УК. В то же время взрывные устройства и боеприпасы по мощности и поражающей силе различаются между собой и влекут различные последствия. А данные судебной статистики свидетельствуют, что при совершении террористических актов путем взрывов в большинстве случаев применяются взрывные устройства и боеприпасы большой мощности.

Нельзя не согласиться с предложением М. Ф. Мусаэляна об усилении ответственности за указанное деяние, предусмотрев в п. «в» ч. 2 ст. 205 УК РФ квалифицирующий признак «с применением взрывных устройств и боеприпасов большой мощности» [Мусаэлян 2007], то есть тех, которые содержат от 10 до 100 кг и более 100 кг взрывчатых веществ в тротиловом эквиваленте и могут вызвать сильные и очень сильные взрывы. Введение предложенных изменений, несомненно, позволит с большей точностью квалифицировать террористические акты, совершенные посредством использования энергии взрыва.

Достаточно дискуссионным в науке является вопрос, связанный с определением момента окончания преступного посягательства, совершаемого в форме террористического акта.

Разделяя мнение таких ученых, как А. Ю. Морозов, А. И. Чучаев, а также следуя логике законодателя, мы приходим к выводу о том, что террористический акт считается оконченным преступлением с момента совершения взрыва независимо от наступления общественно-опасных последствий. Следовательно, состав преступления здесь формальный.

Вместе с тем, состав преступления будет иметь место только в том случае, если указанные выше действия создавали реальную угрозу наступления общественно-опасных последствий, указанных в законе, а именно: создавали опасность гибели человека, причинения значительного имущественного

ущерба либо наступления иных тяжких последствий. Поэтому производство взрыва в безлюдной местности, когда отсутствовала опасность гибели человека и т. д., не может быть расценено как теракт, даже если террорист преследовал цель, связанную с устрашением населения и оказанием воздействия на принятие решения органами власти в свою пользу.

В этой связи необходимо привести позицию Верховного Суда РФ, согласно которой совершение взрыва, устрашающего население и создающего опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, а равно угроза совершения взрыва, могут быть квалифицированы как террористический акт только при наличии у лица цели воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями.

При этом указанное воздействие может выражаться как в побуждении соответствующих субъектов к совершению определенных действий, так и к воздержанию от их совершения. Таким образом, цели и характер совершаемого взрыва влияют на квалификацию преступного деяния как террористического акта или как иного преступления. Фактическое наступление смерти, причинение значительного ущерба, иных тяжких последствий вследствие взрыва составом данного преступления не охватываются.

Все реально наступившие последствия квалифицируются либо по соответствующим частям ст. 205 УК РФ, выделяющим такие последствия рассматриваемого деяния, как причинение смерти по неосторожности или причинение значительного имущественного ущерба, либо наступление иных тяжких последствий, либо по совокупности с составами убийства, умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, умышленного уничтожения чужого имущества.

В объективную сторону состава террористического акта также входит такая форма действия, как угроза совершения взрыва.

В уголовном праве под угрозой понимают психическое насилие, которое характеризуется решимостью совершить действие, направленное на причинение вреда другому. При этом угроза должна быть реальной. Именно реальность намерения отличает угрозу от обнаружения умысла и придает ей уголовно-правовой характер.

Если имеет место один лишь факт обнаружения умысла на совершение теракта, не подкрепленного конкретными действиями, свидетельствующими о реальности и серьезности намерения, угроза совершения теракта как признак объективной стороны преступления отсутствует.

В нашем случае угроза совершения террористического акта с применением взрывных устройств должна подкрепляться совершением таких действий, как приобретение взрывных веществ, установка взрывных устройств, совершение «предупреждающих» взрывов, не создающих опасность гибели людей и т. п. При этом под приобретением взрывных веществ понимаются не только их получение, но и все возможные варианты незаконного получения. Несмотря на выбранную форму её выражения, угроза должна вызвать у адресата обоснованное опасение в ее осуществлении.

Любая угроза террористического акта должна включать в себя как оглашение характера общественно-опасных последствий, совершением которых угрожают, так и мотивов целей их совершения (обычно требование совершить те или иные действия). Угроза может быть осуществлена в любой форме: устной, письменной, с помощью аудио-видеозаписи и иных средств связи.

Угроза, независимо от ее форм, признается оконченным преступлением с момента ее объективизации (выражения), то есть она должна быть доведена до широкого (узкого) круга лиц и вызвать реальные опасения ее осуществления.

В соответствии с ч. 5 ст. 15 Уголовного кодекса РФ террористический акт — это особо тяжкое преступление. В соответствии с этим положением, а также положениям ч. 2 ст. 30 УК РФ, уголовная ответственность наступает даже за приготовление к теракту.

Субъективную сторону рассматриваемого преступления характеризует наличие прямого умысла и специфическая цель, с которой оно совершается — воздействие на принятие решения органами власти и международными организациями. При отсутствии указанной цели, как нами уже указывалось выше, квалификация по ст. 205 УК РФ исключается.

Террористический акт — состав с общим субъектом (уголовной ответственности подлежит вменяемое физическое лицо, достигшее 14 лет). Следует отметить, что, в

силу вышеизложенного, террористические организации или государства не могут нести уголовную ответственность за совершение террористического акта.

Литература

- Белкин Р. С.* Криминалистический словарь. М.: Нов. мысль. 1997. 872 с.
- Беляков А. А.* Преступления, связанные с использованием энергии взрыва, как объект криминалистики и следственной практики // Академический юридический журнал. 2003. № 1. С. 50–58.
- Галачиева М. М.* Уголовно-правовой анализ террористического акта: законодательные и теоретические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар: Кубан. госун-т. 2010. 24 с.
- Мусаэлян М. Ф.* Террористический акт. Уголовно-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Акад. правосудия, 2007. 28 с.
- Ольдеева Д. А.* Преступления террористической направленности: уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации. Элиста: НПП «Джангар», 2011. 133 с.
- Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4.*
- Чучаев А. И., Грачева Ю. В., Задоян А. А.* Преступления против общественной безопасности: учебно-практич. пособие. М.: Проспект, 2010. 256 с.

УДК 581.5(581.8)
ББК 20.1+28.5

**СОПОСТАВЛЕНИЕ СТРУКТУРЫ ПОБЕГА
GLYCYRRHIZA GLABRA L. В УСЛОВИЯХ ПОЛУПУСТЫННОЙ ЗОНЫ И
ПОБЕРЕЖЬЯ ВОЛГИ**

Ж. В. Менкнасунова, В. И. Дорджиева

Glycyrrhiza glabra L. — одно из наиболее распространенных растений умеренных и субтропических зон всех континентов. В китайской и тибетской медицине оно известно свыше пяти тысяч лет как ценнейшее лекарственное растение. Начиная со времен Гомера, солодка упоминается во всех европейских медицинских сочинениях. Народами нашей страны солодковый корень применяется издавна и приводится во всех травниках. Он входит во все отечественные фармакопеи. О лекарственном применении солодки говорится в древнейшем памятнике китайской медицины — «Книге о травах», написанной за 3 000 лет до н. э. Из Китая солодка попала в тибетскую медицину. Корни солодки использовались в Шумере, Ассирии, откуда они были позаимствованы врачами Древнего Египта [Кузнецова 1992: 228].

Калмыкия обладает степным женьшенем — сладким корнем — солодкой голой. В конце XVIII в. солодку использовали в основном калмыцкие буддийские монахи-врачеватели (эмчи), назначая это невзрачное растение тем, кто обращался к ним, так как оно по своим лечебно-профилактическим свойствам значительно превосходило другие травы степи. Солодковый корень — это адаптоген, который подходит к данным природно-климатическим условиям и внешним воздействиям на человека в данной местности [Стеклов 1995: 127].

В 1964 г. в Ботаническом институте им. В. Л. Комарова АН СССР (Ленинград) состоялось первое совещание по изучению и использованию солодки в народном хозяйстве СССР, сыгравшее мобилизующую

роль в разностороннем и углубленном ее использовании. Последний, IV, симпозиум по солодке состоялся в 1991 г. в г. Алма-Ата. Материалы всех четырех симпозиумов вобрали в себя новейшую информацию по вопросам систематики, морфологии, географии, фитоценологии, экологии, фармакологии, улучшению природных зарослей и введения солодки в культуру [Гладышев 1994: 23].

Нами была установлена анатомическая структура и проведен морфометрический анализ сложного листа *G. glabra L.* [Менкнасунова, Ендовицкая, Дорджиева 2012: 45]. Некоторые закономерности роста вегетативно-годового побега в условиях побережья Волги рассмотрены в другой работе [Дорджиева, Менкнасунова 2011: 44]. Определены показатели парной и множественной корреляции морфологических признаков. Установлены плеяды наиболее сильно взаимосвязанных признаков. Анатомическая структура стебля рассмотрена в работе Ж. В. Менкнасуновой и В. И. Дорджиевой [Менкнасунова, Дорджиева 2013: 43–45].

Цель данной работы — сопоставить структуры вегетативно-годового побега в условиях полупустынь и побережья Волги.

Исследования проводились в период с 2007 по 2013 гг. Объектом изучения послужили закончившие рост годовичные побеги и фотосинтезирующие органы солодки голой (*Glycyrrhiza glabra L.*). Наблюдения за онтогенезом велись в окрестностях г. Элисты и на левом берегу р. Волги близ п. Цаган-Аман Юстинского района Республики Калмыкия. Анализ выборки годовичных

побегов и сложного листа проводился по предложенной схеме: по побегу учитывали 13 параметров при $n=50$. Анатомические срезы выполняли по общепринятой методике. Рисунки производились с микроскопа «Биолан» с помощью РА-4. Обработка исходных данных проведена с помощью компьютерных пакетов: табличный процессор Excel 7.0 для Windows 95, статистический пакет Statistica for Windows, Release 4.3 b. Copyright © Statsoft, Inc/ 1993, лицензированного ЦИКВОК МЭСИ.

Побег рассматривают как структурную и функциональную единицу растительного организма. Побег — орган, метамерами которого являются лист, пазушная почка, узел и междоузлие. Лист — латеральный орган ограниченного роста. Почка — зачаточный побег. Существуют различные способы классификации почек. Узел — место заложения листового примордия на апикальной меристеме стебля. Междоузлие — расстояние между двумя узлами. Заложение листового зачатка на конусе нарастания происходит в строго определенное время и в определенном месте, которое обусловлено степенью развития раннее заложившегося листового примордия. Именно это позволяет определить формулу листорасположения на молодом стебле. Для солодки — это $2/5$, т. е. на одной ортостихе расположены первый и пятый листья, три листа между ними образуют две спирали, что соответствует числителю дроби, а знаменатель — числу ортостих на побеге *G. glabra* L. Морфологически ортостихи на побеге выделяются в виде 5 граней, особенно по местам контакта черешка со стеблем.

На ортотропном годичном побеге выделяются побеги, развивающиеся из спящих почек (на нижней части) и почек текущей вегетации. К моменту полного цветения, независимо от условий обитания, нижние 5–10 листьев отмирают, оставляя на побеге листовые рубцы. Параметры этих листьев невелики, поэтому междоузлия удлиняются незначительно. Соответственно, безлистная часть побегов возобновления, берущая начало на подземных горизонтальных побегах, составляет не более 20–25 % от высоты стебля. У *G. glabra* L. нет специализирован-

ных генеративных побегов возобновления. А вот пазушные побеги второго порядка могут оставаться вегетативными, в средней части — вегетативно-генеративными, а в верхней части ортотропных побегов возобновления становятся чисто генеративными. В среднем на годичном побеге *G. glabra* L. закладывается до 15–16 пазушных побегов (изменчивость от 7 до 26). Происхождение накладывает существенный отпечаток на формирующийся побег. Уже сами почки на одном и том же растении в зависимости от расположения, времени заложения, характера распределения, емкости отличаются друг от друга.

Колленхима на гранях стебля (соответствующих 5 ортостихам), мощно развитая лубяная склеренхима и либриформ между радиально расположенными сосудами определяют вертикальное расположение побега в пространстве. Наличие хорошо развитой хлоренхимы обуславливает активное участие молодого стебля, наряду с листьями, в накоплении продуктов запаса в подземных органах.

Ортотропные побеги возобновления, берущие начало от подземных корневищ на побережье Волги, достигают как минимум в два раза большей высоты, чем в условиях полупустынь. Но количество листьев на них в среднем одинаково, хотя на отдельных экземплярах растений в условиях побережья может развиваться на 10–15 листьев больше, чем в условиях полупустынь (табл. 1). В среднем на годичном побеге *G. glabra* L. в условиях побережья закладывается до 15–16 пазушных побегов (при размахе изменчивости от 7 до 26). Длина пазушного генеративного побега в среднем достигает 19 см. 38 % длины его — это бесплодная часть оси соцветия. На оставшейся части закладываются до 14 бобов, в которых созревает чуть больше трех десятков семян (т. е. в бобе — 2 реже 3). Число бобов на одном пазушном побеге и общее число семян в них относятся к признакам с наибольшей нормой реакции. Так, число бобов на одном пазушном побеге может варьировать от 4 до 31, а число семян в них — от 6 до 90 (данные по числу бобов и семян на побеге в условиях полупустынь отсутствуют).

Таблица.

**Сопоставление морфометрических параметров годичного побега
G. glabra L. в разных условиях обитания**

Место и условия обитания	Элиста (полупустынная зона) (min–max), см	п. Цаган-Аман (побережье р. Волга) (min–max), см
Морфологические признаки побега		
1. Высота побега (D)	42 (25–52,5) (до 20–25 % с перидермой, с листовыми рубцами)	88,5 (60–120) (до 25 % с перидермой, с листовыми рубцами)
2. Количество листьев (L ₁)	21–23 (12–26)	22–23 (14–38)
Параметры нижнего листа:		
3. Длина (H ₁)	9,8 (5,3–12,0)	8,5 (3,2–12,8)
4. Число листочков (H ₂)	7 (5,0–11,0)	7 (5–11)
5. Длина верхнего листочка (H ₄)	2,26 (1,5–3,2)	2,7 (0,8–4,2)
6. Ширина верхнего листочка (H ₅)	1,51 (1,0–2,0)	1,6 (0,4–2,9)
Параметры среднего листа:		
7. Длина (C ₁)	10,4 (4,5–14,8)	11,9 (3,7–15,6)
8. Число листочков (C ₂)	11 (9–13)	9 (3–13)
9. Длина верхнего листочка (C ₄)	2,0 (0,9–3,1)	3,4 (1,9–4,8)
10. Ширина верхнего листочка (C ₅)	1,25 (0,7–2,0)	1,9 (0,8–2,7)
11. Длина междоузлия (C ₃)	2,9 (1,1–5,0)	3,8 (1,2–10,2)

Примечание: указаны средние показатели, в скобках — амплитуды изменчивости, буквы в скобках соответствуют условным обозначениям рассматриваемых признаков побега в условиях побережья.

По выборке, взятой в условиях полупустынь, нами учитывались только 13 признаков, а на побережье Волги число рассматриваемых признаков расширили до 30. В табл. 1 сопоставляются средние показатели и амплитуды изменчивости по совпавшим признакам. Несмотря на высокую норму реакции по высоте побега, число листьев на нем сохраняется почти без изменений, независимо от условий среды. Вдвое большая высота побега *G. glabra* L. в благоприятных условиях среды достигается не столько за счет активной деятельности апикальной меристемы и заложения на нем зачатков листьев, сколько за счет удлинения междоузлий побега. К признакам с узкой нормой реакции относятся рассмотренные параметры нижних листьев. Так, длина сложного листа, параметры листочков, число листочков, как по средним показателям, так и по размаху изменчивости остаются одинаковыми в условиях полупустынь и побережья. Признаки среднего листа на побеге имеют боль-

шую норму реакции, чем нижнего (табл. 1). В условиях побережья они остаются крупнее на 30–40 % (по длине сложного листа, по линейным параметрам верхушечного листочка). Настолько же удлиняются и междоузлия несущего листа.

Таким образом, сравнение данных по листьям разных формаций солодки голой с берегов Волги с данными по выборке в окрестностях г. Элисты позволяет отметить узкую норму реакции по структуре фотосинтезирующих органов, а именно — по длине сложного листа и по числу листочков, их составляющих. Площадь листовой пластинки средних листьев у растений первой популяции значительно превосходит такую у растений второй популяции. По всем же рассмотренным признакам закончивших рост ортотропных побегов возобновления нами установлены коэффициенты корреляций Браве–Пирсона. По полученным данным для удобства анализа составлены корреляционные кольца (рис. 1, 2).

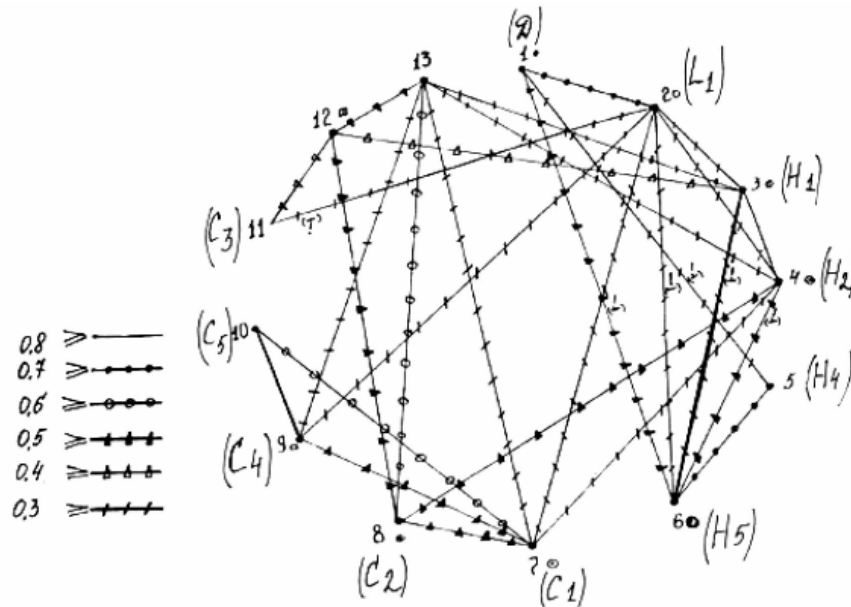

Рис. 1. Корреляционное кольцо признаков строения вегетативно-генеративного годичного побега *G. glabra* L.

Цифры по окружности соответствуют номеру рассматриваемого признака: 1 — высота побега (Д), 2 — количество листьев на побеге (L_1), 3 — длина нижнего сохранившегося листа, 4 — количество листочков на нижнем листе, 5 — длина верхушечного листочка, 7 — длина среднего

листа на побеге, 8 — количество листочков на с.л., 9 — длина верхнего листочка с.л., 10 — ширина верхнего листочка с.л., 11 — длина междуузлия с.л., 12 — максимальное количество листочков в сложном листе, 13 — длина наиболее развитого пазушного побега; С — средний лист, Н — нижний лист.

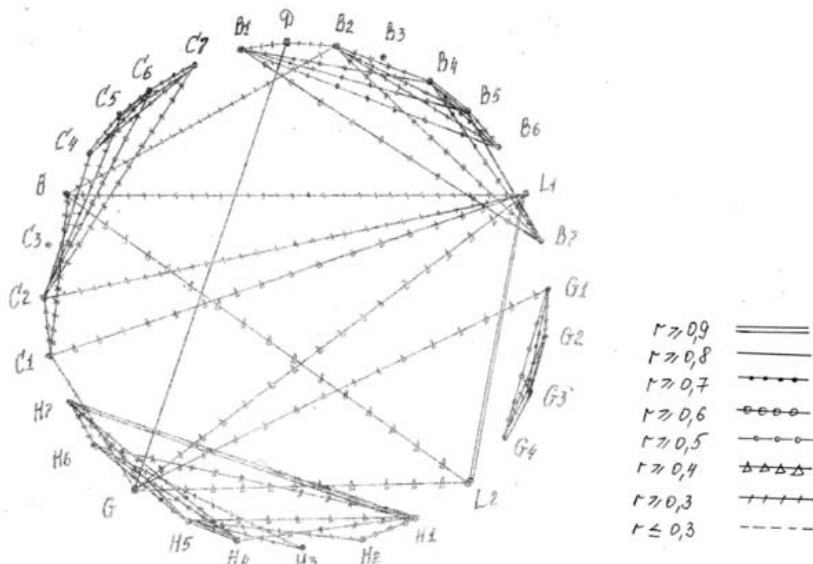

Рис. 2. Корреляционное кольцо признаков строения генеративного годичного побега *G. glabra* L. на побережье Волги

G_1 — длина наиболее развитого пазушного побега, G_2 — длина бесплодной части оси первого порядка соцветия, G_3 — количество бобов на соцветии, G_4 — общее количество семян в соцветии одного из пазушных побегов. Все остальные обозначения — как на рис. 1.

В условиях полупустынь, несмотря на ослабление взаимосвязей в онтогенезе, наиболее тесная взаимосвязь остается между параметрами сложного листа. Достаточно высокий уровень корреляции сохраняется между высотой побега и общим количеством листьев ($r \geq 0,7$). Нами было выделено 9 групп наиболее сильно коррелирующих признаков — корреляционные плеяды. Наибольшей мощностью обладает признак, отражающий общее число фотосинтезирующих органов на годичном побеге. Со многими из учтенных признаков связана и длина листа, расположенного на средней части побега. При этом, судя по данным крепости плеяды, внутривлеядные признаки на закончившем рост побеге приобретают относительную самостоятельность.

Закончивший рост годичный побег в условиях побережья сохраняет высокий уровень сбалансированности между учтенными параметрами вегетативных и генеративных органов. Об этом свидетельствуют найденные показатели множественного коэффициента корреляции с параметрами фотосинтезирующих органов (разных формаций), общим числом заложившихся на побеге пазушных генеративных побегов. Высокий уровень взаимозависимости сохраняется между учтенными параметрами внутри листочков сложного листа. Чем выше по побегу расположен фотосинтезирующий орган, тем сильнее взаимозависимость между всеми учтенными признаками сложного листа. Связь параметров листа с его междуузлиями, наоборот, по высоте побега ослабевает. Число же пазушных побегов сохраняет взаимосвязь средней силы с длиной пазушного генеративного побега и с общим числом фотосинтезирующих органов. Сохраняется достаточно высокая взаимозависимость между учтенными параметрами генеративной сферы. Сопоставляя полученные данные, можно отметить следующее:

1) на ортотропном годичном побеге выделяются побеги, развивающиеся из спящих почек и почек текущей вегетации.

У *G. glabra* L. нет специализированных генеративных побегов возобновления;

2) вертикальному положению стебля в пространстве способствуют колленхима, мощно развитая лубяная склеренхима и либриформ между радиально расположенными сосудами;

3) несмотря на высокую норму реакции, число листьев по высоте побега на нем сохраняется почти без изменений независимо от условий среды;

4) в условиях побережья полную независимость от всех рассмотренных признаков несущего листа приобретает длина междуузлия. Между взаимозависимыми признаками листьев разных формаций выделены корреляционные плеяды. Самостоятельную плеяду образуют признаки генеративной сферы.

Литература

- Гладышев М. А. Скифский сладкий корень // Природа. 1994. № 8. С. 21–26.
- Дорджиева В. И., Менкнасунова Ж. В. Некоторые закономерности роста и развития годичного побега солодки голой в условиях Калмыкии // Проблемы современной биологии. М.: Спутник, 2011. С. 40–46.
- Кузнецова М. А. Сказания о лекарственных растениях. М.: Высш. шк., 1992. С. 228–229.
- Менкнасунова Ж. В., Ендовицкая Л. В., Дорджиева В. И. Анатомическое строение стебля солодки голой (*Glycyrrhiza glabra* L.) // Актуальные вопросы экологии и охраны природы экосистем южных регионов России и сопредельных территорий: мат-лы XXV межреспубл. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 40-летию Учебного сада Кубан. гос. ун-та / отв. ред. М. В. Нагалецкий. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2012. С. 44–46.
- Менкнасунова Ж. В., Дорджиева В. И. Анатомическое строение и морфометрический анализ сложного листа *Glycyrrhiza glabra* L. // Вестник Адыгейского государственного университета. 2013. Вып. 1. (116). С. 40–46. (Сер. «Естеств.-матем. и техн. науки»).
- Стеклов М. И. Природные целители Калмыкии // Теегин герл. 1995. № 2. С. 126–127.

УДК 581.1
ББК 28.5

АНАТОМИЧЕСКОЕ СТРОЕНИЕ ФОТОСИНТЕЗИРУЮЩИХ ОРГАНОВ КОХИИ СТЕЛЮЩЕЙСЯ

В. И. Дорджиева, Е. Ч. Аюшева, Р. Р. Джапова

Деградация земель аридных экосистем выдвигает задачу разработки методов их экологической реставрации. Одним из методов экологической реставрации деградированных земель является фитомелиорация. Наиболее перспективным видом для фитомелиорации деградированных пастбищ в пустынной зоне Калмыкии является песчаный экотип *Kochia prostrata* [Аюшева, Джапова 2012: 1187].

Для изучения анатомического строения надземных вегетативных органов кохии стелющейся использован материал, собранный в мае 2013 г. в однолетниково-прутняковом сообществе на бурых полупустынных супесчаных почвах. Для исследования взят годичный побег с развитыми листьями. Подготовка анатомических срезов, подсчет устьиц на единицу площади, промеры (измерения клеток и тканей) были проведены по общепринятой методике [Барыкина 1976].

Годичный побег имеет непучковое строение, которое образуется за счет контакта отдельных проводящих пучков, входящих в стебель от листьев. Межпучковый камбий,

формируясь из отдельных паренхимных клеток на границе коровой паренхимы и сердцевины, прежде всего формирует камбиальное кольцо. Камбий откладывает довольно мощный слой вторичной флоэмы к периферии и паренхимные клетки более или менее широких радиальных лучей.

На схематическом рисунке стебля (рис. 1 А) представлен общий план строения однолетнего стебля кохии стелющейся. Снаружи стебель покрыт однослойной эпидермой с простыми волосками. Глубже расположена пластинчато-уголковая колленхима из одного, а в некоторых местах — из двух слоев клеток, коровая паренхима из 5–6, а над участками лубяной склеренхимы из 3–4 слоев бесцветных клеток. В отдельных клетках довольно много хлоропластов. В центральном цилиндре хорошо заметна прерывистая лубяная склеренхима (из 5–6 угольных по форме клеток с толстой оболочкой), приуроченная к местам расположения наиболее развитых коллатеральных проводящих пучков. Под лубяной склеренхимой расположено неравномерно утолщенное кольцо «мягкого» луба.

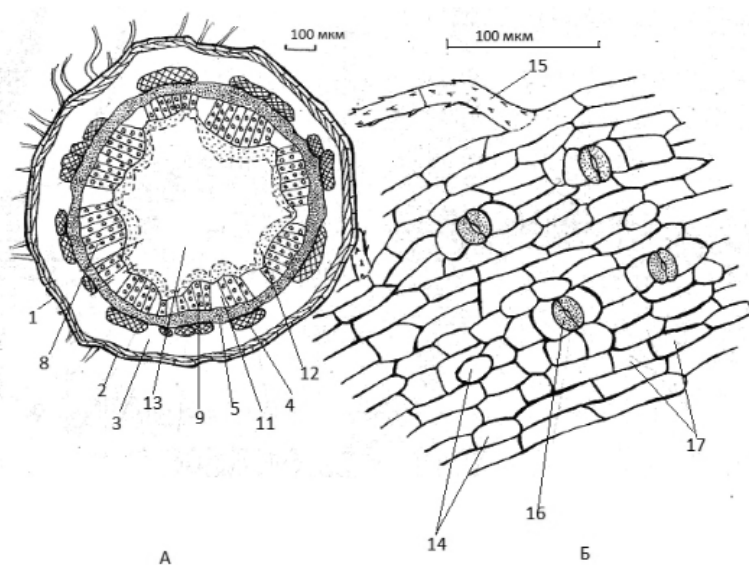
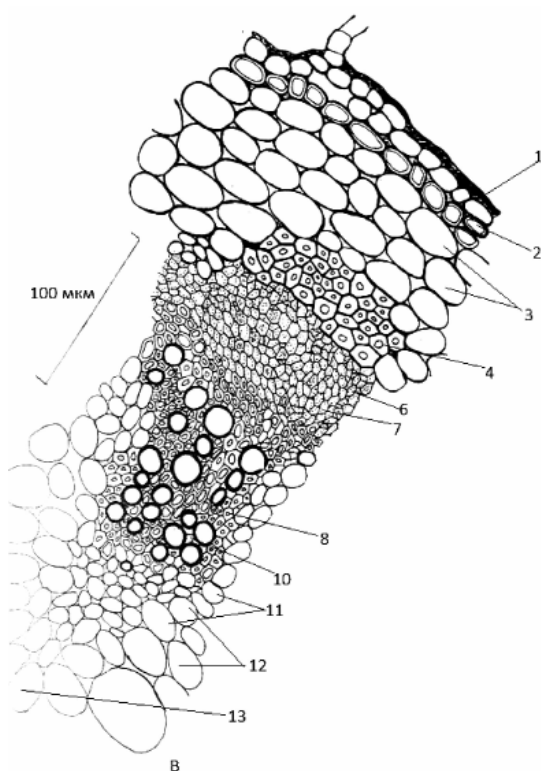

Рис. 1. Строение стебля песчаного экотипа кохии стелющейся. А — схема строения стебля; Б — эпидерма стебля: 1 — эпидерма; 2 — колленхима; 3 — коровая паренхима; 4 — лубяная склеренхима; 5 — мягкий луб; 6 — ситовидные трубки; 7 — лубяная паренхима; 8 — древесная склеренхима; 9 — сосуды; 10 — древесная паренхима; 11 — радиальные лучи; 12 — перимедулярная зона; 13 — сердцевина; 14 — основание волосков; 15 — волоски; 16 — устьица; 17 — покровные клетки эпидермы.

Вторичная ксилема прерывается более или менее широкими рядами паренхимных клеток. Перимедулярная зона состоит из мелких тонкостенных клеток, сердцевина представлена паренхимными клетками, размеры которых увеличиваются к центру стебля.

На рис. 1В участок стебля показан при большом увеличении, по которому можно получить представление о соотношении не только отдельных тканей, но и клеток. Сосуды ксилемы расположены радиальными рядами и чередуются с рядами клеток древесной склеренхимы: клетки последней отличаются от клеток лубяной склеренхимы меньшими размерами и менее утолщенными стенками. В радиальных рядах без особого порядка чередуются сосуды с разным диаметром — от 3 до 8 мкм.

В

Рис. 1 В. Анатомическая структура участка стебля кохии стелющейся.
Увеличение 7х40.

Толщина кольца мягкого луба колеблется от 20 до 50 мкм. Ситовидные трубки большей частью сосредоточены в той части кольца, которая заключена между участка-

ми лубяной и древесной склеренхим. Выше мы уже отмечали наличие простых волосков на эпидерме стебля. Такие же волоски в значительном количестве присутствуют и на листьях.

Эпидерма стебля и листьев кохии стелющейся имеет сходное строение и составлена клетками 4–6 угольной формы, вытянутыми по высоте побега и длине листа. На фоне этих покровных клеток четко выделяются округлые клетки — основания простых волосков. Судя по размерам округлых оснований, можно сделать заключение: волоски на верхней эпидерме крупнее и чаще расположены, чем на нижней эпидерме и на эпидерме стебля. Покровные клетки эпидермы стебля в среднем достигают 37х11 мкм, на верхней эпидерме листа — до 43х27 мкм, на нижней — до 50х18 мкм. Устьица аномоцитного типа, т.е. окружены клетками, не отличающимися по форме и размерам от остальных клеток. Каждое устьице окружено 4 (реже 5) клетками. Устьица на верхней эпидерме чуть длиннее (27х18 мкм), чем на стебле и нижней эпидерме (22х18 мкм). Следует отметить, что устьица на эпидерме побега кохии стелющейся собраны более или менее упорядоченно. На стебле длинная ось устьиц направлена поперек высоты и собрана вертикальными рядами друг над другом. Таково же распределение устьиц и на эпидерме листовой пластинки (рис. 2 А, Б).

На рис. 3 показана схема строения листа на поперечном срезе (увеличение 7х8), рядом — анатомическое строение листа при большом увеличении. Центральная часть листовой пластинки занята водозапасающей паренхимой — 2–3 слоя крупных клеток — 35,4 х 19,0 мкм в среднем. Центральная водозапасающая паренхима с обеих сторон окружена небольшими проводящими пучками, которые образуют анастомозы между собой. Ксилемная часть коллатеральных проводящих пучков направлена в сторону эпидерм, нижней и верхней. В каждом отдельно взятом пучке преобладает флоэмная часть, в ксилемной, сосудов мало, и они небольшого диаметра. На продольном срезе анастомозирующих участков проводящих пучков заметны кольчатые, реже спиральные сосуды. Камбий в фотосинтезирующих органах, закончивших рост, нами не обнаружен. Со стороны ксилемы отдельные пучки окружены «аркой» из квадратных по

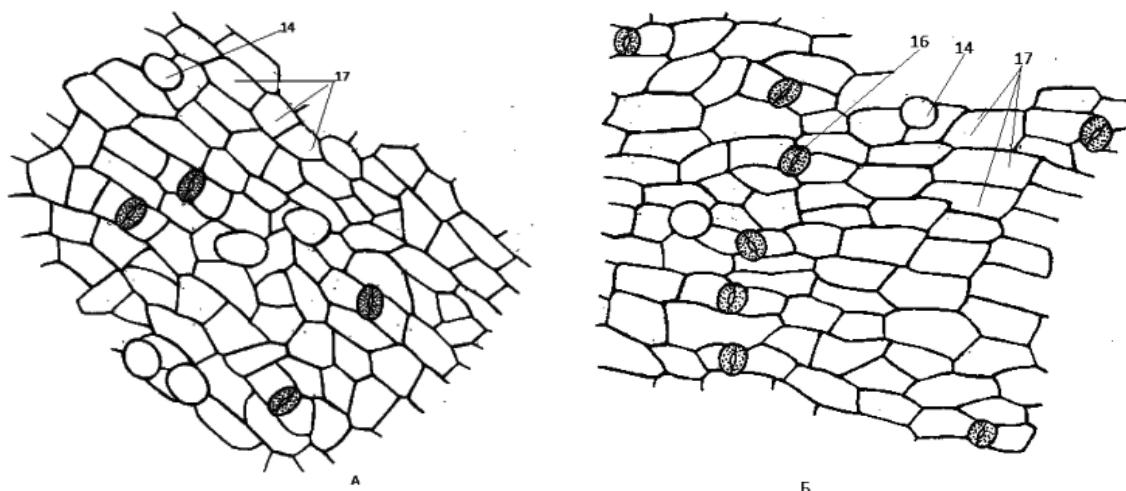

Рис. 2. Строение эпидермы листовой пластинки кохии стелющейся: А — анатомия верхней и Б — нижней эпидерм. Условные обозначения те же, что и на рис. 1.

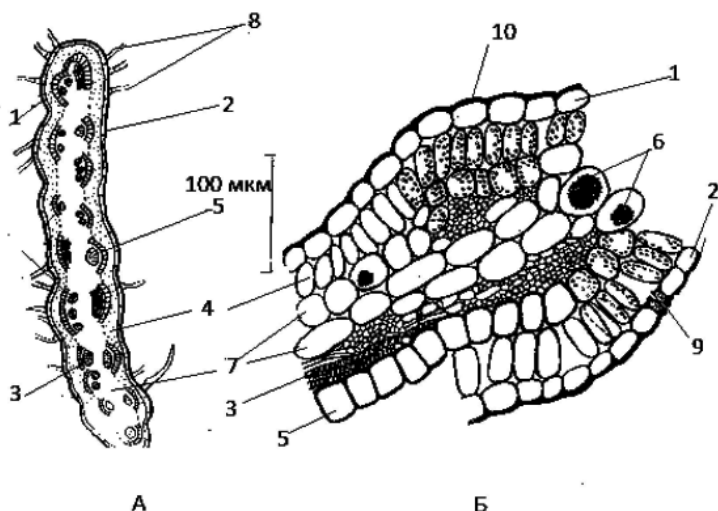

Рис. 3. Строение листа кохии стелющейся на поперечном срезе: 1 — верхняя и 2 — нижняя эпидермы; 3 — проводящие пучки; 4 — хлоренхима; 5 — полукранц-обкладка; 6 — кристаллы солей; 7 — водозапасающая ткань; 8 — волоски, 9 — устьице, 10 — кутикула.

форме клеток обкладки, которые прерываются в местах, где отсутствуют проводящие пучки. Клетки обкладки (26 x 20 мкм) четко отличаются и фотосинтезируют наряду с хлоренхимой, составленной из одного слоя палисадных клеток — (28–38 x 10–16 мкм).

Хлоренхима проходит с аба- и адаксиальной сторон листовой пластинки непосредственно под эпидермой. Кутикула над эпидермой слабо выражена. В очертании на поперечном срезе листовая поверхность слегка волнистая: выпуклости совпадают с местами прохождения обкладок. С адаксиальной стороны волнистость выражена сильнее, чем с абаксиальной. В отдельных клетках водозапасающей паренхимы отмечены кристаллы солей.

Таким образом, структурная дифференциация листьев кохии стелющейся, экотип

песчаный (серый), подтверждает C_4 — путь метаболизма с полукоронарным типом кранц-анатомии. Однако у представителей названного типа «обкладка и мезофилл образуют арки над периферическими проводящими пучками, располагающимися в двух плоскостях» [Вознесенская, Гамалей 1987: 26–29]. У кохии стелющейся мелкие анастомозирующие проводящие пучки расположены вокруг водозапасающей ткани. Наличие последней обуславливает определенную суккулентность — накопление и удерживание воды в тканях листа. Этому же способствует и содержание кристаллов солей в отдельных клетках мезофила. Полукранц-обкладки над отдельными или одна общая над 2–3 мелкими проводящими пучками выпуклой стороной направлены к хлоренхиме, тем самым образуя волни-

стость обеих сторон листовой пластинки. Хлоренхима из одного слоя палисадной ткани проходит непрерывно под эпидермой с аба- и адаксиальной сторон. В фотосинтезе участвуют и клетки полукранц-обкладки. Подобная анатомическая структура листа свидетельствует о том, что у кохии стелющейся обе стороны листовой пластинки в равной степени участвуют в фотосинтезе. У абсолютного большинства двудольных растений с дорсовентральной структурой мезофилла лишь адаксиальная сторона хорошо адаптирована к выполнению функции фотосинтеза. Расположение водозапасающей ткани в центральных клетках мезофилла способствуют сохранению и экономному расходованию запасенной влаги. Этому же способствует волнистая поверхность листовой пластинки. Значительное количество простых, довольно длинных волосков коррелирует с тонкой кутикулой. Аномоцитные устьица расположены на одном уровне с эпидермальными клетками. На верхней эпидерме до 100 устьиц на 1 м², на нижней — чуть больше. Отмеченные признаки также способствуют экономному расходованию воды и уменьшению инсоляции.

Анализ анатомического строения годичного побега кохии стелющейся позволяет заключить, что у рассматриваемого вида стебель — непучкового типа: сплошное кольцо образует только мягкий луб. Участки лубяной склеренхимы, хорошо представленная в ксилеме древесная склеренхима и один

слой колленхимы под эпидермой обеспечивают ортотропное положение побега в пространстве.

Особенностью анатомического строения годичного стебля песчаного экотипа кохии стелющейся является наличие хлоропластов в отдельных клетках коры, что свидетельствует об участии стебля в фотосинтезе.

Структурная дифференциация листьев подтверждает C₄ — путь метаболизма с полукоронарным типом кранц-анатомии. При этом мелкие анастомозирующие проводящие пучки расположены вокруг водозапасающей ткани, наличие которой обуславливает определенную суккулентность.

Литература

- Аюшева Е. Ч., Джапова Р. Р.* Видовой состав и продуктивность фитоценозов, улучшенных путем фитомелиорации на бурых полупустынных почвах Калмыкии // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 14. № 1 (5). 2012. С. 1187–1190.
- Барыкина Р. В.* Практикум по анатомии растений. М.: Просвещ., 1976. 250 с.
- Вознесенская Е. В., Гамалей Ю. В.* Структурная дифференциация мезофилла у растений с кранц-типом анатомии листа // Современные проблемы экологической анатомии растений. Мат-лы I Всесоюз. совещ. по эколог. анатомии растений. Ташкент: Фан, 1987. С. 26–29.

УДК 504.062
ББК 28.080.1

ВЛИЯНИЕ АНТРОПОГЕННЫХ ФАКТОРОВ НА СОЗДАНИЕ ПАРАГЕНЕТИЧЕСКИХ ЛАНДШАФТОВ

Л. Н. Ташнинова

Парагенетический ландшафт представляет собой систему пространственно сложных региональных или типологических комплексов, связанных общностью своего происхождения. Примером пространственно-временного варианта генезиса такого ландшафта может служить природно-территориальный комплекс «Восточный Маныч», занимающий область аккумулятивных равнин морского происхождения.

В середине третичного периода Кумо-Манычская впадина неоднократно заливалась морскими водами, образуя пролив, соединяющий Каспийское и Черное моря. Во время регрессии, когда впадина освобождалась от воды, в ней сформировались две речные долины — Западного и Восточного Маныча. В последний раз впадина была затоплена во время нижнехвалынской трансгрессии. Каждая из двух долин имеет пойменную и три надпойменные террасы. В настоящее время пойменная терраса Западного Маныча заполнена водами озера Маныч-Гудило, в пойме Восточного Маныча находится Чограйское водохранилище.

Для района исследований характерны следующие климатические показатели: сумма положительных температур 3400–3500⁰, ГТК < 0,7, осадки составляют 358–400 мм. Температура воздуха летом достигает +40⁰С, минимальная в январе -35⁰С. За вегетационный период выпадает 200–250 мм осадков, преимущественно за счет кратковременных ливней. В пределах этого образования выделяется комплекс озерно-степных ландшафтов, почвенный покров которых представлен каштановыми, светло-каштановыми, лугово-каштановыми почвами, солонцами и солончаками луговыми

[Агроклиматические ресурсы Калмыцкой АССР 1974: 19].

Формирование каждого типа почв связано с элювиальным, трансэлювиальным и супераквальным типом ландшафта, где рельеф, подстилающие породы, уровень ГВ определяют тип водного режима, миграцию химических элементов и другие почвенные процессы.

В супераквальном ландшафте преобладают солянковые, тростниковые и лугово-пырейные ассоциации, приуроченные к почвам гидроморфного типа (солончаки, луговые типы, аллювиальные). В трансэлювиальном ландшафте преобладают разнотравно-пырейные, разнотравно-полынные, злаково-пырейные ассоциации, приуроченные к почвам полугидроморфного и гидроморфного типа (гидрометаморфизированными почвами) и каштановыми разновидностями. В элювиальном ландшафте преобладают полынно-разнотравные, полынно-типчаковые, разнотравно-белопопынно-ковыльные, типчаково-ромашниковые ассоциации на зональных каштановых, светло-каштановых солонцеватых почвах [Ташнинова А. А. 2009: 51; Ташнинова Л. Н., Ташнинова А. А. 2010: 52–61].

Антропогенные, т. е. созданные человеком, ландшафты развиваются согласно природным закономерностям и создают один из генетических рядов природных ландшафтов. Они находятся в тесной связи с фоновыми природными комплексами, образуя с ними парагенетические системы [Мильков 1978: 25].

На территории Калмыкии примером парагенетических ландшафтов могут быть опустыненные земли Прикаспия, наземные

экосистемы экотонной зоны искусственных водоемов Кумо-Маньчской впадины, защитные лесные насаждения Ергеней, система обводнительных и оросительных каналов Сарпинской низменности, техногенные объекты. Сложность и многогранность влияния антропогенного фактора, связанного с использованием естественных природных экосистем, приводит к трансформации состояния и функционирования экосистем на региональном и биосферном уровнях [Авесаломова 1992: 3].

В аридных регионах, где наиболее значительным антропогенным фактором является сельскохозяйственная деятельность, влияние этого фактора достигло критического уровня. Например: распашка легких почв привела к росту площадей открытых песков Прикаспия; полив минерализованной водой орошаемых полей привел к росту засоленных площадей близ оросительных систем; рост поголовья скота привел к пастбищной дигрессии и истощению земли. Длительная история хозяйствования на аридных территориях, в том числе и в Калмыкии, определила сильную деградацию естественных пастбищ, опустынивание, истощение природно-ресурсного потенциала и, как следствие, снижение уровня жизни населения.

На первом этапе изучения этой проблемы необходимо обратить внимание на трансграничные процессы, используя для этого ландшафтно-геохимические подходы. Антропогенные ландшафты после создания вступают в тесный взаимный обмен веществом и энергией со смежными компонентами. С одной стороны, антропогенные ландшафты зависят от окружающей природной среды, с другой — сами влияют на смежные комплексы, создавая поле обратного действия. Трансформация ландшафтов происходит под влиянием ряда факторов: геоморфологического, гидрологического, климатического. В условиях аридного климата все эти факторы работают во взаимосвязи, образуя новый парагенетический ландшафт [Ташнинова Л. Н., Ташнинова А. А. 2011: 152].

К числу универсальных показателей структурно-функциональной перестройки

природно-антропогенных ландшафтов относится изменение структуры почвенного покрова, и в особенности таких важных показателей, как солевой состав почв.

В качестве примера были взяты два объекта: объект «Хар-Булук», светло-каштановая почва (Ергени), расположенный в умеренно аридной зоне с ГТК 0,5–0,6 и среднегодовыми осадками 300–400 мм; объект «Белое озеро», бурая аридная почва (Прикаспий) — в сильно аридной зоне с ГТК 0,3–0,4 и среднегодовыми осадками менее 300 мм.

В задачу исследований входило изучение трансформации почв как одной из главных составляющих в этих системах. Известно, что почва относится к открытым системам, устойчивость которых в значительной степени зависит от внешних факторов.

На Ергенях защитные лесонасаждения и прилегающие поля образуют функциональную парагенетическую систему. Кроме изменений микроклимата, флоры и фауны, водно-воздушного режима, в самих насаждениях и на прилегающих полях происходит трансформация почвообразовательных процессов: изменение водно-солевого и питательного режима почв, связанное с инфильтрацией влаги и режимом грунтовых вод, микроклиматом, агротехникой. На объекте «Хар-Булук» под 36-летней вязовой лесополосой отмечено рассоление почвогрунта по всему 5-метровому слою. Если содержание плотного остатка на контрольной площадке составляло по слоям: 0–50 см — 0,166 %, 50–100 см — 0,324 %, 100–150 см — 0,421 %, 150–200 см — 1,025 %, 200–300 см — 1,382 %, 300–400 см — 1,306 %, 400–500 см — 1,297 %, то под 36-летней лесополосой содержание плотного остатка составляло по слоям: 0–50 см — 0,069 %, 50–100 см — 0,122 %, 100–150 см — 0,134 %, 150–200 см — 0,173 %, 200–300 см — 0,193 %, 300–400 см — 0,215 %, 400–500 см — 0,238 % [Ташнинова, Химинова, Богун 1998: 36]. В данном случае лесные полосы плотной конструкции при обеспечении их дополнительным увлажнением за счет расположения их на трансэлювиальном типе ландшафта внесли существенные изменения в профильное размещение солей (рис. 1).

На опустыненных землях Прикаспия образование антропогенных ландшафтов вызвало трансформации почвенного покрова: потерю верхнего гумусового горизонта, изменение водного режима почв. На участках с проведенными агролесомелиоративными работами по закреплению подвижных песков отмечены изменения ландшафтов опустыненных территорий. На прикаспийском участке были расположены 10-летние посадки саксаула на бурых аридных песчаных почвах с близким залеганием (УГВ—520 см) минерализованных (31 г/л) хлоридно-сульфатных грунтовых вод. Господствующим процессом в почвогрунтах является соленакопление, обусловленное выпотным типом водного режима. Высокая концентрация солей в верхней части профиля (плотный остаток в слое 0–40 см ≥ 1 %, запасы солей составляют 50 т/га) связана с подъемом минерализованных грунтовых вод и интенсивным их расходом на эвапотранспирацию, а также с ежегодным поступлением легкорастворимых солей из опада саксаула, ежегодное накопление которых

может составлять 5–20 т/га. Причины гибели 8–10-летних насаждений связаны с высокой засоленностью почвогрунтов: гор. А и В бурно вскипают с поверхности, в гор. В и С имеются четко выраженные карбонатные включения и кристаллы солей; глубже залегают увлажненные сизовато-бурые суглинистые и глинистые слои, влияющие на капиллярный подъем. Преобладающие соли в 1,5-метровом слое почвы: Na_2SO_4 (56 % от общей суммы солей), NaCl (17 %), MgCl_2 (10 %), также присутствует сода. Содержание хлор-иона в нижних слоях находится в пределах, оказывающих угнетающее и токсичное влияние на древесную растительность (рис. 2). На почвах этого типа местообитаний, с близким залеганием минерализованных грунтовых вод, как показали наблюдения, хорошо произрастает тамарикс, а местами лох и терескен. Следует отметить, что качественный состав солей и грунтовых вод на родине саксаула несколько иной (преобладает CaSO_4), хотя общая минерализация солей довольно высокая.

Необходимо подчеркнуть, что выбор саксаула — среднеазиатского аборигена — для закрепления подвижных песков был неудачным. Корневая система саксаула, достигающая 10–11 м, при уровне засоленных грунтовых вод (520 см) сыграла роль насоса. Известно, что саксаул хорошо выдерживает сульфатное засоление, но не хлоридное. В данном случае господствующим процессом в почвогрунтах стал процесс соленакопления, обусловленный выпотным типом водного режима. В результате на месте участка с песчаным незасоленным в верхнем 3-метровом слое почвогрунта образовался участок с фрагментом галофитной пустыни, с высокой концентрацией солей в верхнем слое 0–40 см (плотный остаток составляет 1 %). В сильно измененных ландшафтах происходит трансформация компонентов природной среды с нарушением естественных связей.

Оценка современного состояния ландшафтов основана на выявлении особенностей их антропогенной трансформации, которые определяют главные тенденции развития и их экологические последствия. Трансформация среды под влиянием антропогенных факторов вносит значительные изменения как в современное состояние почв, так и в направление их эволюции. Изучение антропогенно-измененных ландшафтов показало, что в зависимости от совокупности и характера взаимодействия природных и антропогенных факторов ответные реакции природной среды строго дифференцированы. Наличие парагенетических взаимо-

связей диктует необходимость изучения не только антропогенных ландшафтов, но и всего комплекса, включающего и прилегающие природные экосистемы, при соблюдении принципа природно-антропогенной совместимости.

Литература

- Авессаломова И. А.* Экологическая оценка ландшафтов. Учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. 89 с.
- Агроклиматические ресурсы Калмыцкой АССР.* Л.: Гидрометиздат, 1974. 187 с.
- Мильков Ф. Н.* Рукотворные ландшафты. Рассказ об антропогенных комплексах. М.: Изд-во «Мысль», 1978. 86 с.
- Ташинова А. А.* Роль абиотических факторов в формировании почв озерно-степных ландшафтов Маныча // Экология и почвы. Роль абиотических факторов в почвообразовании. Мат-лы XVI Всерос. школы. Т. VII. Пушкино: ОНТИ ПНЦ РАН, 2009. С. 51.
- Ташинова Л. Н., Ташинова А. А.* Почвы аридных зон Калмыкии // Вестник Южного научного центра РАН. 2010. Т. 6. № 1. С. 52–61.
- Ташинова Л. Н., Ташинова А. А.* Почвы парагенетических ландшафтов аридных зон Калмыкии // Мат-лы Всерос. конф. «Закономерности изменения почв при антропогенном воздействии и регулировании состояния и функционирования почвенного покрова». М.: Почвен. ин-т им. В. В. Докучаева РАСХН, 2011. С. 151–154.
- Ташинова Л. Н., Химина Е. Г., Богун А. П.* Биоэкологические условия роста защитных лесонасаждений на юге Ергеней. Элиста: АПП «Джангар», 1998. 105 с.

МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

С 1 по 20 октября 2013 г. в Калмыкии впервые проходила международная лингвистическая экспедиция в рамках Соглашения, подписанного между Калмыцким институтом гуманитарных исследований РАН и Институтом изучения монгольского языка Академии социальных наук Автономного района Внутренняя Монголия КНР (АРВМ КНР). Совместная экспедиция стала заключительным этапом масштабной работы китайских ученых по записи всех монгольских языков и их диалектов. За период проведения исследований они посетили более 60 районов компактного проживания монголоязычных народов Китая, Монголии и России. В ходе этой многолетней работы учеными было опрошено более 60 тыс. человек, записано свыше 4000 часов материалов по современным монгольским языкам.

Группа китайских ученых состояла из 5 человек, в их числе директор Института, профессор Баатер, научные сотрудники — Ши Хуа, Бюренбилиг, Дюрен и Ли Янг. С российской стороны в экспедиции участвовали ученые КИГИ РАН — Н. Г. Очирова, директор, руководитель экспедиции, С. Е. Бачаева, Е. В. Бембеев, Б. А. Бичеев, Б. Х. Борлыкова, В. В. Куканова, Д. Г. Кукеев, Б. В. Меньяев, Д. Н. Музраева, Осорин У., Н. Ч. Очирова.

Основной целью проекта было фиксирование синхронного среза современного бытования монгольских языков и сохранение всех образцов устной речи носителей монгольского языка для последующих поколений. В процессе реализации проекта записаны образцы речи информантов, свободно владеющих калмыцким языком, собраны уникальные материалы по устному народному творчеству. Исследования проводились в г. Элисте, в Кетченеровском, Лаганском, Яшкульском, Целинном и Ики-Бурульском районах республики. За время экспедиции учеными записана речь 160 человек, что составило 118 часов аудиоматериала. Среди информантов — известные деятели культуры и искусства, журналисты и др.

По итогам международной научной экспедиции состоялся «круглый стол», на котором директор института Н. Г. Очирова и профессор Баатер наметили и обсудили дальнейшие планы сотрудничества. Ученые договорились о совместной подготовке Толкового словаря языка героического эпоса «Джангар» на основе калмыцкой, ойратской и монгольской версий. По предложению китайской стороны координатором создания фундаментального труда выступит КИГИ РАН. В целях реализации данного проекта в 2014 году планируется проведение совместного международного семинара.

НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

4 октября 2013 г. в рамках Международного конгресса «Фольклор монгольских народов: историческая действительность», который проводил Калмыцкий государственный университет, в конференц-зале КИГИ РАН состоялся Круглый стол «Эпос «Джангар» и джангароведение: исследовательские приоритеты и проблемы сохранения эпического наследия монголоязычных народов». В нем приняли участие директор Института языка и литературы Академии наук Монголии, академик Л. Болд, сотрудники этого института А. Алимаа, Б. Катуу, преподаватели Университета Внутренней Монголии КНР Д. Тая, Монкзая и Урсхал, старший научный сотрудник Института

востоковедения РАН, к.ф.н. В. Э. Раднаев, внс Института восточных рукописей РАН, д.ф.н. И. В. Кульганек, мнс Института восточных рукописей РАН, канд. фил. наук Д. А. Носов, зав. отделом фольклористики и литературоведения ИМБиТ СО РАН, д.ф.н. Л. С. Дампилова, внс ИМБиТ СО РАН, д.ф.н. Б. С. Дугаров, нс Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБиТ СО РАН, хранитель фонофонда, к. иск. Л. Д. Дашиева, профессор Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова, д.ф.н. В. В. Илларионов и др.

Заседание открыла директор КИГИ РАН Н. Г. Очирова, которая ознакомила ученых с деятельностью института в области эпосо-

ведения и рассказала о работе сотрудников над созданием Свода калмыцкого фольклора. В обсуждении выдвинутых проблем приняли участие заведующая отделом фольклора и джангароведения Института, к.ф.н. Б. Б. Манджиева, главный библиограф П. Э. Алексеева, научный сотрудник отдела фольклора и джангароведения КИГИ РАН Ц. Б. Селеева. В ходе Круглого стола развернулась оживленная дискуссия по вопросам дальнейшего развития эпосоведения, а также по другим актуальным проблемам изучения устного народного творчества.

24 октября 2013 г. в Национальном музее Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова состоялась региональная научно-практическая конференция «Творчество Г. О. Рокчинского и актуальные проблемы современного изобразительного искусства», посвященная 90-летию народного художника России Г. О. Рокчинского, организованная Калмыцким институтом гуманитарных исследований РАН и Национальным музеем. Конференция собрала научную и творческую интеллигенцию республики, а также ученых из Самары и Владикавказа.

На конференции с докладами выступили ведущий научный сотрудник КИГИ РАН, д.иск. С. Г. Батырева, зав. отделом письменных памятников, литературы и буддологии, д.филос.н. Б. А. Бичеев, аспирант КИГИ РАН Е. Н. Мучиряева и др.

На научном форуме были организованы секции — «Творческое наследие Г. О. Рокчинского», «Традиционная культура и изобразительное искусство в системе образования», «Музейное дело: проблемы формирования и изучения коллекций национального искусства», состоялось заседание Круглого стола «Национальное искусство в призме этнической идентичности творческой личности», проведенного в рамках реализации проекта Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Этнокультурная политика в мультиэтничном регионе РФ: конструирование этничности».

С 5 по 8 ноября 2013 г. в Элисте прошла Международная научно-практическая конференция «Танец как историко-культурное наследие монголоязычных народов», посвященная 75-летию со дня рождения Героя Калмыкии, заслуженного деятеля искусств РСФСР, лауреата Государственной премии Калмыцкой АССР им. О. И. Городовикова, руководителя Государственного театра танца Калмыкии «Ойраты» П. Т. Надбитова. В работе конференции приняли участие

президент Международного танцевально-го совета по танцу (CID) ЮНЕСКО Алкис Рафтис, ученые Монголии, Тувы, Алтай, Калмыкии.

На конференции с докладами выступили министр культуры РК А. А. Учурова («Петр Надбитов как феномен культуры Калмыкии»), П. Т. Надбитов («Народный танец и сцена: становление и развитие калмыцкого профессионального хореографического искусства»). Заведующая отделом языкознания КИГИ РАН, к.ф.н., доцент Э. У. Омакаева и научный сотрудник КИГИ РАН, к.ф.н. Б. Х. Борлыкова представили доклад «Калмыцкий песенно-танцевальный фольклор в записях первой половины XX в. (по архивным материалам фольклорных экспедиций Г. Й. Рамстедта, А. Д. Руднева и А. В. Бурдукова). Руководитель Общественной организации «Центр наследия родной культуры и традиций кочевников мира» Баатаржав Эрдэнэцогт посвятил свое выступление истории восстановления древних аутентичных инструментов алтайских урянхайцев Западной Монголии и вопросам их взаимосвязи с искусством горлового пения. Доцент ФГБОУ ВПО «Калмыцкий государственный университет», канд. культурологии Н. Д. Санджиев выступил с докладом «Фольклорные основы современного сценического танца калмыков». В докладе художественного руководителя и главного балетмейстера Национального театра танца и песни «Алтам», заслуженной артистки РФ А. И. Шинжиной были освещены результаты исследования алтайского героического эпоса как историко-культурного источника по реконструкции и современному развитию национального хореографического искусства Алтая. Об истории танцевальной культуры тувинцев рассказал в своем выступлении доцент кафедры социально-гуманитарных наук Уральского государственного университета физической культуры, канд. культурологии В. К. Биче-оол.

По итогам работы конференции ученые приняли резолюцию о необходимости проведения работы для включения калмыцких танцев «Чичирдык», «Ишкимдык», «Дербетовский тавшур», а также калмыцкого героического эпоса «Джангар» в Список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО.

Материал подготовлен
ученым секретарем КИГИ РАН, к.ф.н.
Е. В. Бембеевым

ИСТОРИЯ

Тепкеев В. Т. Русско-калмыцкие переговоры и шерть 1657 г.

В статье освещаются русско-калмыцкие переговоры накануне подписания шерти 1657 г., а также публикуется полный текст самого документа. Именно после этого политического события калмыцкие отряды активно вступили в Русско-польскую войну на стороне Московского государства.

Ключевые слова: XVII век, русско-калмыцкие отношения, шерть 1657 г., Астрахань, Мончак, Дайчин, Василий Ромодановский.

Батыров В. В. Брак умыканием у калмыков в первой половине XIX века.

Статья посвящена вопросам заключения брака через похищение невесты у калмыков в первой половине XIX в. Выделены две разновидности брака умыканием: первая — с насильственным похищением девушки, вторая — похищением с её согласия и с ведома родителей. Отмечена проблема непрочности семейных уз в браках, совершенных путем похищения невесты.

Ключевые слова: история Калмыкии, традиционная культура, брак умыканием, свадьба, сватовство, выкуп за невесту, заключение брака, обычное право.

Сызранов А. В. Раскол Духовного управления мусульман Европейской части СССР и Сибири (ДУМЕС) и образование региональных муфтиятов в постсоветской России.

В статье рассматривается процесс раскола единого Духовного управления мусульман Европейской части СССР и Сибири (позднее — Центральное духовное управление мусульман России) и образования независимых региональных Духовных управлений. Отмечается, что в большинстве регионов с заметной долей мусульманского населения возникло по несколько альтернативных муфтиятов.

Ключевые слова: духовное управление, ислам, муфтият, раскол, мусульманское население, Российское государство.

АРХЕОЛОГИЯ

Очир-Горяева М. А., Кекеев Э. А. Археологические раскопки поселения эпохи бронзы Ергенинское.

Статья посвящена результатам первых в Республике Калмыкия стационарных археологических раскопок поселения эпохи бронзы. Вскрыто 107 кв.м. Культурный слой мощностью до 80 см содержал 335 фрагментов керамики, 89 кремневых изделий и 29,5 кг костей животных. Найден диоритовый топор, фрагменты плоских пряслиц и костяные изделия. Поселение датируется заключительным этапом раннего бронзового века.

Ключевые слова: ранний бронзовый век, поселение, волго-маньчские степи, керамика, кремль, кости животных.

HISTORY

Тепкеев V. Russian-Kalmyk Negotiations and the «Shert» of 1657.

The article deals with the Kalmyk-Russian negotiations on the eve of the signing of the «Shert» of 1657, and also publishes the full text of this document. After this political event, that Kalmyk troops actively entered the Russian-Polish war on the side of the Moscow state.

Keywords: XVII century, Russian-Kalmyk relations, the «Shert» of 1657, Astrakhan, Monchak, Daichin, Vasily Romodanovskiy.

Batyrov V. Marriage by Abduction among the Kalmyks in the first half of the XIX century.

The article is devoted to the issues of conclusion of marriage by abduction of the bride among the Kalmyks in the first half of the XIX century. There are two types of marriage by abduction: the first — violent abduction of the girl, the second — abduction with her consent and with the knowledge of her parents. The problem of the fragility of family links in the marriage, committed by means of bride kidnapping is considered.

Keywords: history of Kalmykia, traditional culture, marriage by abduction, wedding, matchmaking, bride buyout, conclusion of marriage, customary law.

Syzranov A. Split in the Spiritual Board of Muslims of the European Part of the USSR and Siberia (DUMES) and the Formation of Regional Muftiyats in Post-Soviet Russia.

The article considers the process of splitting of unified Spiritual Board of Muslims of the European part of the USSR and Siberia (later — the Central Spiritual Board of Muslims of Russia) and formations of independent regional Spiritual Boards. It is noted that in the majority of regions with a noticeable share of the Muslim population some alternative muftiyats have appeared.

Keywords: Spiritual Board, Islam, muftiyat, split, Muslim population, Russian state.

ARCHAEOLOGY

Ochir-Goriaeva M., Kekeev E. Archaeological Excavations of a Settlement of the Bronze Age Ergeninskoye.

The article is devoted to the results of the stationary archaeological excavations of the settlement of the bronze age Ergeninskoye carried out for the first time in the Republic of Kalmykia. The total size of the excavated area is 107 sq.m. The cultural layer up to 80 cm thick contained 335 fragments of ceramics, 89 flints and 29,5 kg of the animal bones. The diorite axe, fragments of spindle whorls and bone artefacts were found. The settlement is dating back to final stage of the early bronze age.

Keywords: Early bronze age, settlement, Volga-Manych steppes, ceramics, flint, animal bones.

Кекеев Э. А. О материалах археологических раскопок из курганной группы Архара, хранящихся в фондах Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова.

Статья посвящена результатам изучения сохранности археологических находок из раскопок У. Э. Эрдниева и И. В. Синицына курганной группы могильника Архара в 1962–1963 гг., хранящихся в фондах Национального музея РК им. профессора Н. Н. Пальмова.

Ключевые слова: Архара, спасательные раскопки, курган, погребение, музейная коллекция, археологические находки.

Kekeev E. On Materials of the Archeological Excavations of Barrow Group Arkhara stored in the Funds of the National Museum of the Republic of Kalmykia named after N. Palmov.

The article is devoted to the results of studying of the preservation of archaeological finds from the barrow burial group Arkhara, excavated in 1962–1963 by U. E. Erdniev and I. V. Sinitzyn and stored in the funds of the National Museum of the Republic of Kalmykia named after N. Palmov.

Keywords: Arkhara, rescue excavations, barrow, burial, Museum collection, archaeological finds.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Трофимова С. М., Рассадин В. И. О развитии форм личной и возвратной принадлежности и связи их с категорией определенности/неопределенности в бурятском языке.

В статье рассматривается развитие форм личной и безличной принадлежности в бурятском языке в связи с категорией определенности/неопределенности.

Ключевые слова: бурятский язык, категория принадлежности, личная принадлежность, безличная принадлежность, категория определенности/неопределенности, средство выражения.

Мизиев А. М. О синонимии фразеологических единиц в тюркских языках.

Статья посвящена синонимии фразеологизмов. Обосновывается положение, согласно которому фразеологические синонимы, обладая интегральными семами, различаются дифференциальными признаками: семантическими типами и сочетаемостью. Семантические типы фразеологических синонимов бывают равнозначными, идеографическими и стилистическими. В структурном отношении среди указанных фразеологизмов выделяют одно модельные и сходно модельные.

Ключевые слова: стилистические синонимы, идеографические синонимы, одноструктурные синонимы, разноструктурные синонимы, синонимы-дубликаты, варианты синонимы, одно модельные синонимы, сходно модельные синонимы.

Олидыкова Л. Б., Ярмаркина Г. М. Графические и орфографические особенности кириллицы в скорописи деловых писем XVIII в.

В статье на материале русских переводов писем хана Аюки и его современников представлено описание графических и орфографических особенностей скорописи XVIII века в контексте современных ей явлений. Отмечается, что анализируемые деловые тексты были созданы за много лет до вступления в действие новой русской азбуки и потому характеризуются целым рядом графических особенностей, относящихся, как правило, к периоду до реформы Петра I.

Ключевые слова: деловые письма, переводы, скоропись XVIII века, кириллица, графика, орфография.

LINGUISTICS

Trofimova S., Rassadin V. About the Development of the Forms of Personal and Impersonal Possession and about their Connection with the Category of Definiteness and Indefiniteness in the Buryat Language.

The article discusses the development of forms of personal and impersonal possession in the Buryat language in relation to the category of definiteness and indefiniteness.

Keywords: Buryat language, category of possession, personal possession, impersonal possession, category of definiteness and indefiniteness, a means of expression.

Miziev A. On the Synonymy of Phraseological Units in the Turkic Languages.

The article is devoted to the synonymy of phraseologisms. It is proved that phraseological synonyms having integrated semas differ by differential signs: semantic types and compatibility. Semantic types of phraseological synonyms are equal, ideographic and stylistic. Structurally among these idioms there are one-model and similar-model.

Keywords: stylistic synonyms, ideographic synonyms, the same structural synonyms, the different structural synonyms and synonyms-doublers, the variant synonyms, one-model. synonyms, similar-model synonyms.

Oliadykova L., Yarmarkina G. Graphic and Orthographic Features of Cyrillic Script in Cursive Writing of the XVIII century Business Letters.

The article provides the description of graphic and orthographic features of the XVIII century cursive writing in the context of its contemporary phenomena on the material of Ayuka Khan's and his contemporaries' letters translated into Russian. It is noted that analyzed texts were created long before the introduction of the new Russian alphabet and therefore characterized by a number of specific graphic features related to the period prior to the reforms of Peter the Great.

Keywords: Business letters, translations, XVIII century cursive writing, Cyrillic script, graphics, orthography.

Борлыкова Б. Х. Калмыцкие исторические песни: опыт кластерного описания лексики.

В статье рассматриваются вопросы системности фольклорного лексикона, в частности, используется идея кластеров и кластерного анализа для выявления национально-культурного своеобразия историко-песенной лексики. Кластер представлен в виде системы взаимосвязанных субкластеров, составляющих целостную характеристику определенного фрагмента песенной картины мира.

Ключевые слова: калмыцкая историческая песня, лексика, кластер, субкластер, натурфакт, артефакт, социофакт, ментифакт.

Убушиева Б. Э., Омакаева Э. У. К вопросу о роли и функциях поэтических топонимов (на материале калмыцких народных песен).

Статья посвящена анализу калмыцкого песенного дискурса с учетом использования в нем топонимических наименований. В результате исследования выделяются основные функции топонимов в песне, а также их текстопорождающий потенциал.

Ключевые слова: калмыцкая народная песня, имя собственное, топоним, поэтика, семантика, функция, текстопорождающий потенциал.

Митриев И. М., Есенова Т. С. Радость и улыбка как знаки эмоциональной сферы калмыков.

В статье исследуются разнообразные средства вербализации концептов «радость» и «улыбка» в калмыцком языке. В изученных художественных текстах фиксируются контексты, отражающие такие разновидности радости, как «радость–удовольствие», «радость–возбуждение», «радость–облегчение». Определены контексты, для которых характерны данные феномены.

Ключевые слова: калмыки, лингвокультура, невербальные средства, радость, улыбка, эмоции, репрезентация.

Чемидова Д. П., Есенова Т. С. Социальный и религиозный факторы в коммуникативном поведении калмыков.

Статья посвящена коммуникативному поведению калмыков. Анализируется влияние социального и религиозного факторов на национально-культурную специфику коммуникативного поведения представителей калмыцкого этноса.

Ключевые слова: коммуникативное поведение, лингвокультура, лингвокультурная общность, речевое поведение, менталитет, национальный характер, калмыки.

Кичикова Н. А., Ярмаркина Г. М. «И друг степей калмык» как прецедентный феномен в общероссийском и калмыцком языковом сознании.

В статье на материале СМИ рассматривается прецедентный феномен «и друг степей калмык» в общероссийском и калмыцком языковом сознании. По мнению авторов, данный прецедентный феномен в общероссийском масштабе употребляется чаще в метафорическом значении, в языковом сознании калмыков, напротив, выступает в денотативном значении и связан с особенностями национальной культуры, с традициями и ментальностью калмыцкого народа.

Ключевые слова: прецедентность, национально-прецедентный феномен, прецедентное высказывание, прецедентный текст, языковое сознание.

Borlykova B. Kalmyk Historical Songs: the Experience of Cluster Description of Vocabulary

The article deals with the issues of the systemic features of folk lexicon, in particular, the idea of clusters and cluster analysis is used to identify national and cultural identity of historic song vocabulary. Cluster is represented as a system of interconnected subclusters constituting an integral characteristics of a particular fragment of the song worldview.

Keywords: Kalmyk historical song, vocabulary, cluster, subcluster, naturfact, artefact, sociosiofact, mentifact.

Ubushieva B., Omakeeva E. To the Question of the Role and Functions of the Poetic Toponyms (on the material of the Kalmyk folk songs).

The article is devoted to the analysis of the Kalmyk song discourse based on the use of toponymic names in it. The study highlights the main functions of such names in the song, as well as their text-generating potential.

Keywords: Kalmyk folk song, proper name, toponym, poetics, semantics, function, text-generating potential.

Mitriev I., Esenova T. Joy and Smile as Signs of Emotional Sphere of the Kalmyks.

The paper explores a variety of means of verbalization of concepts «joy» and «smile» in the Kalmyk language. The studied literary texts fix contexts, reflecting such varieties of the joy as «joy-pleasure», «joy-excitement», «joy-relief». The contexts which characterized by data phenomena are defined.

Keywords: the Kalmyks, linguoculture, non-verbal means, joy, smile, emotion, representation.

Chemidova D., Esenova T. Social and Religious Factors in the Communicative Behavior of the Kalmyks.

The article is devoted to the communicative behavior of the Kalmyks. The influence of social and religious factors on the national and cultural specifics of the communicative behavior of the representatives of the Kalmyk ethnos is analysed.

Keywords: communicative behavior, linguoculture, linguistic and cultural community, verbal behavior, mentality, national character, the Kalmyks.

Kichikova N., Yarmarkina G. “And the Steppe-Loving Kalmyk” as Precedent Phenomenon in All-Russian and Kalmyk Linguistic Consciousness.

The article deals with the precedent phenomenon “and the steppe-loving Kalmyk” in the all-Russian and Kalmyk linguistic consciousness on the material of mass media. In the authors’ opinion, this precedent phenomenon is used in the figurative meaning in the all-Russian scale. But in the Kalmyk linguistic consciousness it is used in the denotative meaning and is connected with the peculiarities of the national culture, traditions, and mentality of the Kalmyk people.

Keywords: precedent phenomena, national precedent phenomenon, precedent utterance, precedent text, linguistic consciousness.

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Селеева Ц. Б. Малые жанры фольклора монгольских народов в записи А. В. Бурдукова (к вопросу о публикации фольклорных текстов).

Статья посвящена рассмотрению вопросов подготовки к научному изданию архивных текстов паремий монгольских народов в записи А. В. Бурдукова. Автор статьи приходит к выводу, что Бурдуковым были решены ключевые проблемы научного издания образцов малых жанров монгольских народов, связанные с формированием корпуса текстов, их систематизацией и переводом, анализом и транскрибированием текста с применением научного аппарата.

Ключевые слова: паремии монгольских народов, тематическая классификация, А. В. Бурдуков, архивный фонд, источники, подготовка к изданию.

Обююкова В. В. О формах бытования жанра тойук.

В статье рассматривается вопрос о генетической связи одного из жанров устного народного творчества якутов *тойук* с аналогичными жанрами *туюг*, *туйуг* тюркоязычных народов Средней Азии и Южной Сибири.

Ключевые слова: *туюг*, *туйук*, *тойук*, традиция, генезис, жанр, импровизация, вариативность, локальность, региональность.

Яданова К. В. Предания теленгитов долины Эре-Чуй.

Статья посвящена преданиям теленгитов, записанным автором в Кош-Агачском районе Республики Алтай. Автор приходит к выводу, что сюжетный состав преданий теленгитов значителен. Генетически родственные сюжеты обнаруживаются в тюркско-монгольской фольклорной традиции, типологически сходные параллельные формы – у других народов.

Ключевые слова: предание, сюжет, фольклорные тексты, теленгиты, фольклорная традиция, устные рассказы.

Хусаинова Г. Р. Персонажи башкирской волшебной сказки: мифологические противники героя.

Статья посвящена анализу мифологических персонажей башкирской волшебной сказки, так называемых противников героя. Наиболее распространенными персонажами являются дэв, аждаха, мэскэй, которые встречаются в сказках и у других тюркских народов, в частности, татар.

Ключевые слова: башкирская сказка, мифологические персонажи, противники героя.

Убушиева Д. В. Текстологический анализ трех вариантов калмыцкой народной песни «Шара шилин гүлзиге» / «[На] архара с золотистой горы».

В статье освещается ряд вопросов, связанных с текстологией песенного материала, входящего в том «Калмыцкие народные песни» Свода калмыцкого фольклора, на примере анализа трех вариантов калмыцкой народной песни «Шара шилин гүлзиге» в записи 1902, 1936, 1969 гг.

Ключевые слова: архив, фонд, запись, текст, вариант, текстология, песня.

FOLKLORE STUDIES

Seleeva Ts. Small Genres of Folklore of the Mongolian Peoples in the Records of A. V. Burdukov (on the question of the publication of folklore texts).

The article is devoted to the issues of preparation for the scientific edition of archival texts of the paremiads of the Mongolian peoples in the record of A. V. Burdukov. The author of the article comes to the conclusion that Burdukov solved the key problems of a scientific edition of samples of small genres of the Mongolian peoples, associated with the formation of a corpus of texts, their systematization and translation, analysing and transcribing texts with the application of scientific apparatus.

Keywords: paremiads of the Mongolian peoples, thematic classification, A. V. Burdukov, archival fund, sources, preparation for publication.

Obuyukova V. To the Question of the Forms of the Existence of the Genre Toyuk.

In this article discusses the genetic connection of one of the folklore genres of the Yakut people *toyuk* with similar genres *tuyuk* and *tuyug* of Turkic-speaking peoples of Middle Asia and South Siberia.

Keywords: *tuyug*, *tuyuk*, *toyuk*, tradition, genesis, genre, improvisation, variability, locality, regionality.

Yadanova K. Legends of the Telengits of the Vally Ere-Chui.

The article is devoted to the legends of the Telengits, written down by the author in Kosh-Agach region of the Republic of Altai. The author comes to a conclusion that plots composition of the legends of the Telengits is extensive. Genetically related plots are found in the Turkic-Mongolian folklore tradition, typologically similar parallel forms are found in the folklore tradition of other peoples.

Keywords: legend, plot, folklore texts, the Telengits, folklore tradition, oral stories (narrations).

Khusainova G. The Characters of Bashkir Fairy Tale: Mythological Opponents of Hero.

The article is devoted to the analysis of mythological characters in the Bashkir fairy tale, the so-called enemies of the hero. The most common characters are dev, ajdaha, mjaskej which are found in fairy tales of other Turkic peoples, in particular, among the Tatars.

Keywords: Bashkir fairy tale, mythological characters, enemies of the hero.

Ubushieva D. Textological Analysis of Three Variants of the Folk Song «Shara Shilin Gyulzige» / «[On] the arkhar from the Golden Mountain».

The article highlights a number of issues related to textology of song material included in the volume «Kalmyk folk songs» of the Corpus of the Kalmyk folklore on the example of the analysis of three variants of the same Kalmyk folk song «Shara Shilin gulzige» recorded in 1902, 1936, 1969.

Keywords: archive, fund, recording, text, variant, textology, song.

ЭКОНОМИКА

Бабич С. Г. Статистическое исследование рынка частных депозитов: региональный аспект.

В статье рассматриваются процессы, происходящие на рынке вкладов физических лиц в кредитных организациях страны. Автор считает, что, несмотря на рост объема привлекаемых кредитными организациями временно свободных денежных средств населения, сохраняется существенная дифференциация коммерческих банков в регионах России на рынке частных вкладов.

Ключевые слова: рынок депозитов населения, региональная дифференциация кредитных организаций по уровню депонирования денежных средств населения, индекс развития сберегательного дела.

Ахмадова Т. Ш. Перспективы инвестиционной деятельности в регионе (на примере Чеченской Республики).

В статье проводится сравнительный анализ перспективности инвестиционной политики в регионе и, в частности, в Чеченской Республике. Автор выявляет сильные и слабые стороны региональной политики для активизации инвестиционной деятельности.

Ключевые слова: экономика, анализ, инвестиция, Чеченская Республика, проект, приоритетный, инфраструктура, программа.

Хулхачиева Э. П. О возможностях реализации кластерной политики в условиях перехода к инновационной экономике: зарубежный и отечественный опыт.

В статье рассмотрены теоретические предпосылки и факторы реализации кластерной политики в условиях перехода к инновационной экономике сельского хозяйства, в том числе уточнение и анализ отечественного и зарубежного опыта разработки и реализации кластерной политики. Выявлены социально-экономические условия и факторы, присущие региону.

Ключевые слова: кластер, кластерная политика, промышленность, конкурентоспособность инновационная экономика, сельское хозяйство.

Болдырева С. Б., Аксенова Т. Н. Некоторые теоретические проблемы изучения этноэкономики.

Статья посвящена освещению теоретических аспектов изучения этноэкономики как нового направления в исследованиях экономистов. Авторы считают, что в современных условиях развитие этноэкономики имеет особое значение.

Ключевые слова: региональная экономика, этноэкономика, этноэкономическая политика, проблемы этноэкономики, регион.

Кекеева К. А. К вопросу о финансовых ресурсах как основе функционирования экономики региона.

В статье рассматриваются финансовые ресурсы субъектов Российской Федерации, которые отражают сложившуюся разницу в развитии регионов страны. Особое внимание уделяется составляющим региональных финансовых ресурсов.

Ключевые слова: функционирование экономики, финансы, финансовые ресурсы, кредит, регион, субъект.

ECONOMICS

Babich S. Statistical Research of the Market of Retail Deposits: Regional Aspect.

The article considers the processes occurring in the market of retail deposits in credit organizations of Russia. The author believes that in spite of the growth in the volume of temporarily finds of the population attracted by credit institutions, substantial differentiation among regional commercial banks of Russia on the market of retail deposits still remains.

Keywords: market of the population' deposits, regional differentiation of commercial banks at the level of the population's cash depositing, index of the savings business development.

Akhmadova T. Prospects of Investment Activities in Region (on the example of the Chechen Republic).

The article provides a comparative analysis of the prospects of investment policy in a region and, in particular, in the Chechen Republic. The author identifies the strengths and weaknesses of regional policy to intensify the investment activity.

Keywords: economics, analysis, investment, Chechen Republic, project, priority, infrastructure, program.

Khulkhachieva E. About the Possibilities of Realization of Cluster Policy in Conditions of Transition to Innovative Economy: Foreign and Russian Experience.

The article deals with the theoretical background and implementation factors of cluster policy in the transition to an innovation economy of agriculture, including the refinement and analysis of domestic and international experience in the development and implementation of cluster policy. Socio-economic conditions and other factors inherent in the region are identified.

Keywords: cluster, cluster policy, industry, competitiveness, innovative economy, agriculture.

Boldyreva S, Aksenova T. Some Theoretical Some Theoretical Problems of Studying of Ethnoeconomics.

The article is devoted to highlighting of the theoretical aspects of the study of ethnoeconomics as a new direction in researches of economists. The authors believe that in modern conditions the development of ethnoeconomics is of particular significance.

Keywords: regional economics, ethnoeconomics, ethnoeconomic policy, problems of ethnoeconomics, region.

Kekeeva K. To the Question of Financial Resources as the Basis of the Functioning of Region's Economy/

The article focuses on the financial resources of the subjects of the Russian Federation, which reflect the current difference in the development of regions in the country. Special attention is paid to the components of regional financial resources.

Keywords: functioning of the economy, finance, financial recourses, credit, region, subject.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Максимов Г. К. Особенности избирательного законодательства по выборам в Государственную думу 1905–1907 гг. депутатов от кочевых народов.

В статье рассматриваются вопросы создания в начале XX века правовой базы парламента России в составе двух палат — Государственного совета и Государственной думы. Отмечены особенности создания и применения избирательного законодательства при косвенных выборах депутатов от кочевых народов.

Ключевые слова: Астраханская губерния, Ставропольская губерния, представительный орган, законодательный орган, избирательное право, избирательный процесс, калмыцкие улусы, выборы, депутаты, Государственная дума.

Гунаев Е. А. Правовое регулирование миграционных процессов в Республике Калмыкия в начале XXI в.

В статье рассмотрено нормативно-правовое регулирование миграционных процессов на уровне субъекта Российской Федерации — в Республике Калмыкия. Автор приходит к выводу, что, несмотря на сужение поля правового регулирования миграционных процессов субъектов РФ в предыдущие годы, в целом роль регионов РФ в данном вопросе будет возрастать.

Ключевые слова: миграция, Российская Федерация, Республика Калмыкия, нормативно-правовое регулирование, программный метод.

Цебекова Г. В., Адыанов К. Д. К вопросу о мерах противодействия коррупции в системе образования Российской Федерации.

Статья посвящена превентивным мерам противодействия коррупции в системе образования. Авторы показывают, что коррупция поразила практически все сферы жизни общества, что негативно сказывается на экономике России, приводит к снижению роли государства как регулятора экономических и социальных процессов.

Ключевые слова: образование, коррупция, борьба с коррупцией, превентивные меры, взятка, лицензия, аккредитация.

Басанов В. В., Кравцова А. Н. Уголовно-правовой анализ преступлений, связанных со взрывами.

В статье дан краткий уголовно-правовой анализ преступлений, связанных со взрывами. Акцентируется внимание на уголовно-правовой характеристике террористического акта, совершаемого с использованием энергии взрыва, рассматриваются объективные признаки и вопросы квалификации данного вида преступления.

Ключевые слова: взрыв, террористический акт, объект, объективная сторона террористического акта, квалифицирующий признак, угроза совершения взрыва.

JURISPRUDENCE

Maksimov G. Peculiarities of the Electoral Legislation on Elections of Deputies from Nomadic Peoples to the State Duma of 1905–1907.

The article deals with the issues of creation of the legal base of the Russian Parliament in the early XX century consisting of two chambers — the State Council and the State Duma. The peculiarities of creation and usage of the electoral law in the indirect election of deputies from the nomadic peoples are marked.

Keywords: Astrakhan Guberniya, Stavropol Guberniya, representational body, body of legislation, electoral law, electoral process, the Kalmyk uluses, elections, deputies, State Duma.

Gunaev E. Legal Regulation of Migration Processes in the Republic of Kalmykia in the beginning of XXI century.

The article considers the legal regulation of migration processes at the level of the subject of the Russian Federation, namely in the Republic of Kalmykia. The author comes to the conclusion that despite the narrowing of the field of legal regulation of migration processes of the constituent entities of the Russian Federation in previous years, in general, the role of regions of the Russian Federation in this matter will increase.

Keywords: migration, Russian Federation, Republic of Kalmykia, the legal regulation, the program method.

Tsebekova G. Adyanov K. To the Question of Preventive Measures against Corruption in the Education System of the Russian Federation.

The article is devoted to the preventive measures against corruption in the education system. The authors show that corruption has permeated almost all spheres of life, which adversely affects the economy of Russia, reduces the role of the state as a regulator of economic and social processes.

Keywords: education, corruption, fight against corruption, preventive measures, bribe, license, accreditation.

Basanov V., Kravtsova A. Criminal-legal Analysis of the Crimes Connected with Explosions.

The article provides a brief criminal-legal analysis of the crimes connected with explosions. Attention is focused on the characteristics of criminal-legal the terrorist act perpetrated by using the energy of the explosion, are considered objective evidence of qualifications and issues of this type of crime.

Keywords: explosion, terrorist act, object, objective side of a terrorist act, a qualifying attribute, threat of explosion.

БИОЛОГИЯ

Менкнасунова Ж. В., Дорджиева В. И. Сопоставление структуры побега *Glycyrrhiza glabra* L. в условиях полупустынной зоны и побережья Волги.

Статья посвящена сравнительному анализу морфометрических параметров сложного листа и годичного побега *G. glabra* L. в двух противоположных по характеру средах обитания. Выявлены корреляционные плеяды наиболее взаимосвязанных рассматриваемых признаков.

Ключевые слова: ортотропный побег, корреляционное кольцо, плеяда, побережье Волги, полупустынная зона, сравнительный анализ, морфометрические параметры.

Дорджиева В. И., Аюшева Е. Ч., Джанова Р. Р. Анатомическое строение фотосинтезирующих органов кохии стелющейся.

В статье рассматривается анатомическое строение годичного побега кохии стелющейся — ценозообразователя растительных сообществ на бурых полупустынных супесчаных и песчаных почвах в пустынной зоне на территории Республики Калмыкия. Отмечается, что рассматриваемый вид используется в качестве фитомелиоранта деградированных пастбищ.

Ключевые слова: песчаный экотип, годичный побег, анатомическое строение, ценозообразователь, растительные сообщества, кохия стелющаяся, фотосинтезирующие органы, фитомелиорант.

ЭКОЛОГИЯ

Ташнинова Л. Н. Влияние антропогенных факторов на создание парагенетических ландшафтов.

В статье рассматривается влияние антропогенных факторов на создание парагенетических ландшафтов, приводятся примеры положительного и отрицательного влияния этих факторов. Изучение антропогенно-измененных ландшафтов показало дифференцированную ответную реакцию природной среды на комплекс этих воздействий.

Ключевые слова: парагенетический ландшафт, почвы, лесонасаждения, антропогенные факторы.

BIOLOGY

Menknasunova Zh., Dordzhieva V. Comparison of Structure of the Shoot of *Glycyrrhiza glabra* L. in conditions of Semi-desert Zone and the Coast of Volga.

The article is devoted to the comparative analysis of morphometric parameters of compound leaf and annual shoot *G. glabra* L. in two opposite habitats. Correlation pleiades of most interconnected considered features are identified.

Keywords: orthotropic shoot, correlation ring, pleiad, the coast of Volga, semi-desert zone, comparative analysis, morphometric parameters.

Dordzhieva V., Ayusheva E., Dzhapova R. Anatomical Structure of the Photosynthetic Organs of *Kochia prostrata*.

The article considers the anatomic structure of annual shoot of a *Kochia prostrata*, a cenosis former of plant communities on brown semidesert sandy loam and sandy soils in a desert zone on the territory of the Republic of Kalmykia. It is noted, that the considered species is used as a phytomeliiorant of the degraded pastures.

Keywords: Sandy ecotype, annual shoot, anatomic structure, cenosis former, plant communities, *Kochia prostrata*, photosynthetic organs, phytomeliiorant.

ECOLOGY

Tashninova L. Influence of Anthropogenic Factors on the Creation of Paragenetic Landscapes.

The article examines the impact of human factors on the creation of paragenetic landscapes, examples of positive and negative influence of these factors. Study of anthropogenically modified landscapes showed a differentiated response of the natural environment on the combination of these effects.

Keywords: paragenetic landscape, soil, plantations, anthropogenic factors.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Адьянов Климентий Джангарович — магистрант Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: klim@mail.ru.

Аксенова Татьяна Николаевна — кандидат экономических наук, доцент Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: tataks@mail.ru

Ахмадова Тамила Шарпудиновна — старший преподаватель кафедры экономического анализа Чеченского государственного университета (Грозный). E-mail: shab 00 @ mail. ru

Аюшева Елена Чопаевна — аспирант кафедры ботаники и зоологии Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: ayushevae@mail.ru

Бабич Светлана Гавриловна — кандидат экономических наук, доцент Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова (Москва). E-mail: babich_svetlana@rambler.ru

Басанов Владимир Васильевич — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: upravo@yandex.ru

Батыров Валерий Владимирович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, этнологии и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: valerabatyrov@gmail.com

Болдырева Саглар Борисовна — кандидат экономических наук, доцент Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: boldyreva_sb@mail.ru

Борлыкова Босха Халгаевна — кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела языкознания Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: borlboskha@mail.ru

Гунаев Евгений Александрович — кандидат юридических наук, научный сотрудник отдела социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: kigiran@elista.ru

Klimenty Adianov — Master's degree Student of the Kalmyk State University (Elista). E-mail: klim@mail.ru.

Tatyana Aksenova — Ph. D. of Economics, Associate Professor of the Kalmyk State University (Elista). E-mail: tataks@mail.ru

Tamila Akhmadova — Senior Lecturer of the Chair of Economic Analysis of the Chechen State University (Grozny). E-mail: shab 00 @ mail. ru

Elena Ayusheva — Post-graduate Student of the Chair of Botany and Zoology of the Kalmyk State University (Elista). E-mail: ayushevae@mail.ru

Svetlana Babich — Ph. D. of Economics, Associate Professor of the Russian Economical University named after G. V. Plekhanov (Moscow). E-mail: babich_svetlana@rambler.ru

Vladimir Basanov — Ph. D. of Jurisprudence, Head of the Chair of Criminal Law and Procedure of the Kalmyk State University (Elista). E-mail: upravo@yandex.ru

Valery Batyrov — Ph. D. of History, Senior Research Worker of the History, Archeology and Ethnology Department of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: valerabatyrov@gmail.com

Saglar Boldyreva — Ph. D. of Economics, Associate Professor of the Kalmyk State University (Elista). E-mail: boldyreva_sb@mail.ru

Boskha Borlykova — Ph.D. of Philology, Research Worker of the Linguistic Department of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: borlboskha@mail.ru

Evgeny Gunaev — Ph. D. of Jurisprudence, Research Worker of the Department of Social, Political and Ecological Studies of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: kigiran@elista.ru

- Джапова Раиса Романовна** — доктор биологических наук, профессор кафедры ботаники и зоологии Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: botanika@kalmsu.ru
- Raisa Dzhapova** — Ph. D. of Biology, Professor of the Chair of Botany and Zoology of the Kalmyk State University (Elista). E-mail: botanika@kalmsu.ru
- Дорджиева Виктория Ильинична** — кандидат биологических наук, доцент кафедры ботаники и зоологии Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: Botanika@mail.ru
- Victoria Dordzhieva** — Ph. D. of Biology, Associate Professor of the Chair of Botany and Zoology of the Kalmyk State University (Elista). E-mail: Botanika@mail.ru
- Есенова Тамара Саранговна** — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и общего языкознания Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: esenova_ts@mail.ru
- Tamara Esenova** — Ph. D. of Philology, Professor, Head of the Russian Language and General Linguistics Chair of the Kalmyk State University (Elista). E-mail: esenova_ts@mail.ru
- Кекеев Эрдни Анатольевич** — младший научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: kekeev@yandex.ru
- Erdni Kekeev** — Junior Research Worker of the History, Archeology and Ethnology Department of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: kekeev@yandex.ru
- Кекеева Кермен Анатольевна** — аспирант Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: kermennn@gmail.com
- Kermen Kekeeva** — Post-graduate Student of the Kalmyk State University (Elista). E-mail: kermennn@gmail.com
- Кичикова Надежда Андреевна** — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: esperes@list.ru
- Nadezhda Kichikova** — Ph. D. of Philology, Associate Professor of Russian Language and General Linguistics Chair of the Kalmyk State University (Elista). E-mail: esperes@list.ru
- Кравцова Анастасия Николаевна** — кандидат юридических наук, помощник судьи Верховного Суда Республики Калмыкия, старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: korneeva-nas@mail.ru
- Anastasia Kravtsova** — Ph. D. of Jurisprudence, Assistant of Judge of the Supreme Court of the Republic of Kalmykia, Senior Lecturer of the Chair of Criminal Law and Procedure of the Kalmyk State University (Elista). E-mail: korneeva-nas@mail.ru
- Максимов Герман Константинович** — советник юстиции, работник прокуратуры Республики Калмыкия (Элиста). E-mail: kigiran@elista.ru
- German Maksimov** — Counselor of Justice, Employee of the Prosecutor's Office of the Republic of Kalmykia (Elista). E-mail: kigiran@elista.ru
- Менкнасунова Жанна Викторовна** — учитель биологии МБОУ СОШ № 23 (Элиста). E-mail: jannaviktorovna62@yandex.ru
- Zhanna Menknasunova** — Biology Teacher of the School № 23 (Elista). E-mail: jannaviktorovna62@yandex.ru
- Мизиев Ахмат Магометович** — кандидат филологических наук, доцент кафедры балкарского языка Кабардино-Балкарского государственного университета. E-mail: kbigi@mail.ru
- Akhmat Miziev** — Ph. D. of Philology, Associate Professor of the Chair of the Balkar language of the Kabardino-Balkarian State University. E-mail: kbigi@mail.ru
- Митриев Игорь Менкеевич** — магистрант кафедры русского языка и общего языкознания Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: Mitrievigor@rambler.ru
- Igor Mitriyev** — Master's degree Student of Russian Language and General Linguistics Chair of the Kalmyk State University (Elista). E-mail: Mitrievigor@rambler.ru

- Обоюкова Варвара Валерьевна** — заведующий сектором «Якутский героический эпос Олонхо» Научно-исследовательского института Олонхо Северо-Восточного Федерального университета (Якутск). E-mail: obojukova@mail.ru
- Varvara Oboyukova** — Head of the Yakut Heroic Epos Olonkho Department of Olonkho Scientific Research Institute of the North-Eastern Federal University (Yakutsk). E-mail: obojukova@mail.ru
- Олядыкова Любовь Бембеевна** — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: olyadikova_lb@mail.ru
- Liubov Oliadykova** — Ph. D. of Philology, Professor of Russian Language and General Linguistics Chair of the Kalmyk State University (Elista). E-mail: olyadikova_lb@mail.ru
- Омакаева Эллара Уляевна** — кандидат филологических наук, доцент, заведующий отделом языкознания Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: kigiran@elista.ru
- Ellara Omakaeva** — Ph. D. of Philology, Assistant Professor, Head of Linguistics Department of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: kigiran@elista.ru
- Очир-Горяева Мария Александровна** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: mariaochir@rambler.ru
- Maria Ochir-Goriaeva** — Ph. D. of History, Senior Research Worker of the History, Archeology and Ethnology Department of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: mariaochir@rambler.ru
- Рассадин Валентин Иванович** — доктор филологических наук, профессор, директор Научного центра монголоведных и алтаистических исследований Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: rassadin17@mail.ru
- Valentin Rassadin** — Ph. D. of Philology, Professor, Director of Scientific Centre of Mongolian and Altaic Studies of the Kalmyk State University (Elista). E-mail: rassadin17@mail.ru
- Селеева Цаган Бадмаевна** — научный сотрудник отдела фольклора и джангароведения Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: tsagana007@mail.ru
- Tsagan Seleva** — Research Worker of the Folklore and Dzhanggar Studies Department of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: tsagana007@mail.ru
- Сызранов Андрей Вячеславович** — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Астраханского государственного университета (Астрахань). E-mail: A_Sizranov@mail.ru
- Andrey Syzranov** — Ph. D. of History, Associate Professor of the Chair of Russian History of the Astrakhan State University (Astrakhan). E-mail: A_Sizranov@mail.ru
- Ташнинова Людмила Николаевна** — кандидат биологических наук, старший научный сотрудник отдела социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: kigiran@elista.ru
- Liudmila Tashninova** — Ph. D. of Biology, Senior Research Worker of the Department of Social, Political and Ecological Studies of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: kigiran@elista.ru
- Тепкеев Владимир Толтаевич** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: tv75@mail.ru
- Vladimir Tepkeev** — Ph. D. of History, Senior Research Worker of the History, Archeology and Ethnology Department of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences. E-mail: tv75@mail.ru
- Трофимова Светлана Менкеевна** — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: trofimovasm@mail.ru
- Svetlana Trofimova** — Ph. D. of Philology, Professor of the Russian and General Linguistics Chair of the Kalmyk State University (Elista). E-mail: trofimovasm@mail.ru

- Убушиева Бамба Эрендженевна** — старший преподаватель кафедры калмыцкого языка и монголистики Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: ubamba@yandex.ru
- Убушиева Данара Владимировна** — кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела фольклора и джангароведения Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: bib.danara@yandex.ru
- Хулхачиева Эльзья Петровна** — кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой менеджмента и финансов Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: elza_h08@mail.ru
- Хусаинова Гульнур Равиловна** — кандидат филологических наук, заведующий отделом фольклористики Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН (Уфа). E-mail: bashfolk@yandex.ru
- Цебекова Гиляна Владимировна** — доцент кафедры уголовного права и процесса Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: gil-bembeeva@mail.ru
- Чемидова Дельгир Петровна** — ассистент кафедры русского языка как иностранного и общегуманитарных дисциплин, магистрант кафедры русского языка и общего языкознания Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: delgiraia9021@mail.ru
- Яданова Кузелеш Владимировна** — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института алтаистики им. С. С. Суразакова (Горно-Алтайск). E-mail: kuzelelesh@mail.ru
- Ярмаркина Галина Михайловна** — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания, и.о. зав. кафедрой русского языка как иностранного и общегуманитарных дисциплин Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: dzalina8@mail.ru
- Bamba Ubushieva** — Senior Lecturer of the Chair of Kalmyk Language and Mongolistics of the Kalmyk State University (Elista). E-mail: ubamba@yandex.ru
- Danara Ubushieva** — Ph. D. of Philology, Research Worker of the Folklore and Dzhanggar Studies Department of Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: bib.danara@yandex.ru
- Elziata Khulkhachieva** — Ph. D. of Economics, Assistant Professor, Head of the Chair of Management and Finance of the Kalmyk State University (Elista). E-mail: elza_h08@mail.ru
- Gulnur Khusainova** — Ph. D. of Philology, Head of the Department of Folklore Studies of the Institute of History, Language and Literature of the Ufa Research Center of the Russian Academy of Sciences (Ufa). E-mail: bashfolk@yandex.ru
- Giliana Tsebekova** — Ph. D. of Jurisprudence, Associate Professor of the Chair of Criminal Law and Process of the Kalmyk State University (Elista). E-mail: gil-bembeeva@mail.ru
- Delgir Chemidova** — Assistant of the Chair of Russian as a Foreign Language and General Humanitarian Disciplines, Master's Degree Student of the Russian Language and General Linguistics Chair of the Kalmyk State University (Elista). E-mail: delgiraia9021@mail.ru
- Kuzelesh Yadanova** — Ph. D. of Philology, Senior Research Worker of the Research Institute of Altaistics named after S. S. Surazakov (Gorno-Altai). E-mail: kuzelelesh@mail.ru
- Galina Yarmarkina** — Ph. D. of Philology, Associate Professor of the Russian Language and General Linguistics Chair, Acting Head of the Chair of Russian as a Foreign Language and General Humanitarian Disciplines of the Kalmyk State University (Elista). E-mail: dzalina8@mail.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН» принимает к печати авторские рукописи по приоритетным направлениям фундаментальных исследований РАН в области гуманитарных наук, а также рецензии, хронику, персоналии, ранее нигде не публиковавшиеся.

Журнал входит в **Перечень рецензируемых научных журналов и изданий для опубликования основных научных результатов диссертаций** на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по направлениям (редакция 17.06.2011):

- история;
- юриспруденция;
- филология;
- религиоведение,
- политология,
- философия,
- педагогика,
- биология,
- экономика
- социология.

Материалы принимаются в электронном виде в редакторе Word, набранные 14-м шрифтом через полуторный интервал (все поля по 2,5 см), объемом не более 0,7 п. л. При наборе необходимо использовать стандартную гарнитуру шрифта TimesNewRoman. Допускается представление рисунков в редакторе Word внутри текста статьи с перечнем подрисуночных подписей. Литература должна быть затекстовая в алфавитном порядке. Страницы обязательно должны быть пронумерованы.

К материалу прилагаются следующие документы: 1) аннотация на русском и английском языках (с обязательным переводом названия статьи, объемом не более 10 строк); 2) ключевые слова (не более 20) и их перевод на английский язык; 3) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество (полностью); ученая степень; ученое звание; направление работы; должность (с указанием полного названия кафедры вуза или структурного подразделения исследовательского института); рабочий адрес и телефоны; адрес электронной почты; 4) внешняя рецензия на статью; 5) ББК и УДК; 6) договор (бумажный вариант договора с личной подписью в двух экземплярах).

Редакция отправляет предлагаемые к изданию рукописи на независимое научное рецензирование. Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикуемых материалов. Рукописи не возвращаются, редакция не вступает в переписку по поводу отклоненных материалов. Перепечатка опубликованных в журнале материалов допускается только по согласованию с редакцией.

Материалы могут быть отправлены простой корреспонденцией, заказным письмом (358000 Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Илишкина, 8), электронной почтой (vestnik.kigiran@gmail.com).

Правила для авторов, Положение о рецензировании, а также договор опубликованы на сайте Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (www.kigiran.com/articles.php?cat_id=8).